ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ЖУРНАЛ

Звезда

1
январь
1992

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

■ ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Борис Митяшин

ИБРОЕ ВАШЕ ДЕЛО [1]

От автора

Предлагаемый читателю текст — строго документальная история моего заключения в советских политзонах и тюрьмах с мая 1984 года по декабрь 1988-го. История предваряется «вступительным» на этот путь Обвинением. Оно сотворено без моего участия. Выражаю глубокую благодарность всем свидетелям, следователям и Леноблгорлиту. Они очень постарались.

Далее Хроника моей подневольной жизни разделена на 4 части по местам пребывания. Это совместное с КГБ, Прокуратурой и МВД «произведение» началось в период следствия в Большом Доме, когда я закидывал бесов разными обращениями и копировал их ответы, чтобы основательно писать новые. Одна из линий переписки показалась мне особенно занимательной,— и тогда я исхитрился выбранный сюжет передать на волю. Эти «диалоги», составляющие первую часть, на мой взгляд, и сегодня представляют общественный интерес, поскольку одни участники продолжают занимать свои посты, а другие взлетели и повыше, ~~нем, например, бывший прокурор города А. Д. Васильев~~.

Вторая и третья части в основном составлены из писем к друзьям и близким, в них отражение моей внутренней жизни в пермских лагерях.

В начале 1987 года «товарищи» стали нам предлагать «включаться в перестройку», однако выход на свободу обусловливался личной просьбой и обещанием «не заниматься антисоветской деятельностью». Тогда 70-я статья вышла из лагерей процентов на 90. Я остался за решеткой. Некоторые из моих друзей на воле считали такое обращение формальностью. Однако чего будут стоить наши читательские сопереживания героям книг Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Юза Алешковского, Владимира Буковского, Анатолия Марченко и всей нашей многострадальной стране, стоящей за ними, если мы сами, оказавшись в тех же самых застенках, будем торопиться просить о милости тех же самых бандитов? Я не бросаю камень в тех, кто тогда вышел. И оправдаю всех, кто расценит мои слова как красивую фразу, которая не стоит одного года и десяти месяцев жизни в заключении. Тут коллизия в самом подходе к бесовскому, в частности, к КПСС и КГБ. Мне свойственной религиозный и научный, а не политический.

Четвертая часть почти вся написана в карцере чистопольской тюрьмы. Меня тогда вместо освобождения осудили до конца срока на «крытую». Там «героями» выступают люди, за год с небольшим до этого убившие Анатолия Марченко. Благодаря счастливому обстоятельству мне удалось сохранить и эти материалы.

Мне кажется, в этой Хронике оказались документально зафиксированы состояния души человеческой личности в разных экстремальных условиях. (Стоит сказать, что за четыре с половиной года, проведенных в неволе, мне пришлось «прожить» в карцерах ровно четверть, или 412 суток, 4 месяца — в БУРе, полгода в общей сложности — «на больничке» с усиленной «бациллой».) К счастью, «доходить», доходить до состояния, с научной художественностью изображенного Варламом Шаламовым в «Колымских рассказах», мне не довелось. Не то чтобы большевики не те, время для них не то.

И завершает всю публикацию Приложение. Оно представляет собой мою мировоззренческую систему, в которой в строгой форме я попытался объединить, условно говоря, звезды и человека. Работать над ней я начал еще до ареста и весь лагерно-тюремный срок продолжал ее формулировать. Это был мой постоянный второй мыслительный план. Окончательный вид она при-

---

[1] Журнальный вариант. Редакция считает необходимым сообщить, что рукопись была принята к изданию до августовского путча 1991 года.

Митяшин Борис Олегович (род. в 1949 г.). Образование среднее. В 1969 году был осужден на три года за протесты против ввода войск в Чехословакию. По возвращении работал шофером, чертежником, сторожем. В 1984 г. вновь арестован за распространение «антисоветской» литературы и осужден на 5 лет лагеря и 3 — ссылки. Досрочно освобожден в 1988 году и до настоящего времени — бомж (без определенного места жительства). Публикуется впервые.

обрела после освобождения — в начале 1989 года. Эта работа требует от читателя определенной подготовки. Однако включение в настоящую публикацию этих семи машинописных страниц я считаю обязательным, т. к. в них построена идейная конструкция, которую автор одновременно старался доказывать в экстремальных условиях и собственной жизнью. Здесь осознанный символ веры, поддерживавший мой дух «на всех стихиях». Поэтому все вместе — единое целое.

Я не разделяю пессимистический взгляд Джорджа Орвелла на человека. Да, он прав, утверждая: если государство обрушивает на личность все методы устрашения, личность разрушается. Но надежда в другом: человек обладает способностью и потребностью к самовосстановлению личности после распада — через угрызения и покаяние. Пытками это неистребимо. И мировыми религиями путь от «преступления» к «спасению» осмыслен и разработан на этой опоре. То, что в раздавленных душах героев Орвелла на это нет никаких указаний,— нереалистическая часть его романа («1984»). Лично мне повезло суверенитет сохранить. И это тоже важно отметить: в реальной коммунистической действительности, где исполнителями государства абсолютного зла являются живые люди, а не безошибочные роботы, для многих из тех, кто оказывался в предельно экстремальных условиях — как на Колыме,— остается, вопреки Орвеллу, просвет, зазор спасти свою внутреннюю независимость.

После освобождения мои «приключения» не закончились. Когда я вернулся в город, первый зампред родного Октябрьского исполкома «товарищ» Третьяков при поддержке городской прокуратуры возвратить мне жилье отказался, издевательски предложил «общежитие с лимитной работой». Таким образом, я уже больше двух с половиной лет — БОМЖ! Со всеми вытекающими последствиями. В связи с этим мне хотелось бы публично выразить глубокую благодарность моим замечательным друзьям: о. Сергею Гаккелю (Serqei Hackil), Любови Гребневой, Александру Добкину, Константину Ляхову, Елене Пудовкиной, Михаилу Пушницкому, Наталье Рогинской, а также Немецкой группе «Международной Амнистии» в г. Бонне в лице Сони Берг (Sonja Berg) и Элспет Макгрегор (Elspeth Macgregor) и Шотландской группе «Эмнести» в г. Фолкерке в лице Эндрю Бернсайда (Andrew Burnside) и Эйлин Джонс (Eileen Jones) — за постоянную поддержку во всех моих обстоятельствах. Это то, что называется «круговая порука добра» всего человечества.

Июнь 1991 года

Борис Митяшин

ОБВИНЕНИЕ (УГОЛОВНОЕ ДЕЛО № 44)

1. Репин Валерий Тимофеевич

Том 1, листы дела 27—28, 15 октября 1982 года.

(...) Познакомился с Митяшиным через Сергея Дедюлина в 1979—80 году. (...) Во второй половине 1980 года у себя на квартире или у Митяшина дома я получил от него несколько книг западного издания. В этот период времени он передал мне трехтомник сочинения Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛаг», книгу Владимира Буковского «Когда гуляет ветер», двухтомник «Хроники текущих событий», выпуски 1—15, 16—27, журнал «Вестник русского христианского движения», № 128. (...) В начале 1981 года Митяшин дал мне почитать книгу Шаламова «Колымские рассказы», ее я возвратил ему весной-летом 1981 года. В начале 1981 года от Митяшина я получил также брошюру «Солидарность» о польских профсоюзах. (...) Все указанные книги Митяшин передавал мне в связи с моими просьбами. Я просил эти книги почитать как для себя, так и для своих знакомых, которые постоянно интересовались у меня, нет ли чего-либо почитать. Где их Митяшин доставал — не знаю. (...) Получал ли я от Митяшина еще какие-либо подобные книги или машинописные документы, не припомню. Сам я ему подобной литературы никогда не давал. (...)

Репин

Допросил: Старший следователь УКГБ ЛО капитан Жерлицын.

Том 1, л. д. 36—37, 27 декабря 1982 года.

(...) Я ознакомился с предъявленными мне книгами В. Буковского «И возвращается ветер...» и А. Зиновьева «Мы и Запад» путем просмотра. Книгу В. Буковского «И возвращается ветер...» я ранее неточно называл «Когда гуляет ветер». Однако именно об этой книге упоминал в своих показаниях, когда говорил о получении от Бориса Митяшина различной литературы во второй половине 1980 года. Полученный от Митяшина экземпляр книги «И возвращается ветер...» по оформлению был сходен с предъявленным, только был не новым, а довольно прилично потертым. Кому я затем дал почитать эту книгу, не помню.

Книгу Зиновьева «Мы и Запад» я ранее не читал, и она мне запомнилась хуже. Такую книгу я мог получить в 1981 году либо от Б. Митяшина, либо от американки Элизабет Вуд. Книгу «Мы и Запад» я дал почитать Вячеславу Долинину осенью 1981 года. Книгу я передал Вячеславу либо на своей квартире, либо у магазина «Старая книга» на Староневском

пр-те. Долинин мне ее до ареста возвратить не успел. Насколько предъявленная мне книга по содержанию и оформлению совпадает с книгой, которую я давал читать Долинину, мне судить трудно. Об этом точнее должен знать Долинин, поскольку он ее должен был прочитать.

Протокол допроса мною прочитан лично. Показания с моих слов записаны правильно. Поправок и дополнений не имею.

Репин

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области майор Жерлицын.

Т. 1, л. д. 39—40, 29 декабря 1982 года. Допрос в качестве свидетеля Митяшина Б. О.

За весь период своей жизни я не был свидетелем того или иного преступления, подследственного органам КГБ. В этом я глубоко убежден. По этой причине я отказываюсь подписывать протокол и давать какие-либо показания по делу. Я также убежден: мое отношение к Репину В. Т. или к какому-либо другому подследственному не может каким-то образом повлиять на его судьбу. По этой причине я также воздерживаюсь от дачи показаний о характере взаимоотношений с Репиным и не желаю его характеризовать. Я понимаю, что для органов КГБ такая моя позиция может показаться неубедительной. Это вытекает, скорее всего, из того, что у представителей органов КГБ и у меня различные интересы и убеждения. Так или иначе, я не хочу каким-либо образом сотрудничать с органами КГБ в установлении фактических обстоятельств расследуемых ими дел. Даже если обвиняемый Репин на очной ставке попытается переубедить меня, моя позиция остается неизменной. Помогать органам КГБ в установлении правдивости или ложности той или иной информации я не намерен.

Свидетель Митяшин Б. О. перед началом допроса был предупрежден об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 182 УПК РСФСР. От чтения протокола и его подписи он отказался. Протокол прочитан вслух следователем. Поправок и дополнений не поступило.

Старший следователь Следственного отдела УКГБ СССР по ЛО

майор Жерлицын.

Т. 1, л. д. 41—42. В УКГБ по ЛО от осужденного В. Т. Репина. Объяснение.

(...) Я сказал Митяшину, что занимаюсь распространением антисоветской литературы, и попросил его, если он может, снабжать меня подобной литературой для распространения среди своих знакомых. В период с 1980-го по конец 1981 года я получил от него следующие издания антисоветского содержания: А. Солженицын «Архипелаг ГУЛаг» в трех томах, «Вестник РХД» (как помнится, № 128), Шаламов В. «Колымские рассказы», В. Буковский «И возвращается ветер...», книга о деятельности профсоюзов в СССР в начале 20-х годов, сборники «Хроники текущих событий» №№ 1—15 и №№ 16—27, «Список политзаключенных в СССР». Все эти книги и сборники изданы на Западе. Возможно, что я получил от Бориса Митяшина и другие книги, но вспомнить их названия сейчас затрудняюсь.

Мои отношения с Митяшиным носили деловой характер. Из общения с ним я могу сказать, что он активно стремился к распространению антисоветской литературы.

Репин

15.07.83 г.

Объяснение получил сотрудник УКГБ ЛО майор Георгиев. 15.07.83 г.

Т. 1, л. д. 161—162, 28 мая 1984 года.

(...) Я видел, что он с одобрением относится к моей деятельности как распорядителя «Фонда помощи политзаключенным», в какой-то части помогает мне, питает ко мне чувства симпатии. Я так же хорошо относился к Борису. (...) Из того, что я давал читать Митяшину, за давностью времени не смогу назвать ни одной книги. У меня таких книг было меньше. Постепенно наш обмен стал, в основном, односторонним. Митяшин откуда-то доставал и давал мне читать книги, изданные за рубежом, причем предоставлял мне их на неопределенно длительное время по моей просьбе. Я ему говорил, что эти книги нужны как мне, так и моим знакомым из других городов, которым эти книги просто не достать. (...) В целом из общения с Борисом я понял, что он одобрительно относился к распространению любых книг, изданных на русском языке за границей, считая, что такое распространение будет способствовать более правильному формированию мировоззрения у людей, решению так называемой проблемы «прав человека» в нашей стране. (...)

Репин

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области майор Жерлицын.

2. Репина Елена Юрьевна

Т. 1, л. д. 43—46, 14 апреля 1983 года. В Управление КГБ СССР по ЛО. Заявление.

После отъезда из СССР по каналу эмиграции Егора Давыдова и Валерии Исаковой функции распорядителя «Фонда помощи политзаключенным» в Ленинграде с апреля 1980 года взял на себя мой муж, Репин Валерий. Примерно в это же время к нам пришел Митяшин Борис, который, как я поняла, имел отношение к деятельности Фонда в Ленинграде. (...) Посещая нас в этот период до момента ареста мужа, Б. Митяшин постоянно приносил в наш дом книги антисоветского содержания, издаваемые за рубежом. Так, в моем присутствии он передавал моему мужу несколько томов книги Солженицына «Архипелаг ГУЛаг», книгу Орвелла «1984», книгу Зиновьева «Желтый дом», а также изданные типографским способом сборники «Хроники текущих событий». Указанную литературу он давал моему мужу на определенное время и приносил новые книги только после того, как получал обратно уже прочитанные. Поскольку все эти книги он передавал моему мужу в моем присутствии, я поняла, что он не возражает против того, чтобы я тоже знакомилась с ними. С некоторыми из них я ознакомилась («Архипелаг ГУЛаг», «1984», а «Хронику» просто просматривала) и могу сказать, что книги эти носят клеветнический характер по отношению к нашей стране и с антисоветских позиций освещают нашу действительность. (...) Он интересовался ходом следствия по уголовному делу на моего мужа, советовал мне отказываться от дачи правдивых показаний, а когда с помощью моего мужа и моей в органы следствия были переданы документы архива Фонда, которые сыграли существенную роль в наиболее полном раскрытии совершенного моим мужем преступления, Митяшин Борис выразил мне свое крайнее недовольство, считал, что мы поступили неправильно. (...)

Репина

Заявление получил сотрудник УКГБ ЛО майор Георгиев. 14.04.83 г.

Т. 1, л. д. 169—170, 22 июня 1984 года.

(...) В отношении Митяшина в этом плане могу только сказать, что советским человеком я назвать его не могла. Он действовал заодно с моим мужем, и он приносил к нам в дом литературу антисоветского содержания. (...) Мне помнится, что в своем Заявлении в УКГБ Ленинградской области я пояснила, что Митяшин приносил мужу еще сочинения: «Желтый дом» Зиновьева и «1984» Орвелла. Однако это свое утверждение я беру под сомнение в связи с тем, что в нашем доме было много книг от разных лиц и я могла перепутать, кто именно принес упомянутые сочинения. То, что именно Митяшин приносил «Архипелаг ГУЛаг» в нескольких томах и «Хронику текущих событий», мне запомнилось отчетливо, т. к. я где-то сразу же ознакомилась с их содержанием. В отношении же сочинения «Желтый дом» и «1984» я этого сказать не могу, и будет более объективно отметить, что я совсем не уверена в принадлежности этих книг Митяшину. (...)

Репина

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО майор Гордеев.

3. Долинин Вячеслав Эммануилович

Т. 1, л. д. 49—51. Старшему следователю Следственного отдела УКГБ Черкесову В. В. от обвиняемого по уголовному делу № 98 Долинина В. Э. Заявление.

В своих показаниях в начале следствия я неправильно объяснил происхождение книги Авторханова «Загадка смерти Сталина» и книги Михника. Сейчас я хочу исправить свои показания — на самом деле эти книги я взял у Бориса Митяшина. С Митяшиным я познакомился на проводах Татьяны Горичевой. Горичева представила нас друг другу и сказала, что я смогу брать у Митяшина изданные за рубежом книги. Ранее она мне дала книгу Валентинова «Встречи с Лениным», книгу Войновича «Претендент на престол» и «В преддверии рая» Зиновьева. Не знаю, кто был владельцем этих книг, но Горичева попросила меня передать их именно Митяшину, что я и сделал в том же 1980 году. В дальнейшем я встречался с Митяшиным, главным образом, у него дома по адресу (...). Встречи происходили раз в 1-2 месяца и реже. В начале 1981 года я получил у Митяшина книгу Зиновьева «Желтый дом» и один или два номера журнала «Континент». Эти издания остались у меня. Весной-летом 1981 года я получил «Большой террор» Конквеста, книгу Михника и книгу Кестлера «Слепящая тьма». Книгу Конквеста я Митяшину вернул, остальные остались у меня. Осенью 1981 года я попросил книги «Претендент на престол» Войновича и «Загадка смерти Сталина» Авторханова. Эти книги я не успел возвратить Митяшину. Войновича я брал тогда вторично. Зимой 1981—1982 гг. я получил книгу Редлиха «Сталинщина как духовный феномен». Она возвращена владельцу. Зимой-весной 1982 года я получил следующие книги: «Память», выпуск 1, Авторханов «Технология

власти», Ефимов «Без буржуев», Вышеславцев «Философская нищета марксизма», Солженицын «В круге первом». Книги Вышеславцева и Солженицына были возвращены Митяшину. В тот же период я брал и вернул книгу воспоминаний Е. Гинзбург. Книга Михника и «Загадка смерти Сталина» Авторханова были изъяты при обыске у Пурмаля. Книгу Ефимова «Без буржуев» я передал весной 1982 года Светлане Евдокимовой. Книгу Войновича «Претендент на престол» я передал Сергею Коровину весной 1982 года. «Слепящая тьма» Кестлера, «Технология власти» Авторханова, «Память», выпуск 1, «Желтый дом» Зиновьева находятся у Константина Шнабеля. «Желтый дом» может оказаться также у Маниловича, «Память» и Авторханов у Светланы Евдокимовой. Это мое предположение связано с тем, что я нетвердо помню, кому последнему давал указанные книги.

Я, в свою очередь, передал Митяшину сборник «Солидарность», полученный от Ростислава Евдокимова. Это было в 1981 году. А также 2—3 экземпляра микро-«Посева».

На мой взгляд, источником получения книг Митяшиным могла быть гражданка ФРГ Барбара Шмидт. Эта феминистка несколько раз приезжала в Ленинград.

10.10.82 г.

Долинин

Т. 1, л. д. 53—61, 3 ноября 1982 года.

(...) Книга Валентинова «Встречи с Лениным» была карманного формата, довольно толстая. По-моему, она была издана в США. По своему содержанию это воспоминания русского эмигранта, в прошлом меньшевика, соответствующие по теме названию книги.

Книга Зиновьева «В преддверии рая» была издана в каком-то западноевропейском издательстве. В ней было около 600 страниц, а на ее яркой цветной обложке имелось изображение памятника и нескольких фигур у его подножия. Формат обычный книжный, по содержанию эта книга Зиновьева является изложенным в иносказательной форме анализом недостатков социалистического общества.

Книга Войновича «Претендент на престол», полученная мной от Горичевой и возвращенная затем Митяшину, была еще совсем новая, нечитанная. Это был экземпляр обычного книжного формата в белой мягкой обложке с портретом Войновича в начале книги. Книга выпущена издательством «Имка-пресс» в 1979 году; примерно на 350 страницах. По содержанию книга «Претендент на престол» является продолжением романа Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» с сохранением главного героя этого произведения.

В начале 1981 года я получил у Митяшина в квартире книгу Зиновьева «Желтый дом» и один или два номера журнала «Континент». Никого из посторонних при этом не было. Борис передавал мне книгу и журналы с глазу на глаз. Книга «Желтый дом» была типографского издания, без дефектов, в журналах же «Континент» целые куски были вырваны и отсутствовали. Я помню, что эти журналы были из числа двадцатых номеров «Континента», но точнее эти номера указать не могу. По оглавлению в «Континентах», полученных мной от Митяшина, должно было быть напечатано произведение Фазиля Искандера «Кролики и удавы», но как раз его-то и недоставало, судя по всему, эту вещь кто-то вырвал из журналов. Книгу Зиновьева «Желтый дом» и журналы «Континент» я Митяшину не вернул, а об их дальнейшей судьбе я подробно расскажу позднее. Весной-летом 1981 года я получил для прочтения от Митяшина в несколько приемов книги «Большой террор» Конквеста, «Польский диалог: церковь — левые».

Я помню, что книга Конквеста «Большой террор», полученная мной от Митяшина, была выпущена итальянским издательством в мягкой обложке, карманном формате, в 1974 году. Объем книги около 1000 страниц. Ее содержание посвящено истории Советского государства в период 1930-х годов. На основе довольно сомнительных источников автором книги делались далеко идущие выводы о деятельности органов НКВД в тридцатые годы по чистке руководящего аппарата партии и Советского государства. Мне показались несерьезными ссылки Конквеста на воспоминания инженера Кравченко, который предстает на страницах книги человеком, осведомленным буквально о всех сторонах деятельности Политбюро РКП(б). Так же маловероятна информированность о подробностях московской жизни 1930-х годов, приписываемая автором Орлову, находившемуся в тот период в Испании.

Книга Адама Михника «Польский диалог: церковь — левые» по своему формату крупнее книги «Большой террор», но значительно меньше по объему. Она издана в 1980 году одним из лондонских издательств и была в обложке красно-белого цвета. (...)

Книга Кестлера «Слепящая тьма» — 1978 года издания, в мягкой обложке, обычного книжного формата, объемом около 120 страниц. По содержанию книга Кестлера — это художественное произведение, в котором описывается судьба крупного работника РКП(б), привлеченного к уголовной ответственности по одному из процессов 1930-х годов. Главный герой романа назван Рубашовым, обстановка вокруг его дела показана автором как бы изнутри, с попыткой психологического анализа.

Книга Авторханова, полученная мной от Митяшина, издана в 1979 году издательством

«Посев». Она была помещена в самодельный переплет темно-коричневого цвета с наклеенным на него портретом Сталина и фамилиями ряда руководителей КПСС и Советского государства. Эту книгу после прочтения я передал своим знакомым Борису Маниловичу и Эдуарду Пурмалю, у которого она и была изъята при обыске по настоящему делу. Названную выше книгу Войновича «Претендент на престол» я отдал весной 1982 года для ознакомления своему знакомому Сергею Коровину, у которого она и должна храниться до настоящего времени.

Зимой 1981—1982 года Митяшин передал мне у себя дома книгу Р. Редлиха «Сталинщина как духовный феномен», выпущенную издательством «Посев». Эта книга карманного формата, объемом около 250 страниц. По своему содержанию книга Редлиха представляет бесплодную попытку дать исчерпывающий анализ идеологии советского общества в целом и советского человека как характерного продукта этого общества. По-моему, автор книги манипулирует устаревшими, несостоятельными посылками при формулировке своих принципиальных умозаключений. После прочтения я вернул книгу «Сталинщина как духовный феномен» Митяшину. (...)

Книга Авторханова «Технология власти» была в мягкой обложке, голубого цвета, объемом около 500 страниц, карманного формата. Она выпущена издательством «Посев». В своей работе Авторханов попытался рассмотреть историю создания в СССР партийного аппарата как террористической организации. Террор, по утверждению Авторханова,— основной инструмент создания партийного аппарата, а сам партийный аппарат является единственным носителем власти в СССР, откуда и термин «партократия».

Книга «Память» (выпуск 1) издана в Нью-Йорке в 1978 году. Она была в мягкой обложке, обычного книжного формата и состояла из разного рода материалов сомнительной исторической достоверности, среди которых имелись свидетельства неких очевидцев и разного рода документы. Главная цель авторов сборника «Память», как я это уяснил при прочтении книги, состояла в выявлении фактов и событий, замалчиваемых официальной советской историографией. Основная тема сборника — практика нарушений законности в период культа личности Сталина. В разное время и от различных людей я слышал, что подготовкой сборника «Память» занимался Сергей Дедюлин, ныне проживающий за границей.

Книга Ефимова «Без буржуев», карманного формата, в мягкой обложке, выпущена издательством «Посев». По своему содержанию это сборник скептических наблюдений автора, оценивающего многие стороны советской действительности. В книге много ссылок на публикации советских периодических изданий, а основной вывод заключается в том, что в СССР «все плохо». По-моему, автор книги страдает мелкотемьем, а его брюзжание по всякому поводу вызывает при чтении книги раздражение.

Книга Вышеславцева «Философская нищета марксизма» издана в «Посеве», помещена в обложку серого цвета. Книга карманного формата, в ней около 400 страниц. Автор этого опуса с каких-то допотопных позиций пытается опровергнуть марксизм, хотя и демонстрирует при этом капитальное знание предмета своей критики.

Книга Солженицына «В круге первом» была получена мной от Митяшина в виде новенького экземпляра, нечитанного до меня, судя по внешнему виду. По-моему, эта книга выпущена издательством «Имка-пресс». Она была карманного формата, в твердой обложке коричневого цвета, объемом около 600 страниц. В книге опубликован весь текст романа Солженицына. Содержание этого произведения, я полагаю, хорошо известно, поэтому излагать его не имеет смысла. Мне запомнились чисто литературные достоинства книги Солженицына, хотя не могу не отметить злой и желчный тон этого произведения.

Название сочинения Е. Гинзбург, полученного мной от Митяшина, я не запомнил, потому что при чтении эта книга как-то у меня «не пошла». Знаю только, что она является продолжением работы Гинзбург под названием «Крутой маршрут», выпущена в нормальном книжном формате, в твердом переплете красного цвета, содержит около 300 страниц. В начале книги помещена фотография автора, на которой Гинзбург изображена вместе с сыном Василием. Не дочитав книгу Гинзбург до конца, я вернул ее Борису Митяшину. Кроме этой книги я возвратил Митяшину и упомянутые выше книги «Философская нищета марксизма» Вышеславцева и «В круге первом» Солженицына.

Борис Митяшин редко оговаривал срок пользования той или иной книгой, поэтому иногда я мог держать их у себя неопределенно долго. Так получилось, что ряд книг, полученных от Митяшина, осели к моменту моего ареста у моих знакомых, ряд из которых я уже назвал на сегодняшнем допросе. (...)

Борис Митяшин никогда не называл при мне источников, из которых он черпает изданную за границей литературу, хотя иногда ссылался на каких-то своих «знакомых». (...)

В беседах со мной Митяшин никогда не рассказывал о себе, не высказывал своих взглядов, поэтому мне трудно судить о его политических убеждениях. (...) По-моему, он понимал, что рискует своей свободой и будущим, когда передает своим знакомым и мне, в частности, литературу антисоветского содержания. О тех, кому Борис, возможно, давал свои книги для прочтения помимо меня, мне судить трудно, т. к. Митяшин не ставил меня в известность о таких контактах.

Митяшин не комментировал в моем присутствии содержание и идейную направленность тех книг, которые он передавал мне. (...)

Я знаю, что Митяшин знаком с Репиным, с Ростиславом Евдокимовым, был приятелем Сергея Дедюлина. О сущности взаимоотношений Митяшина с названными лицами мне судить трудно. (...)

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны правильно, дополнений и поправок не имею.

Долинин

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО капитан Черкесов В. В.[1]

Т. 1, л. д. 71 оборот. 29 декабря 1982 года. Допрос в качестве свидетеля Митяшина Б. О.

После того, как свидетелю Митяшину Б. О. были разъяснены права и обязанности свидетеля, он заявил, что отказывается от дачи каких бы то ни было показаний по уголовному делу, и отказался от подписи в протоколе допроса.

Протокол прочитан следователем вслух. Дополнений и поправок со стороны свидетеля Митяшина Б. О. не поступило.

Старший следователь Следотдела УКГБ ЛО капитан Черкесов.

Т. 1, л. д. 72—73. В Управление КГБ Ленинградской области от Долинина В. Э., осужденного 04.04.83 года. Объяснение.

По своему Заявлению от 10.10.82 г. я считаю необходимым сделать некоторые уточнения.

Я действительно передал жителю г. Ленинграда Митяшину Б. О. следующие книги: Валентинов «Встречи с Лениным», Войнович «Претендент на престол», Зиновьев «В преддверии рая», сборник «Солидарность», а также 2—3 экземпляра микро-«Посева».

У Митяшина, в свою очередь, я получил следующие книги: Авторханов «Загадка смерти Сталина», Михник «Польский диалог: церковь — левые», Кестлер «Слепящая тьма», Ефимов «Без буржуев», Вышеславцев «Философская нищета марксизма», 1 или 2 экземпляра журнала «Континент», а также забрал у него книгу Войновича «Претендент на престол», которую дал ему ранее. Кроме того, я брал у Митяшина книгу Солженицына «В круге первом». Кроме того, я получил еще ряд книг, но не могу утверждать, что именно у Митяшина. Это «Желтый дом» Зиновьева, «Технология власти» Авторханова и «Большой террор» Конквеста. Мы обменивались с Митяшиным антисоветской литературой потому, что оба придерживались антисоветских взглядов. Поэтому другой литературой мы не обменивались.

Сейчас, чувствуя ответственность за свои показания и имея возможность еще раз взвесить и обдумать происшедшее, я решил взять под сомнение некоторые из своих утверждений, высказанных в Заявлении от 10.10.82 г. Вместе с тем, я еще раз подтверждаю основную часть показаний, данных в указанном Заявлении.

Долинин

20.07.83 г.

Объяснение получил сотрудник УКГБ ЛО подполковник Чухонин 20.07.83 г.

Т. 4, л. д. 43—49. Генеральному прокурору СССР от Долинина В. Э., осужденного по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР. Заявление.

Уважаемый гражданин Рекунков, я вынужден обратиться к Вам по вопросу, который редко становится предметом рассмотрения.

В феврале сего года я под нажимом следователя УКГБ ЛО Черкасова В. В. дал интервью журналисту Ленинградского телевидения Моргунову А. Я. Поскольку интервью получено от меня под давлением и поскольку в момент интервью я был тяжело болен, уже в силу этого не мог справиться со стоящими передо мной задачами, получившаяся запись не могла характеризовать и не характеризовала ни моих взглядов, ни меня как человека. Эти обстоятельства заставили меня заявить о полном отказе от своего интервью. Собственноручный текст заявления я направил 09.08.83 г. начальнику УКГБ ЛО.

В апреле по Ленинградскому телевидению был показан фильм, в который вошли тенденциозно подтасованные и прокомментированные фрагменты из моего интервью. С трудом добившись просмотра фильма, я увидел, что в нем содержится клевета в мой адрес, фильм глубоко оскорбил меня. В отснятом Моргуновым материале есть, среди прочего, утверждение, будто бы я говорил то, что коммунистов нужно вешать. Ни в тексте приговора, ни в обвинительном заключении, составленных квалифицированными юристами, подобной лжи нет. Это не удивительно, ведь такое людоедское утверждение противоречит как моим христианским взглядам, так и материалам дела. Моргунов с этими материалами

[1] Ныне Черкесов начальник Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области.

знакомился и, следовательно, должен был об этом знать. То, что он пошел на распространение заведомо ложных, позорящих меня измышлений, порочащие меня подтасовки, дает основания привлечь его к ответственности. Однако пока я этого не делаю. Думаю, что требовать публичного опровержения телефильма преждевременно. Да и сложностей с этим будет связано немало.

Я готов удовлетвориться письменными извинениями Моргунова мне лично, а также твердыми гарантиями, что мое интервью не будет использоваться в дальнейшем. В этом я рассчитываю на Вашу помощь.

Говоря о профессиональной неэтичности Моргунова, должен отметить, что он снимал меня, причем вопреки данным мне обязательствам, «скрытой» камерой. Я об этом узнал только после демонстрации фильма. Эти бесчестно отснятые кадры Моргунов в телефильм включил. Добавлю, что организаторами интервью не выполнено ни одно из основных предварительно оговоренных со мной условий [1].

Хочу указать на реакцию значительной группы зрителей на телефильм. Как я уже говорил, в момент интервью я был тяжело болен. Мои многочисленные друзья и знакомые не узнавали меня на телеэкране. Просмотр и среди знающих и среди не знающих меня людей вызвал упорные разговоры и многообразные предположения о методах, которыми воздействовали на меня в КГБ, чтобы довести до явно болезненного состояния. Таков «пропагандистский эффект» телефильма.

Хочу коснуться ряда служебных «заслуг» моего следователя В. В. Черкесова. В процессе следствия я сделал несколько собственноручных заявлений. Черкесов, цинично пользуясь моей юридической безграмотностью, прибегая к шантажу и обману, заставил меня изменить некоторые формулировки в них, добавить несколько фрагментов. Существа дела они не меняют, но все же являются не отражением моих взглядов, а фабрикацией Черкесова. Я вынужден отказаться от этих заявлений до тех пор, пока мне не будет предоставлена возможность внести в них коррективы, устраняющие плоды служебного рвения следователя.

Если Черкесов и Моргунов не понимают того, что их недостойные действия дискредитируют государственные органы, от имени которых они пытаются выступать, то им следует указать на это. Следует указать и на то, что ложь и всяческие фальшивки порочат идеологию, которую с помощью подобных «методов» защищают.

Хочу заявить, что я требую, чтобы интервью, от которого я отказался, и мои заявления, сделанные в период следствия и не исправленные мною, не использовались в дальнейшем ни в каких целях. Если интервью и заявления (до их исправления мною) все-таки будут использованы, то я, для защиты своего человеческого достоинства и разоблачения фальшивок, буду вынужден принять решительные меры. При этом мои протесты и опровержения неизбежно будут преданы самой широкой гласности и, даже независимо от моего желания, зарубежные средства массовой информации смогут употребить их для своих целей.

Надеюсь, что у Моргунова, Черкесова и прочих хватит порядочности и благоразумия не провоцировать меня на такие меры. Уверен, что Вы против использования и распространения унижающей человеческое достоинство лжи и всяческих фальшивок и поэтому поддержите мои требования и поможете их осуществить.

24.10.83 г.

Долинин

Т. 1, л. д. 171—174, 8 августа 1984 года.

(...) Надо отметить, что душевной близости между нами не возникло, дружеских отношений не получилось, т. к. мы с Митяшиным слишком разные люди. При всем этом он представлялся мне прямым, волевым, сильным и бескорыстным человеком. (...) Составить какое-то определенное мнение о политических взглядах Митяшина я затрудняюсь, т. к. собеседник для меня он был не очень интересный, но со всей определенностью и наиболее объективно могу отметить, что он был весьма критически настроен к советской действительности. Об этом может свидетельствовать и та изданная за границей литература, враждебного СССР содержания, которую Митяшин давал мне для прочтения, а также имел в своем распоряжении. Бывая у Митяшина дома, я видел у него на книжной полке литературу антисоветского содержания и должен отметить, что ее было больше, чем он давал мне для ознакомления, т. к. часть этой литературы я уже читал, а часть и сам не хотел читать. Дома у Митяшина я видел Корсакову и брата Митяшина. Я затрудняюсь сказать, видели ли они упомянутую литературу и знакомились ли с ее содержанием, но должен отметить, что эту литературу Митяшин мне передавал только наедине без свидетелей. (...)

Протокол прочитан мною лично. С моих слов записано правильно. Поправок и дополнений не имею.

Долинин

Допросил: Старший следователь Следотдела УКГБ ЛО майор В. Е. Гордеев.

---

[1] Следователь В. В. Черкесов обещал ему два года лагеря и два ссылки, а дали четыре лагеря и два ссылки!

Т. 1, л. д. 177—178, 9 августа 1984 года.

(...) Насколько мне помнится, зимой 1981 или 1982 года я получил от Митяшина для прочтения сочинение Вышеславцева «Философская нищета марксизма». Эта книга издана в издательстве «Посев» и, как мне припоминается, имеет карманный формат. Образно говоря, автор книги, живший в XX веке, пытался с позиций века прошлого опровергнуть учение Маркса. Я затрудняюсь припомнить точно, обсуждали ли мы с Митяшиным содержание всех книг, которыми обменивались, скорее всего, далеко не всех, т. к. собеседник для меня он был не очень интересный, но хорошо помню, что содержание этой книги мы обсуждали. Я отрицательно отнесся к содержанию за допотопность позиции автора, а Митяшин книгу хвалил. Чем закончилась эта наша дискуссия, я уже не помню. Думаю, что каждый остался при своем мнении, т. к. Митяшина переубедить в чем-либо достаточно трудно. Эту книгу я Митяшину не возвратил, а отдал книгу кому-то из своих знакомых, у которых она так и осталась.

В тот же период времени я получил от Митяшина сочинение Е. Гинзбург. Я уже не помню, было ли это сочинение ее произведением «Крутой маршрут» или это было продолжение этого произведения. Я не помню этого по той причине, что произведение мне не понравилось, ибо лагерная тема мне была не по душе. С меня достаточно лагерных ужасов «Гулага», и я произведение Гинзбург до конца не дочитал. Это произведение я возвратил Митяшину и, в связи с этим, припоминаю точнее, что книгу Вышеславцева «Философская нищета марксизма» я также возвратил Митяшину, а не отдал кому-то из своих знакомых. (...)

Протокол прочитан мною лично. С моих слов записано правильно. Поправок и дополнений не имею.

Долинин

Допросил: Старший следователь Следотдела УКГБ ЛО майор В. Е. Гордеев.

Т. 1, л. д. 179 оборот — 183, 13 августа 1984 года.

На допросах в качестве свидетеля по настоящему уголовному делу 8-го и 9-го августа я дал показания о том, что Митяшин давал мне для прочтения такие произведения враждебного СССР содержания, как: «Философская нищета марксизма» Вышеславцева, один или два номера журнала «Континент», первую или вторую части сочинения «Крутой маршрут» Гинзбург, а также книгу Войновича «Претендент на престол», которую я ранее передал ему по просьбе Горичевой Татьяны. Припомнив как следует все связанные с этим обстоятельства, я со всей определенностью поясняю, что помимо указанных произведений Митяшин передал мне для прочтения сочинения Михника «Польский диалог», книгу Авторханова «Загадка смерти Сталина» и роман Кестлера «Слепящая мгла» или «Слепящая тьма». Припомнить точнее правильное название последнего произведения я затрудняюсь. (...) Что же касается произведений «Желтый дом» Зиновьева и «Без буржуев» Ефимова — то мне представляется, что эти книги я от Митяшина не получал. Я помню, что в отношении этих книг давал показания по собственному делу в том смысле, что получал их от Митяшина. Однако в настоящее время, припомнив все обстоятельства, я склоняюсь к тому, что книг этих от Митяшина не получал. Я помню, что в отношении книги «Желтый дом» у меня определенно был разговор с Митяшиным. Я высказал ему свое мнение, что все произведения Зиновьева как главы одного романа и наслаиваются один на другой. Я был не в восторге от этой книги, и Митяшин, как мне помнится, присоединился к моей оценке книги. Затрудняюсь припомнить точнее, но, возможно, эту книгу я видел у Митяшина. (...) В своем нынешнем положении свидетеля, в отличие от положения обвиняемого по своему делу, я обязан быть предельно объективным и по этой причине не могу утверждать, что упомянутое произведение мне передавал для прочтения Митяшин.

Сочинение Ефимова «Без буржуев» я также либо видел у Митяшина, ибо я видел у него книг больше, чем он мне давал, либо сам предлагал ему для ознакомления, но не получал от него это сочинение. Я не помню, чтобы Митяшин давал мне эту книгу, а помню, что возвратил ее Евдокимовой Светлане. Исходя из того, что книга «Без буржуев» издана в «Посеве», а издания «Посева» в основной своей массе попадали ко мне в руки от Евдокимовых, а также исходя из того, что упомянутую книгу я возвратил Евдокимовой Светлане,— я с большей уверенностью считаю, что данную книгу получил от Евдокимовых, а не от Митяшина. И хотя я и давал показания по собственному делу о том, что книгу «Без буржуев» получил от Митяшина — раз я не могу припомнить это со всей определенностью,— я не могу сказать, что получил ее от Митяшина.

Вопрос. Вам предъявляется произведение Авторханова под названием «Загадка смерти Сталина», изданное в издательстве «Посев» в 1979 году, и сочинение Ефимова «Без буржуев», изданное в том же издательстве и в том же году. Что вы можете пояснить по существу предъявленной вам литературы?

Ответ. Я ознакомился путем личного осмотра с предъявленными мне произведениями и могу со всей определенностью сказать, что книга «Загадка смерти Сталина» явля-

ется тем экземпляром, который я получил от Митяшина при обстоятельствах, о которых дал показания на сегодняшнем допросе. Этот экземпляр я узнаю по кустарному переплету, а на оформление книг у меня весьма хорошая память. (...) В отношении второго предъявленного мне произведения «Без буржуев» также со всей определенностью могу заявить, что в моем распоряжении данный экземпляр не имелся, т. к. предъявленная мне книга — в обложке голубого цвета, а я читал экземпляр, который был в обложке серого цвета.

Я хорошо помню, что в процессе расследования по моему делу я также давал показания о том, что получал от Митяшина такие произведения, как: «Великий террор» Конквеста, «Сталинщина как духовный феномен» Редлиха, «Технология власти» Авторханова, сборник «Память» и «В круге первом» Солженицына. У меня было время как следует припомнить все обстоятельства, связанные с этими произведениями, и я должен заявить, что те мои показания не соответствуют действительности. В то время я был оглушен обвинением по делу и не ощущал ответственности за судьбы других людей. Сейчас, находясь в позиции свидетеля, а не обвиняемого, я припомнил все более тщательно и в отношении упомянутых книг должен пояснить следующее. Книги «Великий террор» и сборник «Память» я получил не от Митяшина, а от Дедюлина Сергея. Ранее я показывал, что «Великий террор» получил от Митяшина вместе с книгами «Польский диалог» и «Слепящая мгла». Сейчас я припомнил, что книгу «Великий террор» я читал ранее, нежели «Польский диалог» и «Слепящая мгла», и дал мне эту книгу Дедюлин. Он являлся хорошим знакомым Митяшина, и, возможно, по этой причине, а возможно, потому, что мы обсуждали с Митяшиным содержание книги «Великий террор»,— это произведение у меня стало ассоциироваться с именем Митяшина. В отношении сборника «Память» я припомнил еще точнее. Я вспомнил, что Дедюлин был тем человеком, который рассказал мне об этом сборнике, предлагал давать материалы для сборника и в качестве образца передал мне первый выпуск сборника «Память», изданный за границей. Материалов Дедюлину я для сборника не давал, а куда делись оба упомянутых произведения, я уже не помню.

Произведения «Сталинщина как духовный феномен», «Технология власти» и «В круге первом» я получил от Евдокимовых. Я очень хорошо помню, что книгу «Сталинщина как духовный феномен» я получил от Евдокимова Ростислава и после прочтения возвратил ее ему. Тут в мои показания просто вкралась какая-то ошибка, возможно, вызванная моим удрученным состоянием после ареста. Книги «Технология власти» и «В круге первом» мне давала Евдокимова Светлана в тот момент, когда ее брата не было в Ленинграде. Эти книги я возвратил Евдокимовой Светлане. Мне сейчас трудно сказать, по какой причине я связал упомянутые книги с именем Митяшина. Возможно, я видел их у него, возможно, мы с ним обсуждали их содержание, а может быть, здесь сыграло роль и то обстоятельство, что мне не хотелось отягощать судьбу Евдокимовых своими лишними на них показаниями.

Вопрос. Не передавал ли вам Митяшин еще какие-либо произведения, помимо тех, о которых вы давали показания по настоящему делу?

Ответ. На этот счет я могу пояснить, что такое, возможно, и имело место, но за давностью времени я припомнить сейчас не могу.

После прочтения протокола я хочу уточнить, что произведение «Философская нищета марксизма» является антимарксистской книгой, но СССР в этой книге не фигурирует. По этой причине назвать это сочинение враждебным СССР я бы затруднился.

Протокол прочитан мною лично. С моих слов записано правильно. Поправок и дополнений не имею.

Долинин

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО майор Гордеев.

Т. 4, л. д. 53—53 оборот. Прокурору г. Ленинграда Васильеву от Долинина В. Э., осужденного по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР. Заявление.

В связи с предстоящим скоро судом над Митяшиным я хочу внести некоторые уточнения в свои свидетельские показания, данные мной следователю КГБ Гордееву. Его формулировки, записанные в протокол, не всегда точны, а выступить с более точными формулировками в суде у меня, я думаю, возможности не будет.

В протоколе, в частности, говорится о том, что я получил у Митяшина книгу Войновича «Претендент на престол». О том же, что я дал Митяшину эту книгу ранее, говорится потом. Не исключено, что Митяшину можно вменить передачу мне этой книги. На самом же деле он просто вернул книгу, принадлежащую мне и данную ему мною для прочтения.

Митяшин передал мне книгу Вышеславцева о марксизме и книгу Кестлера «Слепящая мгла». Эти книги не являются антисоветскими, и поэтому их распространение не было мне инкриминировано. Если перед законом все равны, не должна быть инкриминирована передача этих книг и Митяшину.

Относительно одного или двух экземпляров журнала «Континент», полученных мной от Митяшина, хочу подчеркнуть, что я не помню номера (или номеров) журнала и не

могу ничего определенного с полной уверенностью сообщить об их содержании. Поскольку я даже количества экземпляров не помню, установить конкретно номер (или номера) издания невозможно.

Что же касается книги Гинзбург (или книги с титульным листом из сочинения Гинзбург), то я не могу сказать, какая именно это книга (я ее даже не прочел), но берусь опознать ее по внешнему виду, если она будет мне предъявлена.

Хочу повторить то, о чем я уже писал Генеральному прокурору относительно моих собственноручных показаний, которые не являются свидетельскими, данных во время следствия по моему делу капитану КГБ Черкесову В. В. От этих показаний я отказываюсь полностью до тех пор, пока мне не будет предоставлена возможность внести в них коррективы и вычеркнуть все то, что внесено туда под нажимом следователя. Это касается и показаний, в которых фигурирует Митяшин.

25.10.84 года. *Долинин*

4. Артюхов Евгений Петрович

Т. 1. л. д. 76. Начальнику спецкомендатуры Петроградского РУВД подполковнику милиции Кулиничу Ф. П. от условно освобожденного Артюхова Е. П. Объяснение.

По существу заданных мне вопросов, а именно о наличии у меня первого тома собрания сочинений Осипа Мандельштама с рукописной надписью на титульном листе на английском языке: «(...)» могу пояснить следующее: эта книга оказалась у меня случайно. Сегодня вечером, 18.04.84 года, я встретился со своим знакомым Макаровым Игорем Васильевичем, проживающим по адресу: (...). При встрече он мне сказал, что ему необходимо завезти его знакомому Борису, фамилия, кажется, Митяшин, книгу, которую тот дал ему для прочтения. Борис, как пояснил Макаров, проживает где-то в районе пер. Антоненко. В связи с тем, что Игорю неудобно было держать книгу в руках, он предложил положить ее ко мне в «дипломат». По дороге к Борису Игорь несколько раз звонил ему по телефону, но не мог дозвониться, и тогда Макаров предложил мне заехать во Дворец молодежи. Во Дворце молодежи мы потеряли друг друга из виду, и, т. к. мне надо было уже спешить в спецкомендатуру (было около 22-х часов), я не стал разыскивать Игоря, а уехал, рассчитывая в ближайшее время возвратить ему книгу. Могу добавить, что в разговоре со мной Макаров упомянул также, что у Бориса он бывает довольно часто и тот неоднократно давал ему для прочтения «интересные» книги, в частности, книгу «Загадка смерти Сталина» Авторханова и другие.

18.04.84 года. *Артюхов*

Объяснение отобрал: Старший оперуполномоченный капитан Чирков А. С.

Т. 1, л. д. 129—130. 22 мая 1984 года.

(...) В комендатуру я пришел своевременно, но дежурный, как это обычно бывает, потребовал, чтобы я показал содержимое «дипломата» на предмет проверки наличия в нем спиртного. Я открыл «дипломат», и дежурный заинтересовался имевшимися у меня там книгами. В «дипломате» у меня лежала оставленная Макаровым книга Мандельштама, а также мои собственные книги по математике французского издания. Дежурный посмотрел книги и спросил, откуда они у меня и зачем я их несу в комендатуру. Я объяснил, что занимаюсь математикой и книги французского издания принадлежат мне. Про книгу Мандельштама я так и сказал, что ее забыл у меня в «дипломате» мой приятель. Дежурный сказал, что в книгах по математике еще имеются какие-то формулы, а книга Мандельштама не по математике и имеет какую-то рукописную надпись на английском языке. Про эту надпись Макаров мне ничего не говорил. Я владею английским языком и перевел эту надпись следующим образом: «Для Бори. Чтобы тебе никогда не выпадал такой сентябрь. С любовью, Изик». После этого дежурный приказал мне написать объяснение по поводу того, как у меня оказалась книга Мандельштама. Я написал объяснение, в котором изложил обстоятельства, при которых у меня оказалась упомянутая книга. Все изложенное в этом объяснении я подтверждаю на настоящем допросе. Дежурный забрал у меня все книги и сказал, что разберется. Где-то через неделю мне возвратили книги по математике, а книгу Мандельштама не возвратили, объяснив, что с ней разбираются, кому это положено.

Макарову обо всем этом я не сообщал и более с ним не встречался. Дело в том, что при нашем знакомстве я не сказал ему, что являюсь условно освобожденным, и мне как-то неловко было бы ему в этом признаться и сообщать, что книгу Мандельштама у меня изъяли в комендатуре. (...)

Артюхов

Допросил: Старший следователь Следотдела УКГБ ЛО майор Гордеев.

5. Макаров Игорь Васильевич

Т. 1, л. д. 132—134, 22 мая 1984 года.

(...) Вопрос. Знаете ли вы Артюхова Евгения Петровича, жителя г. Ленинграда?

Ответ. Да, я знаю Евгения Артюхова. Мы познакомились случайно в начале апреля 1984 года в бане. Он и я там были одни, без знакомых. У меня с собой имелась книжка о секретаре Ленинградского горкома Кузнецове. Артюхов увидел ее, мы разговорились, и таким образом завязалось наше знакомство. Артюхов оказался начитанным человеком, и его интересно было слушать. Поскольку мы виделись с ним только два раза, то я не знаю, где он живет и кем он работает. Сам он мне об этом почему-то не сказал, а мне неудобно было спрашивать. По-моему, он сказал только, что работает в каком-то научно-исследовательском институте с математическим уклоном. Он дал мне номер своего телефона, и мне этого было достаточно. (...) При нашем знакомстве Артюхов взял у меня почитать книжку о Кузнецове, а при второй встрече, происшедшей во второй половине апреля, он ее мне вернул. С тех пор мы больше не виделись. Вторая встреча с Артюховым у меня произошла на станции метро «Политехническая», откуда мы прошли ко мне домой, а оттуда поехали вместе с ним во Дворец молодежи. Там, во Дворце, Артюхов куда-то пропал, и с тех пор мы больше не встречались. (...)

Вопрос. Не передавали ли вы Артюхову Е. П. какие-либо книги, изданные за границей?

Ответ. Нет, я никаких книг для ознакомления из числа изданных за границей Артюхову не передавал. Но мне понятно, почему у следствия мог возникнуть такой вопрос. Дело в том, что при нашей последней встрече с Артюховым у меня с собой имелся первый том трехтомного собрания сочинений Осипа Мандельштама, изданный, по-моему, в США каким-то литературным издательством. Эту книгу мне дал почитать в первой половине апреля, где-то числа 10-го, Борис Митяшин у себя на квартире в переулке Антоненко. Мы с ним в его комнате тогда были одни. Борис давно обещал мне дать что-либо почитать интересное и вот дал этот первый том Мандельштама. Со слов Митяшина мне известно, что его знакомая иностранка по имени Иша уже несколько лет назад подарила ему все три тома Мандельштама. На первом томе была ее дарственная надпись Борису. Прочитав полученный от Митяшина 1-й том, я собрался отдать ему его обратно. Когда мы встретились с Артюховым в последний раз, то я решил по дороге занести этот том к Митяшину и несколько раз звонил ему по телефону. Однако Бориса не было дома. Поскольку Артюхов шел со мной и у него в руках был портфель-«дипломат», а у меня вообще ничего не было, я для удобства попросил Артюхова на время положить 1-й том Мандельштама к себе в «дипломат». Артюхов согласился, но при этом поинтересовался, что это за книга. Я ему сказал, что это стихи Мандельштама, которые мне дал почитать Митяшин. (...) По моему предложению я и Артюхов направились во Дворец молодежи, где я ранее работал заведующим диско-центром. Мне просто хотелось зайти куда-нибудь посидеть, да и квартира Митяшина находилась по дороге к Дворцу молодежи, а я все-таки надеялся дозвониться до него и занести книгу. Во Дворце молодежи я показал Артюхову фонотеку, Красный бар, кафетерий. Он там никогда не был, и ему было очень интересно. Там же я встретил своих знакомых по прежней работе, я выпил спиртного и довольно здорово. Артюхов все время был со мной, а потом куда-то решил выйти. Как я понял, он направился в туалет. Ушел он вместе с «дипломатом» и больше не возвратился. (...)

Макаров

Допросил: Начальник отделения Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области майор Егоров В. Н.

Т. 1, л. д. 144—145. 15 августа 1984 года.

(...) Записи в дневнике исполнены лично мною, в них содержится свидетельство о том, что в 1979—1981 гг. я получал от Митяшина следующие произведения, изданные за границей: «История евреев с древнейших времен по шестидневную войну», «Шестидневная война», «Загадка смерти Сталина», «КПСС», «Встречи с Лениным», «И возвращается ветер...», «Рассказы. Раковый корпус», «Слепящая тьма», «Процесс исключения», «Невидимая книга», «Иностранец в Советском Союзе», «Кролики и удавы».

Макаров

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО майор Гордеев.

Т. 1, л. д. 152—153, 21 августа 1984 года.

(...) Должен заметить, что Митяшин никогда не сообщал мне, откуда у него берутся изданные за границей книги. Думаю, что он в этом плане в отношении меня придержи-

вался определенных правил конспирации, т. к. едва ли считал своим единомышленником. Прямо он мне об этом не говорил, но из характера наших с ним взаимоотношений я мог сделать такой вывод. (...)

Макаров

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО Гордеев.

6. Манжосова Наталья Александровна

Т. 1, л. д. 195, 9 августа 1984 года.

(...) В октябре-ноябре 1973 года, точно месяц назвать затрудняюсь, находясь вместе с Митяшиным дома у Ляхова Александра в гостях, я случайно услышала, как Митяшин в беседе с Ляховым Александром заявил ему о необходимости создания конспиративной организации для борьбы с существующим в СССР строем. Помнится, что Митяшин говорил Ляхову Александру о том, что упомянутая организация должна быть создана по системе троек, где каждый член организации должен подобрать еще не менее двух единомышленников, которые бы не знали других членов троек. Что еще по этому поводу говорил Митяшин и что на это отвечал ему Ляхов Александр, я уже не помню. Присутствовал ли кто еще при беседе Митяшина и Ляхова, я сказать затрудняюсь, поскольку с тех пор прошло много времени. Мне запомнились только Митяшин и Ляхов Александр. (...)

Манжосова

Допросил и протокол составил: Старший следователь группы УКГБ СССР по Новгородской области старший лейтенант В. Е. Жеглов.

7. Грачева Ираида Серафимовна

Т. 1, л. д. 210 оборот — 212, 24 августа 1984 года.

Митяшина Бориса Олеговича я знаю. Взаимоотношения у меня с ним нормальные, никаких личных счетов у меня с ним нет. С Митяшиным я познакомилась в 1981 году при обстоятельствах, которые в настоящее время припомнить затрудняюсь. После этого знакомства между нами установились дружеские отношения, и Митяшин периодически бывал у нас в доме. Как-то раз я с сыном была и у него дома. Эти дружеские отношения с Митяшиным длились на протяжении 1981 года, а потом и я, и мой сын попросту устали от общения с Митяшиным. Отношения пошли на спад, и Митяшин практически перестал бывать у нас.

От Митяшина мне было известно, что он работает где-то чертежником, не имеет высшего образования, привлекался к ответственности в связи с известными событиями в ЧССР, был жецат и развелся, имеет дочь и очень любит маму. Пожалуй, и все, что мне известно о Митяшине. Из общих знакомых я знаю Рогинского и его жену Фрумкину. Других знакомых Митяшина я не знаю.

Мне известно, что Митяшин поддерживал сердечные отношения с англичанкой по имени Иша, а также с гражданкой ФРГ по имени Варя. Он с ними переписывался, и Варя очень хотела, чтобы Митяшин выехал на жительство в ФРГ. При каких обстоятельствах Митяшин познакомился с упомянутыми иностранками, я не знаю. Я затрудняюсь сказать, чем они занимались в Ленинграде, но помню, что Митяшин просил меня достать для Иши какие-то материалы о творчестве Ахматовой. Я таких материалов не имела и в этой просьбе Митяшину отказала. Привозили ли эти иностранки какую-либо литературу Митяшину из-за границы, мне известно не было. Митяшин в этом плане был весьма конспиративен и никогда не сообщал, откуда получает изданные за границей книги.

Поддерживал ли Митяшин какие-либо контакты с дипломатами капиталистических стран, я не знаю, и мне он об этом ничего не сообщал.

Митяшин производил на меня двоякое впечатление. С одной стороны — очень добрый, щедрый, какой-то альтруистичный, отзывчивый и обязательный человек. С другой — совершенно негибкий, несдержанный, необразованный, но с большим апломбом, нетерпимый к чужому мнению, имеющий какое-то пристрастие к монологам и бесконечному выяснению отношений. Порой мне казалось, что Митяшин страдает манией величия, и это вызывало опасения в плане его психической полноценности. Отношения с такими людьми быстро исчерпываются, когда они полностью проговариваются и начинают повторяться. Слушать они не могут, разговор с ними — это разговор глухих. Тогда они становятся нестерпимо утомительными, что и произошло в наших с Митяшиным отношениях. Наши с ним отношения в интимные тона окрашены не были, а постоянно слушать его излияния «за жизнь», о его женщинах, негативные высказывания о советской действительности было просто утомительно.

Какой-то четкой антисоветской программы, установок на переустройство нашего общества по какой-то модели я у Митяшина не обнаружила. По крайней мере, из его высказываний я не могла сделать такого вывода, т. е. вывода о наличии у него каких-то

программных положений борьбы с Советской властью. Однако в его импульсивных высказываниях был постоянный негативный рефрен в отношении советской действительности. Ничего позитивного в нашем обществе Митяшин не видел, и я могу с полным основанием назвать его диссидентом в том смысле, как я это понимаю. Здесь необходимо отметить, что я лично эти его взгляды на советскую действительность не разделяла и недвусмысленно дала понять их ненужность для меня. Возможно, по этой причине он не предлагал мне книг определенной политической направленности, хотя по каким-то отдельным его высказываниям, припомнить которые я не в состоянии, можно было сделать вывод о наличии у Митяшина таких книг. Но такие книги меня не интересовали, и Митяшин мне их не предлагал. Меня интересовали книги по искусству и литературоведению. В разговорах с Митяшиным я упоминала такие книги, и он давал их мне для прочтения. Все эти книги я припомнить не могу, но некоторые из них у меня в памяти сохранились. Это «Некрополь» и иконографический сборник о Цветаевой. Ничего криминального в этих книгах нет. Меня весьма интересует литература начала века, и как-то осенью 1981 года у меня был об этом разговор с Митяшиным. Он предложил мне для прочтения книгу поэта Введенского. Я попросила его дать мне эту книгу и что-нибудь Набокова. Митяшин принес мне первый том полного собрания сочинений Введенского, изданный в издательстве «Ардис» в США. Предисловие написано Мейлахом, и должна отметить, что предисловие довольно тенденциозное. Эта книга так у меня и осталась, и я представляю ее в распоряжение следствия. В отношении Набокова Митяшин сказал, что его у него нет. Тогда же осенью 1981 года Митяшин подарил мне книгу стихов Кузмина, изданную в США. Никакого предисловия к книге нет. Сама книга у меня сохранилась, и я представляю ее в распоряжение следствия.

Зимой 1983 года в одну из наших последних встреч Митяшин подарил мне произведение Искандера «Кролики и удавы». Об этом я его не просила, т. к. творчество Искандера меня не привлекает, но Митяшин решил сделать мне приятное. Это произведение было кустарно сброшюровано и переплетено, и на нем имелась дарственная надпись Искандера — «Ираиде Серафимовне Фазиль Искандер». Митяшин сказал, что он попросил Фазиля Искандера об этой надписи и тот в его просьбе не отказал. Произведение это я не прочитала, и оно находится где-то у меня дома. Я готова представить его в распоряжение следствия. Откуда Митяшин взял эти книги, я не знаю.

Протокол прочитан мною лично, с моих слов записано правильно, поправок и дополнений не имею.

Грачева

Допросил: Старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО майор Гордеев [1].

8. Сажин Валерий Николаевич

Т. 1, л. д. 219 оборот — 222, 28 мая 1984 года.

Допрос начат в 14 часов 15 минут, окончен в 17 часов 25 минут.

Митяшина Бориса я знаю. Взаимоотношения у меня с ним нормальные, никаких личных счетов между нами не имеется.

С Митяшиным, насколько мне помнится, я познакомился где-то году в 1973 в какой-то компании наших общих знакомых. Кто именно из моих знакомых был в той компании и кто меня с ним познакомил, я уже не помню. Потом мы с Митяшиным какое-то время встречались также среди каких-то наших общих знакомых, а среди кого именно, вспомнить затрудняюсь, ну а затем наши с ним встречи носили чисто случайный характер. Вот так случайно я встретил его летом прошлого года в Усть-Нарве, где он отдыхал. Меня с Митяшиным связывали личные дружеские отношения без какого-либо делового оттенка. После лета прошлого года я с Митяшиным не встречался.

В последние годы я так редко встречался с Митяшиным, что не представляю себе круг его знакомых. С кем именно он поддерживал знакомства, с кем находился в дружеских отношениях, я сказать затрудняюсь по упомянутой выше причине.

Как-то определенно и объективно охарактеризовать Митяшина я также затрудняюсь, т. к. не был с ним настолько дружен, чтобы объективно судить о нем. Могу сказать, что среди моих знакомых он был единственным представителем рабочего класса, и мне всегда казалось, что о труде вообще и своей работе в частности он отзывался всегда положительно. Каких-либо аморальных поступков я за ним не знаю. Я никогда не слышал от Ми-

[1] Не правда ли, читатель, душно? Эта подборка, составляющая Обвинение, чудовищно искажает пропорции в природе, создает безнадежный взгляд на человека. Иные наши литературные авторитеты так и утверждают: «все — дерьмо». А норма — вот она! На следующих страницах я с большим для себя удовольствием представляю примеры. Вот, господа, как надо давать, если давать, показания на гебистских допросах! (Когда по окончании следствия я знакомился с делом и прочел в конце «свидетельского» тома показания моих настоящих друзей, я, без преувеличения, испытал ощущение счастья. Все-таки прекрасно жить на свете!)

тяшина каких-либо высказываний на политические темы, которые дали бы мне возможность охарактеризовать его с этой стороны. В моем присутствии Митяшин никогда не высказывал суждений политически вредного или антисоветского характера. Мне никогда не доводилось слышать от кого-либо о наличии у Митяшина каких-либо контактов с иностранцами.

Я не знаю, располагал ли Митяшин какой-либо литературой политически вредного или антисоветского содержания, т. к. таковую у него я не видел, а он мне о наличии у него упомянутой литературы не говорил.

Мне лично Митяшин никогда не давал для прочтения или ознакомления литературу уже упоминавшегося плана, а давал ли он такую литературу кому-либо другому, я не знаю. Литературы политически вредного содержания Митяшин для ознакомления мне никогда не предлагал.

Вопрос. При производстве обыска в вашей квартире 22 мая 1984 года было обнаружено и изъято четыре номера журнала «Шпигель» за 1978 год. При каких обстоятельствах упомянутые журналы оказались в вашей квартире?

Ответ. Указанные журналы «Шпигель» мне оставил мой знакомый Шерман Александр Иосифович в конце 1978 или в начале 1979 года перед своим отъездом на постоянное жительство за границу. До отъезда он работал преподавателем в какой-то вечерней школе. Откуда Шерман взял журналы, я не знаю, т. к. он мне об этом не говорил. Шерман проживал на канале Грибоедова, а точный адрес я уже забыл. За границу он выехал со всей семьей. Он предложил мне эти журналы, и я не отказался посмотреть иллюстрации, т. к. немецким языком я не владею. Журналы все это время находились у меня дома, и я с их содержанием никого не знакомил и никому их не передавал.

Вопрос. При обыске у вас обнаружена переписка с зарубежным адресатом. С кем именно вы поддерживаете переписку?

Ответ. У меня при обыске была изъята переписка с Дедюлиным Сергеем Владимировичем, проживающим в настоящее время в Париже. С ним я поддерживал дружеские отношения до его отъезда 1 марта 1981 года из СССР, поддерживаю эти отношения и в настоящее время. Наша переписка носит дружеский и бытовой характер. Ничего криминального, с моей точки зрения, в этой переписке не имеется. Я затрудняюсь сказать, был ли Митяшин знаком с Дедюлиным.

Вопрос. При производстве обыска у вас была изъята книга Э. Кузнецова издательства «Москва — Иерусалим» под названием «Мордовский марафон». При каких обстоятельствах указанная книга оказалась в вашей квартире?

Ответ. Книгу «Мордовский марафон» я купил с рук при случайных обстоятельствах, кажется, в 1980 году, а точнее время не помню. Ранее с содержанием этой книги я знаком не был и только слышал, а от кого, уже не помню, что автор книги являлся участником попытки захвата самолета в Ленинграде с целью вылета за границу. Специально эту книгу я не искал, но когда подвернулась возможность приобрести ее — купил из любопытства. Продавал ее мужчина лет пятидесяти, интеллигентного вида, с ярко выраженными чертами лица еврейского типа. Он сказал, что уезжает из СССР и ему некуда деть эту книгу. Я затрудняюсь объяснить, почему с этим предложением он обратился именно ко мне. Уже не помню, за сколько я купил книгу, кажется, дал за нее не дороже пяти рублей. В отношении содержания книги могу только пояснить, что меня удивило, каким образом автор ухитрился вести дневник в тех условиях, которые он описывает. Книгу я никому не давал и о ее содержании никому не рассказывал.

Вопрос. При обыске у вас была изъята пишущая машинка устаревшей конструкции марки «Континенталь» № 71342. Кому принадлежит эта машинка?

Ответ. Пишущая машинка принадлежит мне. Я приобрел эту машинку у одного мастера в Гатчине где-то в 1980 году, а может быть, и в 1981 году. Я работаю литературоведом, и машинка мне нужна для работ в этой области. Я не знаю, известно ли Митяшину о наличии у меня пишущей машинки, так как у нас с ним разговоров по этому поводу никогда не было. Он никогда не обращался ко мне с просьбами достать для него какую-либо пишущую машинку и не просил что-либо для него отпечатать.

Протокол прочитан мною лично, с моих слов записано правильно. Поправок и дополнений не имею.

Сажин В. Н.

Допросил: Старший следователь Следотдела УКГБ ЛО майор Гордеев.

9. Добкин Александр Иосифович

Т. 1, л. д. 223—229. 14 июня 1984 года.

Допрос начат в 14 часов 05 минут. Окончен в 19 часов 15 минут.

Вопрос. Владеете ли вы русским языком, на каком языке желаете давать показания?

Ответ. Русским языком я владею, показания желаю давать на русском языке.

Свидетель: *Добкин А. И.*

Вопрос. Знаете ли вы Митяшина Бориса Олеговича и каковы ваши с ним взаимоотношения?

Ответ. Митяшина Бориса Олеговича я знаю. Взаимоотношения у меня с ним нормальные, никаких личных счетов у меня с ним нет.

Вопрос. Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Митяшиным, какие отношения вы с ним поддерживали?

Ответ. С Митяшиным я познакомился лет пять или десять тому назад, а точнее не помню. Я также не помню, при каких обстоятельствах я с ним познакомился. Отношения у меня с Митяшиным сложились хорошие, но я затрудняюсь ответить определенно, что меня с ним объединяло в нашем знакомстве и имелись ли у нас с ним какие-то общие интересы и увлечения. На мой взгляд, Митяшин весьма порядочный человек, и этого было вполне достаточно для общения с ним. В гостях у Митяшина мне бывать не доводилось, а бывал ли он у меня в гостях — припомнить затрудняюсь.

Вопрос. Известен ли вам круг интересов, увлечений и друзей Митяшина?

Ответ. Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, т. к. не знаю круга его интересов и друзей.

Вопрос. Каким образом вы можете охарактеризовать Митяшина в деловом, моральном и политическом плане?

Ответ. Каких-либо дел у меня с Митяшиным не было, и по этой причине мне трудно охарактеризовать его в деловом отношении. На основании моего общения с ним я сделал вывод, что Митяшин исключительно порядочный и честный человек. Что касается его политической характеристики — то разговоров, бесед или каких-либо обсуждений политических вопросов у меня с ним никогда не было. Поэтому я не могу обрисовать политическое лицо Митяшина.

Вопрос. Не допускал ли Митяшин в вашем присутствии каких-либо высказываний, порочащих советский государственный и общественный строй?

Ответ. Мне не доводилось слышать от Митяшина каких-то высказываний, порочащих советский государственный и общественный строй. О таких фактах мне никто никогда не говорил.

Вопрос. Не восхвалял ли он западный образ жизни и не высказывал ли намерений выехать из СССР на постоянное жительство за границу?

Ответ. В моем присутствии Митяшин не восхвалял западный образ жизни и не высказывал намерений покинуть СССР. Об этом я ничего не знаю.

Вопрос. Не известно ли вам о каких-либо связях Митяшина с иностранцами, а также официальными представителями иностранных государств в СССР?

Ответ. Я не знаю, имел ли Митяшин какие-либо связи с иностранцами и официальными представителями иностранных государств в СССР. Я также не знаю, имел ли он какие-либо контакты с дипломатами США. Мне Митяшин об этом ничего не говорил.

Вопрос. Не имел ли Митяшин литературу, изданную за границей?

Ответ. Я не знаю, имел ли Митяшин какую-либо литературу, изданную за границей. В моем присутствии Митяшин никогда не пересказывал содержание литературы политически вредного или антисоветского характера, а также не высказывал своих мнений на этот счет.

Вопрос. Не передавал ли Митяшин вам или кому другому литературу, содержащую клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй?

Ответ. Мне лично Митяшин никогда не давал для прочтения и вообще никогда не давал литературу упомянутого плана. В моем присутствии он не передавал упомянутую литературу и никому другому. Об этом я заявляю со всей ответственностью.

Вопрос. Не предлагал ли вам Митяшин когда-либо ознакомиться с литературой указанной направленности?

Ответ. Митяшин никогда не предлагал мне ознакомиться с литературой антисоветской направленности.

Вопрос. Имели ли вы когда-либо изданную за границей литературу, в том числе содержащую клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй?

Ответ. Я имел литературу, которая была издана за границей. Вся эта литература перечислена в протоколе обыска, проведенного 22 мая 1984 года в моей квартире. Что именно было изъято, я уже не помню, так как обыск проводился без меня, но протокол обыска я не оспариваю. В момент обыска я находился на лечении в больнице, а после этого до 8 июня сего года находился еще на амбулаторном лечении. С той литературой, изданной за границей, изъятой у меня при обыске, я знаком. Однако каких-либо клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, я при чтении этих книг не обнаружил. Другой, изданной за границей литературы, помимо перечисленной в протоколе обыска, у меня, если мне не изменяет память, не было.

Вопрос. При производстве обыска 22.05.84 года по вашему месту жительства был изъят ряд книг, изданных за границей. Среди этих книг были изъяты: «Без буржуев»

И. Ефимова, издательство «Посев»; первый том собрания сочинений О. Мандельштама, изданного в США, и каталог «Русские книги» 1979/80, изданный в ФРГ. Что вы можете пояснить по этому поводу?

Ответ. По этому поводу я могу пояснить следующее. Указанные книги в настоящее время принадлежат мне. Я читал эти книги и, как пояснил выше, каких-либо клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, я в их содержании не обнаружил. Трудно поверить, но то, что книга «Без буржуев» издана издательством «Посев», я выяснил только из протокола обыска.

Книгу «Без буржуев» я нашел года три или четыре назад, а точнее припомнить затрудняюсь. Эту книгу я нашел в парке Лесотехнической академии в Ленинграде. Кажется, это произошло летом, т. к. книга лежала в траве. Каких-то примечательных предметов возле этого места я не припоминаю. Книгу я нашел один, и присутствовал ли при этом кто-либо из посторонних, сказать затрудняюсь, т. к. не обращал на это внимания.

Первый том собрания сочинений О. Мандельштама мне подарило лицо, которое несколько лет назад выехало на постоянное место жительства за границу. Этот человек подарил мне только первый том собрания сочинений, а не все три. Это же лицо подарило мне и каталог «Русские книги». Назвать это лицо я отказываюсь.

Все три указанные книги постоянно хранились у меня дома, а в каком именно месте — сказать затрудняюсь, т. к. у меня достаточно много книг. Эти книги кому-либо для прочтения или ознакомления я не давал и содержание их никому не пересказывал. Насколько мне известно, моя жена с содержанием упомянутых книг не знакомилась. Все эти три книги я хранил без цели последующей их передачи в любой форме кому-либо из третьих лиц.

Вопрос. Из материалов настоящего уголовного дела усматривается, что Митяшин Б. О. проводил антисоветскую агитацию и пропаганду путем распространения среди знакомых ему лиц литературы, содержащей клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Наряду с другими книгами указанной направленности он распространял и книгу «Без буржуев» И. Ефимова. Известно ли вам что-либо по этому поводу?

Ответ. По поводу заданного мне вопроса я пояснить что-либо затрудняюсь, т. к. Митяшин мне никакой литературы, изданной за границей, никогда не давал. Распространял ли он какую-либо литературу, я не знаю.

Вопрос. Знаете ли вы Долинина Вячеслава Эммануиловича?

Ответ. Долинина Вячеслава Эммануиловича я не знаю. Я также не знаю, был ли упомянутый Долинин В. Э. в числе знакомых Митяшина Б. О.

Вопрос. При обыске по вашему месту жительства обнаружены и изъяты три фотокарточки цветного изображения, а также 15 писем на ваше имя в конвертах, отправленных из-за границы. Кто изображен на упомянутых фотоснимках и кто является отправителем писем?

Ответ. На предъявленных мне фотокарточках изображен я сам в одиночку, а также с Рогинской Натальей Андреевной, и мой друг Дедюлин Сергей Владимирович. Из предъявленных мне писем часть отправлены Дедюлиным С. В., а часть моей знакомой Райко Эддой, которая ранее проживала в СССР. С этими лицами я поддерживаю дружеские отношения, и наша переписка носит бытовой характер. Ничего криминального в этих письмах я не усматриваю, упоминания о Митяшине в них не имеется. Я не знаю, были ли эти лица знакомы с Митяшиным, и просто уверен в том, что никакую литературу они ему тем или иным способом из-за границы не передавали.

Вопрос. При производстве обыска 22.05.84 года были изъяты книги: «Молодец» Цветаевой, «К истории русской поэзии», сборник стихотворений на иностранном языке, «Были и небылицы», изданные за границей. При каких обстоятельствах упомянутые книги оказались в вашей квартире?

Ответ. Книгу «Молодец» я получил год или два назад по почте от Дедюлина С. В. из Франции. Остальные упомянутые книги мне подарило то самое лицо, назвать которое я отказываюсь.

Вопрос. При каких обстоятельствах у вас оказались изъятые при обыске 22.05.84 года следующие материалы: ксерокопия книги «Письма к А. Тесковой», «Памяти Александра Блока», «Не спи на закате» Горбаневской, ксерокопия «Стихотворения А. Ахматовой», машинописный текст под названием «Послесловие», машинописный текст под названием «Между строк, или читая мемории, а может, просто Василий Васильевич», «Письма к Луначарскому», «Из неопубликованного наследия Короленко», машинописный текст «Люди, годы, жизнь», машинописный текст, начинающийся словами: «О. Ф. Берггольц — А. Софронову...»?

Ответ. Упомянутые материалы оказались у меня в разное время и при различных обстоятельствах. Припомнить время, когда у меня оказались эти материалы, и обстоятельства я в настоящее время затрудняюсь. Считаю необходимым отметить, что Митяшин никакого отношения к указанным материалам не имел. Эти материалы мне нужны для личного пользования, и по этой причине они оказались у меня в доме.

Вопрос. В результате обыска по вашему месту жительства изъяты два блокнота на 91 и 53 листах с рукописными записями. Каково содержание этих записей?

Ответ. Предъявленные мне блокноты с рукописными записями содержат библиографические сведения об изданиях, которые меня интересовали. К этому моему интересу Митяшин никакого отношения не имеет.

Вопрос. Знакомы ли вы с Рогинским Арсением Борисовичем?

Ответ. С Рогинским А. Б. я давно знаком. Он является моим близким другом. Был ли знаком Рогинский с Митяшиным, я не знаю. В настоящее время Рогинский отбывает наказание, т. к. он был осужден по ст. 196 УК РСФСР. Поддерживает ли Митяшин переписку с Рогинским, я не знаю. (...)

Протокол прочитан мною лично. С моих слов записано правильно. Поправок к протоколу не имею, но хочу дополнить, что ни к каким материалам, изъятым у меня при обыске 22.05.1984 года, Митяшин Б. О. отношения не имеет.

Добкин А. И.

Допросил: Старший следователь Следотдела УКГБ ЛО майор Гордеев.

Т. 2, л. д. 155—156.
Следственный отдел
31 августа 1984 г.
3/01888
Ленинград

Секретно. Экз. № 2
Начальнику Управления
по охране государственных тайн в печати
при Ленгорисполкомах
товарищу Маркову Б. А.
Невский пр., дом 52/14

В связи с расследованием по уголовному делу № 44 прошу Вас дать указание проверить и сообщить нам, подлежат ли ввозу и распространению на территории СССР следующие печатные произведения: (...) [1]

Приложение: по тексту, подлежит возврату.

Заместитель начальника Следственного отдела УКГБ СССР
по Ленинградской области

А. С. Лепетунов.

п/п верно: Старший следователь Гордеев.

Т. 2, л. д. 157—166 оборот.
Управление по охране государственных тайн в печати при Ленгорисполкомах (Леноблгорлит)
25.09.84 г. № 446 с
на № 3/01888 от 31.08.84 г.

Секретно. Экз. № 1
Управление Комитета государственной безопасности СССР по Ленинградской области
т. Третьякову В. И.
В. Блеер. 28.09.84 г.
28 сен. 84/15915. Следственный отдел УКГБ по ЛО.
Вх. № 02063. 2.X.84.

Большинство перечисленных изданий и машинописных текстов имеет антисоветский, антикоммунистический характер, порочит советскую действительность, пропагандирует реакционные религиозные воззрения, являются морально и идейно ущербными.

1. И. Бродский. «Конец прекрасной эпохи», издательство «Ардис/Анн Арбор», 1977, Мичиган. 114 стр. Сборник стихотворений антисоветчика, эмигрировавшего из Ленинграда, издан американским издательством, специализирующимся в «советологии», фактически антисоветским центром. Стихи, помимо религиозно-пропагандистских мотивов, содержат многочисленные оскорбительные выпады в адрес классиков марксизма, руководителей партии и Советского государства (стр. 9, 15 и др.), изобилуют антисоветскими и антикоммунистическими выпадами, например:

«Рабство всегда порождает рабство.
Даже с помощью революций.
Капиталист развел коммунистов.
Коммунисты превратились в министров.
Последние плодят морфинистов» (стр. 8).

Стихотворения изобилуют непристойностями, автор в оскорбительных тонах утверждает, что в СССР якобы преданы забвению герои войны (стр. 74, «Фонтан памяти героев обороны полуострова Ханко»). Книга ввозу и распространению на территории СССР не подлежит.

2. И. Бродский. «Часть речи», издательство «Ардис/Анн Арбор», 1977, Мичиган,

[1] Все произведения вновь перечислены в следующем документе.

113 стр. (см. также п. 1). Для этого сборника также характерны религиозно-пропагандистские мотивы. В стихотворении «На смерть Жукова» (стр. 44—45) содержатся оскорбительные выпады в адрес полководца:

«Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал!»

В этом же стихотворении имеются гнусные антисоветские намеки. В стихотворении «Классический балет есть замок красоты...» (стр. 73—74) рекламируется изменник Родины Барышников, пропагандируется эмиграция из СССР, восхваляются США:

«А что касается [1] того, где выйдет приземлиться,
земля везде тверда: рекомендую США».

Книга ввозу и распространению на территории СССР не подлежит.

3. «Библия», издательство «Жизнь с богом», 1973 г., Брюссель, 2357 стр. Учебное издание священного писания, осуществленное клерикальным антисоветским издательством. Ввозу и распространению на территории СССР, помимо установленного порядка, не подлежит.

4. Сброшюрованный сборник «Стихотворения 1966—1971», на 100 машинописных листах. Подборка стихотворений И. Бродского (см. п. п. 1, 2). Как и в описанных двух сборниках, широко используются религиозно-пропагандистские мотивы, стихи изобилуют непристойностями, нецензурными выражениями. Отдельные стихотворения носят явно оскорбительный для нашей страны характер, например:

«Октябрь — месяц грусти и простуд,
и воробьи, пролетарьят пернатых,
захватывают в брошенных пенатах
скворешники, как Смольный институт.
И воронье, конечно, тут как тут.

Хотя вообще для птичьего ума
понятья нет страшнее, чем зима,
куда страшней [2] страшится перелета
наш длинноносый северный Икар.
И потому пронзительное карр!
звучит для нас как песня патриота» (стр. 33).

Стихи не подлежат распространению на территории СССР.

5. Сброшюрованный сборник «Стихотворения и поэмы 1962—1963», на 115 машинописных листах. Ранние произведения И. Бродского (см. п. п. 1, 2, 4). Кроме нескольких стихотворений на религиозные темы («Исаак и Авраам», стр. 68—80, «Рождество 1963 года» — «Спаситель родился...», стр. 112 и «Волхвы пришли...», стр. 113), других политически и морально ущербных моментов в сборнике нет. Однако в связи с активной антисоветской деятельностью автора на Западе его произведения не подлежат распространению на территории СССР.

6. Машинописный текст на 11 листах, начинающийся словами: «Сан-Пьетро». Стихи и стихотворные переводы И. Бродского, сделанные им в эмиграции. Распространению на территории СССР не подлежат.

7. Сброшюрованный сборник «Стихотворения и поэмы 1964—1965», на 105 машинописных листах. Стихи И. Бродского (см. п. п. 1, 2, 4—6). Помимо обычных для автора религиозных мотивов сильна «тюремная» тема. В примечаниях к стихотворениям содержатся антисоветские выпады (стр. 10, 32, 81). Стихи пестрят нецензурными выражениями. Материал распространению на территории СССР не подлежит.

8. Сброшюрованный сборник «Стихотворения и поэмы 1957—1961», на 120 машинописных листах. Стихи И. Бродского (см. п. п. 1, 2, 4—7). Содержатся выпады, порочащие советскую культуру, например:

«Левую пьесу рукою правой
я накропаю довольно споро.
И товарищ Акимов ее поставит,
соответственно ее сначала оформив»,

(стр. 20, «Стихи о Сереже Вольфе, который, ходят слухи, пишет для Акимова»). Издевательские антипартийные выпады есть в «Декларативных стихах» (стр. 31), в стихотворении «Красное и черное» (стр. 45—46). Бродский оскорбляет и корифеев русского искусства («М. Глинка», стр. 71). В примечаниях к стихам на стр. 86 и 109 содержатся антисоветские выпады. Материал распространению на территории СССР не подлежит.

[1] Переврано. Правильно: «А что насчет...».
[2] Переврано. Правильно: «...куда сильней...».

9. Сброшюрованный сборник «Поэмы» на 132 машинописных листах. Стихи И. Бродского (см. п. п. 1, 2, 4—8) изобилуют антисоветскими выпадами, клеветой на нашу страну:

«Но СЧАСТЛИВОЕ ПЕНИЕ КРЫС
как всегда над Россией звенит» (стр. 70),

в оскорбительных тонах говорится о видном революционере и государственном деятеле [1] (стр. 93—94). Издевательски звучат слова врачей, делающих заключение о состоянии здоровья душевнобольного:

«В таких вот выражениях примерных
свой истинный показывает лик
сторонник непартийных, эфемерных
явлений...» [2] «В этом чувствуется сдвиг
налево от открытий достоверных
марксизма» (стр. 107).

Вся поэма «Горбунов и Горчаков» является по существу гнусной антисоветчиной. На стр. 5 и 6 содержатся злобные выпады в адрес органов государственной безопасности. Поэмы распространению на территории СССР не подлежат.

10. Сброшюрованный сборник «Разные стихотворения, варианты, отрывки», на 148 машинописных листах. Эти стихи, как и другие произведения И. Бродского (см. п. п. 1, 2, 4—9), изобилуют непристойностями, грубыми выпадами в адрес нашей страны, например:

«Частокол застав, границ
— что горé воззреть, что ниц,—
как он выглядит с высот,
лепрозорий для двухсот
миллионов?» (стр. 118).

Автор высказывает свое презрение к столице СССР, рисуя следующую картину Москвы:

«Куполов, что голов, да шпилей — как задранных ног.
Как за смертным порогом, где встречу друг другу назначим,
где от пуза кумирен, градирен, кремлей, синагог,
где и сам ты хорош со своим минаретом стоячим» (205 стр.).

Широко эксплуатируя «тюремную» тему, Бродский так живописует «ужасы заключения»:

«В скрытом от солнца мире
тень для помятых ляжек
обретя в конвоире,
человек без подтяжек,
стриженый не по моде,
свой настигая взгляд,
шел, получал по морде,
возвращался назад» — и так далее (стр. 108).

Показательно для антисоветизма автора и стихотворение «Россия»:

«Сына взяли. И мать больна.
В комнате сумеречно, темно [3].
На улице праздник — 1 мая,
вождем
завесили ей окно» (стр. 50).

Материал распространению на территории СССР не подлежит.

11. Сброшюрованный сборник «Стихотворения» Е. Пудовкиной, на 85 машинописных листах. Большинство стихотворений носит религиозно-пропагандистский характер. Кроме того, некоторые стихи отмечены печатью антисоветизма, враждебным отношением к нашей действительности. Так, в стихотворении «Памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина» автор цинично утверждает:

«Я ж повторю, что нет страшней страны,
страшнее и любимее, чем эта,
где через век — не чаянья поэта,
а вымыслы сатирика верны» (стр. 28).

---

[1] Речь идет о поэме «Феликс».

[2] Переврано. Правильно: «...воззрений...».

[3] Переврано. Правильно: «Сына взяли. И мать больная. В комнате солнечной темно». Это стихотворение принадлежит Александру Мореву. В сборнике оказалось по недоразумению.

В мрачных тонах рисуется наша действительность:

«Где б церкви быть — гниющий лес воняет,
где б далям быть — там вовсе жизни нет.
А от домов мертвецки-голубых
к нам тянется тяжелый дух похмелья
и новоселья» (стр. 35).

Идеологическое кредо поэтессы ярко выражено в следующих строках:

«Если б я в молитве была сильна,
я б просила Бога, чтоб вся страна,
чтобы все мы силы нашли признаться,
что давно потеряна наша честь,
а того немногого, что в нас есть,
людям надо бояться» (стр. 36).

Стихи распространению на территории СССР не подлежат.

12. Машинописный сборник на 134 несброшюрованных листах, начинающихся словами: «Белый кот». Сборник рассказов неизвестного автора [1]. Все тексты аполитичны, проникнуты духом пессимизма, презрением к советскому народу. Автор подвергает огульной критике советскую школу, литературу, рабочий класс, систему воспитания, искусство, для всех текстов характерен завуалированный антисоветизм. Материал распространению на территории СССР не подлежит.

13. Машинописный документ «Проблемы современного христианства», на 197 листах. Материал религиозно-пропагандистского характера в форме писем. Помимо высказываний о необходимости реформы православной церкви широко рекламируются реакционные философы-мистики типа Бердяева и Карсавина. Автор утверждает, что «революция, разрушившая церковь, сама была во многом результатом кризиса религиозного сознания» (стр. 40), подчеркивает, что «атеизм И АБСУРД ТОЖДЕСТВЕННЫ» (стр. 67). Материал распространению на территории СССР не подлежит.

14. Машинописный документ «Патриотизм» на 8 несброшюрованных листах. Перевод главы из иностранного издания (предположительно, из книги бывшего корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» в СССР Х. Смита «Русские»), исключительно враждебного к СССР содержания. Так, автор утверждает, что «страстный патриотизм русских содержит... что-то от первобытного чувства общины, клановой обособленности по отношению к „чужакам" и нетерпимости к отступникам, викторианской гордости национальной мощью и империей, слепой эгоцентризм» (стр. 8). Взяв за основу своей писанины примитивно ложное положение о том, что советский патриотизм есть шовинизм (стр. 6), он оглупляет советский народ, отказывая ему в понимании внутриполитической ситуации: «Видите ли, это совершенно естественно для народа, считать таких людей, как Сахаров и Солженицын, предателями. Очень просто: Сахаров и Солженицын обращаются за помощью к иностранцам» (стр. 7). Материал ввозу и распространению на территории СССР не подлежит.

15. Сборник стихотворений на 90 несброшюрованных машинописных листах, начинающийся со слов: «Подражание сатирам...». Стихотворения И. Бродского, содержащиеся в материалах, описанных в п. п. 4, 6, 10 и других. Распространению на территории СССР не подлежит.

16. Стихотворения на 39 несброшюрованных машинописных листах, начинающиеся словами: «Прощай, позабудь...». Часть стихотворений И. Бродского, вошедших в самодельный сборник, описанный в п. 8. Распространению на территории СССР стихотворения не подлежат.

17. Каталог «Русские книги 1979/80» издательства А. Нейманис, Мюнхен, 216 стр. Каталог содержит в основном рекламу книг, изданных на русском языке зарубежными антисоветскими центрами; авторами этих книг в подавляющем большинстве случаев являются эмигранты, ведущие активную враждебную деятельность против нашей страны. В рекламных справках даются сведения как об авторах-антисоветчиках, так и о содержании книг. Каталог ввозу и распространению на территории СССР не подлежит.

18. Г. Струве. «К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов», издательство «Berkley Slavic Specialties», 1979, 177 стр. Литературоведческая работа белогвардейского эмигранта Глеба Струве посвящена полузабытым русским поэтам начала века. В приводимых автором стихах нет политически дефектных моментов, однако сопроводительные статьи и комментарии самого Струве преисполнены антисоветчиной, восхваляют белогвардейщину, порочат советскую литературу. Так, говоря о видном советском поэте Вс. Рождественском, Струве, признавая его талант, в то же время утверждает, что якобы только приспособленчество «...дало ему возможность процвесть в советской жизни»

[1] Автор — ленинградский писатель Николай Калягин. Некоторые из произведений этого собрания вошли в его книгу «Дорога через свет», «Молодая гвардия», 1989 г.

(стр. 19). В абзаце, посвященном революционерке и литератору Ларисе Рейснер, Струве говорит лишь о том, что она была женой «известного большевика Федора Раскольникова», который «...стал невозвращенцем, находясь на советской дипломатической службе», а также пишет о ее «сближении с Радеком... Проживи она дольше, она, вероятно, разделила бы участь Радека в сталинских чистках» (стр. 21—22). Литературоведческая «объективность» Струве выражена в других антисоветских выпадах, в большом количестве рассеянных по всей книге, которая не подлежит ввозу и распространению на территории СССР.

19. М. Цветаева. «Молодец», издательство «Prideaux Press», 1977, 105 стр. Отдельные строфы из поэмы Цветаевой печатались в СССР. Настоящее издание ввозу и распространению на территории Советского Союза не подлежит, т. к. в тексте исключительно сильна религиозно-пропагандистская тема.

20. Электрографическая копия книги «Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой», 1969, Прага, 215 стр. Книга распространялась в Советском Союзе, находится в открытых фондах библиотек СССР.

21. Электрографическая копия «Стихотворения Анны Ахматовой», на 28 стр. В подборку включен ряд стихотворений поэтессы, которые не печатались в СССР. Они проникнуты враждебным отношением к революции, социалистическому строю, например:

«В Кремле не надо жить. Преображенец прав,
Здесь древней ярости еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь — взамен народных прав».

Для общего пессимистического, «тюремного» (стр. 19) настроя стихов, помещенных в сборнике, характерны следующие строки:

«И вовсе я не пророчица,
Жизнь моя светла, как ручей.
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей» (стр. 22).

Сборник распространению на территории СССР не подлежит.

22. Л. Д. Блок. «Были и небылицы», издательство «K. Presse», Бремен, 103 стр. Мемуарные записи вдовы Александра Блока Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок. В мемуарах дается картина семейно-бытовой стороны жизни поэта с преобладанием интимно-психологических подробностей, придающих запискам «закулисный», обывательский характер. Автограф мемуаров, как сказано в предисловии, хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства, однако в СССР не публиковался.

23. Машинописный документ на 13 листах, начинающийся словами: «О. Ф. Берггольц — А. Софронову». Собрание злобных пародий и эпиграмм на творчество видных советских литераторов. Автор чернит их творчество, приправляя тексты нецензурными выражениями. Распространению на территории СССР материал не подлежит.

24. Машинописная копия «Не спи на закате» Н. Горбаневской. Автор ведет активную антисоветскую деятельность, в связи с чем ее произведения не подлежат распространению на территории СССР.

25. Машинописная копия «Памяти Александра Блока». Воспоминания А. З. Штейнберга, на 34 листах. Автор всячески старается придать факту ошибочного задержания А. А. Блока органами ВЧК в 1919 году антирелигиозную окраску, смакуя подробности его пребывания в камере предварительного заключения. Содержатся отдельные антиреволюционные выпады, например: «Кто сможет сказать, что он пережил русскую революцию, если он ни разу не побывал в Чрезвычайке?» (стр. 18). Текст распространению на территории СССР не подлежит.

26. Машинописный документ «В. Короленко. Письма к Луначарскому». Тексты отражают неправильное восприятие русским писателем Октябрьской революции, непонимание борьбы рабочего класса и необходимости защиты революционных завоеваний. Так, Короленко считал, что «Россия не созрела до социалистической революции». Борьба с контрреволюцией воспринималась им как «террор и беззаконие», не имеющие прецедентов. По его мнению, коммунисты «проходят по деревням Украины и России „каленым железом", сжигают целые деревни и радуются успехам продовольственной политики». В силу исключительной враждебности по отношению к Великой Октябрьской социалистической революции письма Короленко распространению на территории СССР не подлежат.

27. Машинописный текст «Из неопубликованного наследия В. Г. Короленко». Переписка Короленко с одним из литераторов не содержит политически дефектных материалов.

28. Машинописный документ «Послесловие» на 19 листах. Восхваляя творчество «писателя» М. Берга, автор статьи заявляет, что «все творчество Берга является главой той же великой книги, имя которой — русская литература» (стр. 19). Вполне очевидно.

что автора статьи Берг привлекает в первую очередь тем, что он является популярным «самиздатовцем» и что его публикациям препятствует «чуткий предохранитель отечественной цензуры» (стр. 1). Автор статьи фактически поет хвалу литературе абсурда, имеющей явно издевательский, антисоветский по существу характер. В этой, с позволения сказать, «литературе» существует «эдакий великий советский поэт А. С. Пушкин, дважды герой соц. труда, лауреат Сталинской и Ленинских премий, неутомимый борец за мир и т. д.» (стр. 14). Текст распространению на территории СССР не подлежит.

29. Сочинение «Веревочная лестница» на 164 машинописных листах. С «произведением» некоего М. Берга сброшюрован его же «роман» «Вечный жид» (стр. 44—164). «Веревочная лестница» — псевдолитературоведческая работа пасквилянтского характера, пересыпанная злобной антисоветчиной. По мнению Берга, «писатель в наше время стал „зубочисткой"», всем вершит «старый кадровик, работник планового отдела Партай Геноссович Церберов» (стр. 2). В текст вкраплены анекдоты, порочащие русскую литературу, выдающихся советских писателей (стр. 4, 13 и др.). История нашей страны под его пером превращается в пытошный застенок, и автор лицемерно восклицает: «О, Россия, моя бедная, сонная девочка, дитя, изнасилованное спереди и сзади!»[1] (стр. 16). Наряду с цинизмом и непристойностью Берг протаскивает через свое сочинение сионистские идейки.

«Роман» «Вечный жид» написан в стиле литературы абсурда и является смесью религиозной пропаганды, сионизма и непристойностей. Герои, находящиеся в сумасшедшем доме, охвачены антисемитизмом, монархизмом и прочими маниями. В большом числе встречаются антисоветские намеки и иносказания. Тексты М. Берга распространению на территории СССР не подлежат.

30. Сочинение «Между строк». Также «произведение» М. Берга (см. п. п. 28—29), исполненное злобным издевательством над русским революционным движением, пропитанное духом сионизма. Распространению на территории СССР не подлежит.

31. Машинописный документ «Люди, годы, жизнь». (Из неопубликованного), на 14 листах. В качестве автора текста указан И. Г. Эренбург. Автор, вспоминая первую половину пятидесятых годов, рисует жизнь писательской организации СССР как сплошную склоку, подсиживания, в негативном виде изображает таких крупных советских писателей, как О. Форш, К. Симонова, М. Шолохова и других, описывая их как людей без собственных творческих позиций и политических убеждений. Содержится ряд резко отрицательных оценок видных советских партийных и государственных деятелей, руководителей партии и СССР. Пытаясь утверждать, что в нашей стране литераторы не свободны в своем творчестве, автор заявляет: «Нападки на писателей были связаны не с критикой литературных произведений, а с изменением политической ситуации» (стр. 7). Большую часть текста занимают личные обиды автора в связи с критикой в его адрес, высказанной в советской прессе, причем эту критику он пытается представить как подавление свободы творчества. Заметны в тексте и сионистские мотивы (стр. 5—6, 11). Материал распространению на территории СССР не подлежит.

32. («...») Швейцарское издание «Стихи, обращенные к богу — это молитва» с подзаголовком «Бог в новейшей советской поэзии» представляет собой тенденциозную подборку стихотворений религиозного содержания или оттенка, принадлежащих различным авторам, в том числе и ярым антисоветчикам, таким, как Солженицын, Синявский, Бродский и другие. Антисоветская направленность сборника определяется и воспроизведенным на вклейке стихотворением Бродского на религиозную тему с автографом автора: «Запрещен в 1972 в Ленинграде». Многие стихотворения в Советском Союзе не печатались. Книга ввозу и распространению на территории СССР не подлежит.

33. Машинописный документ «Открытие третьего глаза» на 57 листах. Оккультное псевдонаучное сочинение, замешанное на индуистской религии и йоге, носит в целом примитивно религиозный, мистический характер. Распространению на территории СССР не подлежит.

34. В. Вейдле. «Эмбриология поэзии», 1980, Париж. 293 стр. Книга русского эмигранта Вейдле посвящена фоносемантике поэтической речи и носит чисто литературоведческий характер. В предисловии антисоветчика Е. Эткинда, эмигрировавшего из СССР в 1974 году, содержатся клеветнические измышления. Так, он пытается утверждать, что «его (Вейдле) собратья, отбивавшиеся от клеветы, поношений, проработок, душимые цензурой и парткомами, униженные лишениями и окружающим хамством... Воспиты-

[1] За всю эту подборку я как будто несу ответственность, и здесь невозможно не отреагировать. К сожалению, не могу найти эту работу и убедиться: от автора ли сия «сентенция». Цитированием вне контекста можно и Достоевского через Смердякова показать отвратительным русофобом. Если же автор сам «шалит», то это ничего, кроме возмущения и досады за блестящий реестр, не вызывает. В самом деле, ни в каком «изыске» мне бы не подумалось, что Рим в свое время аналогично обошелся с Израилем. И услышь я от кого такое художество, то стало бы очевидно, что имею дело с отвратительным антисемитом.

вали новую русскую интеллигенцию, испытывая информационный голод» (стр. 12—13). Книга ввозу и распространению на территории СССР не подлежит.

35. М. Кузмин. «Сети», издательство «Руссика», 1979, Нью-Йорк, 206 стр. В стихах эмигрировавшего из СССР поэта [1], отдельные произведения которого печатались в Советском Союзе, нет политических дефектов. Однако данная книга ввозу и распространению на территории СССР не подлежит, т. к. содержит рекламу некоторых изданий антисоветского характера.

36. А. Введенский. «Полное собрание сочинений». Том 1. Издательство «Ардис / Анн Арбор». Мичиган, 1980, 178 стр. Сочинения советского поэта, одного из основоположников литературы абсурда, содержат отдельные безнравственные произведения («Куприянов и Наташа», «Елка у Ивановых» и другие). В предисловии и примечаниях некоего М. Мейлаха акцентируется внимание на трагической судьбе поэта, допускаются многочисленные антисоветские выпады: говорится о «разгроме в 1937 году детской редакции Маршака» (стр. XXV), о некоем «литературном отделе ГПУ» (стр. XXIV) и т. п. Книга ввозу и распространению на территории СССР не подлежит.

Материалы, перечисленные в письме, следует получить в Управлении.

Начальник Управления *Б. А. Марков*

№ 446 с.; отп. 2 экз.; 1-й в адрес; 2-й в дело.

Исп. и печ. Соколов В.; бл. № 278, лл. 45—50; бл. № 267, лл. 9—10; 24.09.84 г.

Т. 2, л. д. 147.

Акт

Настоящий акт составлен в том, что сего числа комиссией в составе: старших следователей майоров Гордеева, Кармацкого и старшего лейтенанта Жеглова уничтожены путем сожжения четыре изданных в ФРГ журнала «Шпигель» за апрель, май, сентябрь и октябрь 1978 года, изъятые в результате обыска 22.05.84 года по месту жительства свидетеля по уголовному делу № 44 Сажина Валерия Николаевича.

После сожжения и составлен настоящий акт.

Старший следователь Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области майор *В. Е. Гордеев.*

Старший следователь Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области майор *А. И. Кармацкий*

Старший следователь Следственного отдела УКГБ СССР по Новгородской области старший лейтенант *В. Е. Жеглов*

26 сентября 1984 года.

Т. 2, л. д. 167—168.

Акт

Настоящий акт составлен в том, что сего числа комиссия в составе старших следователей: майора Гордеева, майора Кармацкого и старшего лейтенанта Жеглова уничтожила путем сожжения как не подлежащие ввозу и распространению на территории СССР следующие печатные произведения, изъятые у обвиняемого и свидетелей в процессе предварительного следствия по уголовному делу № 44:

1. «Конец прекрасной эпохи» И. Бродского.
2. «Часть речи» И. Бродского.
3. «Библия», изданная в Брюсселе.
4. Сброшюрованный сборник «Стихотворения 1966—1971» И. Бродского.
5. Сброшюрованный сборник «Стихотворения и поэмы 1962—1963» И. Бродского.
6. Машинописный текст на 11 листах, начинающийся словами: «Сан-Пьетро».
7. Сброшюрованный сборник «Стихотворения и поэмы 1964—1965» И. Бродского.
8. Сброшюрованный сборник «Стихотворения и поэмы 1957—1961» И. Бродского.
9. Сброшюрованный сборник «Поэмы» И. Бродского.
10. Сброшюрованный сборник «Разные стихотворения, варианты, отрывки» И. Бродского.
11. Сброшюрованный сборник «Стихотворения» Е. Пудовкиной.

[1] После революции М. А. Кузмин Россию не покидал, умер в Ленинграде в 1936 году.

12. Сборник рассказов под названием «Белый кот».
13. Машинописный документ «Проблемы современного христианства».
14. Машинописный документ «Патриотизм».
15. Сборник стихотворений И. Бродского, начинающийся словами «Подражание сатирам».
16. Стихотворения на 39 несброшюрованных машинописных листах, начинающиеся словами: «Прощай, позабудь...».
17. Каталог «Русские книги», изданный в Мюнхене.
18. «К истории русской поэзии 1910-х — начала 1920-х годов» Г. Струве.
19. «Молодец» М. Цветаевой.
20. Электрографическая копия «Стихотворения Анны Ахматовой» на 28 стр.
21. «Были и небылицы» Л. Д. Блок.
22. Машинописный документ на 13 листах, начинающийся словами: «О. Ф. Берггольц — А. Софронову».
23. Машинописная копия «Не спи на закате» Н. Горбаневской.
24. Машинописная копия «Памяти Александра Блока. Воспоминания А. З. Штейнберга».
25. Машинописный документ «В. Короленко. Письма к Луначарскому».
26. Машинописный документ «Послесловие».
27. Сочинение «Веревочная лестница».
28. Сочинение «Между строк...».
29. Машинописный документ «Люди, годы, жизнь» на 14 листах.
30. Сборник «Стихи, обращенные к богу — это молитва».
31. Машинописный документ «Открытие третьего глаза».
32. «Эмбриология поэзии» В. Вейдле.
33. «Сети» М. Кузмина.
34. «Полное собрание сочинений» А. Введенского, т. 1.

После сожжения упомянутых в п. п. 1—34 печатных произведений и составлен настоящий акт.

Старший следователь по ОВД Следственного отдела УКГБ ЛО майор *В. Гордеев.*

Старший следователь Следственного отдела УКГБ ЛО майор *А. Кармацкий.*

Старший следователь Следственного отделения УКГБ по Новгородской области старший лейтенант *Жеглов.*

29 октября 1984 года.

ПУТЬ

I. Тюрьма, п/я 69 или Большой Дом. Ленинград

Т. 1, л. д. 78—79, 22 мая 1984 года. Протокол задержания.

Старший следователь майор Гордеев в соответствии со ст. ст. 122 и 127 ч. 6 УПК РСФСР произвел в служебном кабинете Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области задержание нижепоименованного:

Митяшин Борис Олегович (...) задержан по подозрению в распространении литературы, содержащей клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй с целью подрыва и ослабления Советской власти, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Задержание произведено на основании, указанном в п. п. 2 и 3 ст. 122 УПК РСФСР, поскольку очевидцы указывали на Митяшина как на лицо, совершившее преступление, в его жилище обнаружены явные следы преступления, и по тем мотивам, что он, оставаясь на свободе, может скрыться от следствия и суда и воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу.

Объяснения задержанного: Свое задержание я считаю необоснованным и какие-либо объяснения на этот счет давать отказываюсь. Я также отказываюсь подписывать протокол задержания.

Задержанный Митяшин Б. О. направлен в помещение для задержанных Следственного изолятора УКГБ СССР по Ленинградской области для содержания под стражей (...).

Старший следователь Следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области

майор *Гордеев.*

«Согласен». Начальник Следственного отдела Управления КГБ СССР по Ленинградской области

полковник *В. И. Третьяков.*

Прокурору г. Ленинграда Васильеву. Жалоба.

1 июня сего года старший следователь КГБ по ОВД [1] майор Гордеев В. Е. в присутствии пом. прокурора города по надзору за следствием в КГБ Большакова В. Д.[2] отказался выдать мне или передать от доверенных лиц на период следствия УК и УПК РСФСР.

14 июня я обратился с жалобой к старшему пом. прокурора города по надзору за следствием в КГБ Катуковой И. В. Ответа не последовало, что я вынужден был квалифицировать как одобрение действий Гордеева и Большакова.

Однако законных оснований у КГБ и Прокуратуры на запрет обвиняемому свободного и открытого доступа к УК и УПК на период следствия мы не усматриваем, поскольку ст. 19 УПК РСФСР гарантирует обвиняемому общее право на защиту. Таким образом, право открытого и свободного доступа к уложениям УПК и УК — естественное следствие закона. Хотя ст. 46 УПК РСФСР, раскрывающая права обвиняемого, специально не оговаривает право свободного и открытого доступа к уложению законов, действующих в стране, однако отсутствие этого права, делающее для обвиняемого УК и УПК тайными, было бы абсурдно и противоречит духу ст. ст. 19 и 46 УПК РСФСР. Таким образом, либо открытый и свободный доступ обвиняемому к УК и УПК может быть запрещен по закону, либо налицо незаконные действия вышеназванных представителей КГБ и Прокуратуры.
25.06.84 г.

Митяшин

Начальнику следственного изолятора Управления КГБ СССР по ЛО капитану Старкову С. Г.

Прошу Вас объявить арестованному Митяшину Б. О., что в соответствии с п. 14 Правил содержания в следственных изоляторах лицам, содержащимся под стражей, разрешается пользоваться книгами только из библиотеки изолятора.

Поскольку уголовного и уголовно-процессуального кодексов РСФСР в библиотеке изолятора нет и в посылках и передачах для арестованных книги не принимаются, отказ следователя выполнить просьбу Митяшина о получении от «доверенных лиц» для передачи ему кодексов является правомерным.
25.06.84 г.

Катукова [3]

Васильеву. Жалоба.

26 июня прокурором по надзору за следствием в КГБ Катуковой через нач-ка СИЗО КГБ Старкова мне официально объявлено, что законным основанием для отказа мне в выдаче на период следствия следователем Гордеевым УК и УПК является отсутствие кодексов в библиотеке изолятора, а их получение из иных источников запрещено Правилами содержания в СИЗО.

Как я отмечал в жалобе на Ваше имя от 25.06.84 г., отсутствие открытого, свободного доступа обвиняемому к УК и УПК делает действующие законы тайными для обвиняемого и серьезно затрудняет его право на защиту, гарантированное ст. 19 УПК РСФСР. Поэтому, если УК и УПК действительно не являются тайными для обвиняемого, прямой обязанностью надзирающих органов за КГБ является взять под контроль укомплектование комитетом госбезопасности каталога книг библиотеки СИЗО КГБ уложениями УК и УПК.

Соответственно в действиях пом. прокурора города по надзору за КГБ Большакова В. Д. и старшего пом. прокурора по надзору Катуковой И. В. очевидно прямое попустительство действиям КГБ в лице следователя КГБ Гордеева В. Е.

И также я обращаюсь к Вам за распоряжением выдать мне на период следствия УК и УПК РСФСР.
27.06.84 г.

Митяшин

Старкову.

Прошу объявить арестованному Митяшину Б. О., что его жалобы на действия старшего следователя следственного отдела УКГБ СССР по ЛО майора Гордеева В. Е. от 25 и

---

[1] По особо важным делам.

[2] Большаков был государственным обвинителем по политическим делам многократно... В настоящее время он — прокурор Московского района Ленинграда.

[3] Уже на процессе ВСХСОН в 1967 году Катукова выступала обвинителем. Судебные процессы с ее участием трудно перечислить, но и это только вершина айсберга. В течение этих десятилетий все политические дела в местном ГБ раскручивались при ее прямом участии. Катукова и сегодня продолжает трудиться на своем посту старшего пом. прокурора города по надзору за следствием в УКГБ по ЛО.

27 июня 84 г. мною проверены. Отказ следователя получить от знакомых Митяшина для передачи последнему УК и УПК не противоречит закону, т. к. в соответствии с Правилами содержания в СИЗО арестованным разрешается пользоваться книгами только из библиотеки следственного изолятора, о чем ему сообщено старшим помощником прокурора г. Ленинграда, старшим советником юстиции Катуковой И. В. 25.06.84 года.

При необходимости Митяшин может ознакомиться с кодексами в кабинете следователя.

29.06.84 г.

И. о. прокурора г. Ленинграда, старший советник юстиции

В. А. Немченко [1].

Васильеву. Жалоба.

2 июля 84 г. исполняющим обязанности прокурора города Немченко В. А. через начальника СИЗО Старкова на мои жалобы от 25 и 27 июня мне было объявлено два взаимно исключающих положения.

Первое, цитирую: «...в соответствии с Правилами содержания в СИЗО арестованным разрешается пользоваться книгами только из библиотеки следственного изолятора...» Конец цитаты.

Второе, цитирую: «...При необходимости Митяшин может ознакомиться с кодексами в кабинете следователя». Конец цитаты.

Как же понимать последнее положение? Могу ли я ежедневно или, скажем, через день являться в кабинет следователя и определенное время знакомиться с УК и УПК? Или я имею право знакомиться с кодексами только во время допросов, т. е. одновременно?

Кроме того, исполняющим обязанности прокурора города Немченко В. А. полностью обойдена молчанием моя жалоба на попустительство пом. прокурора города Большакова и старшего пом. прокурора города Катуковой обязать органы следствия КГБ укомплектовать библиотеку следственного изолятора КГБ изданиями УК и УПК РСФСР, дабы обвиняемый мог получить открытый и свободный доступ к УК и УПК и тем самым реализовать право на защиту, гарантированное ст. 19 УПК РСФСР.

Если же к положению ст. 19 УПК тоже существует взаимно исключающее положение и на свободный, открытый доступ обвиняемому к УК и УПК имеется запрет (соответственно, отсутствие кодексов в библиотеке СИЗО КГБ не произвол ГБ, покрываемый Прокуратурой), то прошу прямо объявить мне об этом, а не обходить вопрос молчанием.

4.07.84 г. *Митяшин*

Васильеву. Жалоба.

В дополнение к Жалобе от 4.07.84 г. довожу до Вашего сведения, что 9.07.84 г. следователь КГБ майор Гордеев объявил, что не предоставит мне УК и УПК для ознакомления даже в стенах его кабинета [2].

Во-первых, эти действия Гордеева абсолютно противоречат заявлению и. о. прокурора г. Ленинграда Немченко от 29.06.84 г., а именно: «При необходимости Митяшин может ознакомиться с кодексами в кабинете следователя».

Во-вторых, со всей очевидностью следователем Гордеевым было продемонстрировано отсутствие какого бы то ни было права у арестованного в период следствия.

В результате обвиняемый находится в абсолютном неведении относительно законности ведения дела следователем, законности тех или иных его действий.

12.07.84 г. *Митяшин*

Старкову.

Прошу Вас объявить арестованному Митяшину, что его Жалоба от 4.07.84 г. по поводу якобы допускаемого следователем и администрацией СИЗО нарушения ст. 19 УПК является необоснованной.

В соответствии со ст. ст. 46 и 47 УПК РСФСР следователь обязан допустить защитника к участию в деле с момента объявления обвиняемому об окончании производства следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу. Закон не

---

[1] Ныне В. А. Немченко — заместитель прокурора города.

[2] С моим следователем все-таки мне повезло. Повезло в том смысле, что в ряду других гебистских следователей, с которыми мне довелось «пообщаться», Валерий Евгеньевич — самый, пожалуй, человечный человек. Нет, правда, к концу следствия, например, он сильно мучился зубами, постоянно хватался за челюсть. Я ему: «Валерий Евгеньич! У вас же при Большом Доме прекрасная поликлиника — неужели не могут помочь?» А он: «Это не зубы, это под зубами воспаление идет». Меня так и подмывало тогда сказать: «А вы укусите за ножку стул — яд и выйдет!» — но не сказал. Уж очень он страдал, и я не решился. Насколько мне известно, после моего «дела» Валерий Евгеньевич перешел работать юрисконсультом в своем же ведомстве. Как зубы, Валерий Евгеньевич?

обязывает следователя и администрацию СИЗО обеспечивать арестованных уголовным и уголовно-процессуальным кодексами и иной юридической литературой. При предъявлении Митяшину 1 июня 84 года обвинения ему были разъяснены права обвиняемого и он был ознакомлен со ст. 70 ч. 1 УК и со ст. ст. 46—47 УПК.

При необходимости еще раз ознакомиться с нормами уголовного судопроизводства, относящимися к обвинению Митяшина и его положению обвиняемого, он может ознакомиться с ними в кабинете следователя.

16.07.84 г. И. о. прокурора г. Ленинграда *Матвеенко В. А.*[1]

Старкову.

Прошу Вас объявить арестованному Митяшину Б. О., что его Жалоба от 12.07.84 г. прокуратурой города рассмотрена.

В соответствии со ст. 46 УПК обвиняемый имеет право знать, в чем он обвиняется, и давать объяснения по предъявленному ему обвинению; представлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться по окончании предварительного следствия со всеми материалами дела; иметь защитника с момента, предусмотренного ст. 47 УПК; участвовать в судебном разбирательстве в суде 1-й инстанции; заявлять отводы, приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда.

При предъявлении Митяшину обвинения предусмотренные ст. 46 УПК права были ему следователем разъяснены. Ссылка Митяшина на то, что следователь лишил его права «доступа» к УК и УПК, не соответствует действительности.

Старшему следователю КГБ майору Гордееву даны указания в связи с просьбой Митяшина еще раз ознакомить его с нормами уголовного судопроизводства, относящимися к обвинению Митяшина и его положению обвиняемого.

Закон не обязывает следователя знакомить обвиняемого со всеми нормами уголовного и уголовно-процессуального кодексов РСФСР.

Статьями 25 и 211 УПК РСФСР надзор за исполнением законов при производстве предварительного следствия возложен на прокурора, а не на обвиняемого, как ошибочно полагает Митяшин Б. О.

18.07.84 г.

И. о. прокурора г. Ленинграда, старший советник юстиции

В. А. Матвеенко

Т. 3, л. д. 141. 24 июля 1984 года. Начальнику След. отдела УКГБ по ЛО полковнику Третьякову В. И.

Сообщаю, что 23.07.84 года около 21 часа постовой контролер След. изолятора УКГБ ЛО заметил, что арестованный Митяшин Б. О., 1949 г. р., из окна своей камеры пытается что-то передать в расположенную ниже камеру Спецприемника ГУВД ЛО. При осмотре внутреннего двора изолятора установлено, что из камеры № 205, где содержится арестованный Митяшин Б. О., на уровне второго этажа на нитке свисает пачка сигарет «Балтийские», которая была снята контролером. В пачке вместе с сигаретами обнаружена записка, исполненная мелким почерком на листе бумаги размером 15 × 11 см., начинается словами «Г-ну Жоржу Сименону...», заканчивается — «...Это второй вариант. Первый, учти, сгорел». Записка связана с производством по его уголовному делу и содержит просьбу передать ее по указанному адресу. Направляется на Ваше рассмотрение:

1. Изъятая записка.
2. Рапорта контролеров изолятора о попытке передачи и изъятия записки.

Начальник След. изолятора УКГБ СССР по ЛО *капитан Старков*[2]

Васильеву. Жалоба.

25.07.84 г. через начальника СИЗО КГБ Старкова исполняющим обязанности прокурора Ленинграда Матвеенко В. А. на мои жалобы от 4.07.84 г. и от 12.07.84 г. мне объявлено содержание статей 46—47 УПК; объявлено, что со ст. ст. 46—47 УПК и ст. 70 ч. 1 УК я ознакомлен следователем Гордеевым при предъявлении обвинения; сообщено, что следователю Гордееву даны указания «...еще раз ознакомить меня с нормами уголовного судопроизводства, относящимися к моему обвинению и моему положению обвиняемого»; заявлено, что «статьями 25 и 211 УПК надзор за исполнением законов при производстве

[1] Ныне почетный пенсионер.

[2] Сергей Григорьевич Старков, ныне майор, умный, властный, жестокий, не ничтожный. Это тюремщик не простой. Тем почетнее для меня, что Сергей Григорьевич несет служебную ответственность за то, что эти материалы уплыли на волю... Как-то у него в кабинете я предложил: «Сергей Григорьевич! Проявите интеллектуальную дерзость — отправьте мне обращение на волю! Вы же видите, я не вломлю, а время обязательно наступит, когда это вам зачтется». Усмехнулся он тогда, промолчал, не послушал. Теперь не пожалеете?.. И сегодня Старков командует тюрьмой Большого Дома.

предварительного следствия возложен на прокурора, а не на обвиняемого»; заявлено, что ст. 19 УПК ни следователем, ни администрацией СИЗО не нарушалась.

Из ответа исполняющего обязанности прокурора Ленинграда, старшего советника юстиции Матвеенко В. А. прямо следует, что все нормы уголовного судопроизводства, относящиеся к моему обвинению и моему положению обвиняемого, полностью регулируются ст. ст. 46—47 УПК и ст. 70 УК, однако это не соответствует действительности.

Очевидно, что действия следователя по отношению к обвиняемому определенным образом регламентированы УПК РСФСР. Но обвиняемый, не имея представления о законности тех или иных действий следователя, не может знать, в каких случаях ему необходимо жаловаться в Прокуратуру. Надзирающий прокурор не присутствует на допросах, и только соответствующая юридическая осведомленность обвиняемого — гарантия, что незаконные действия следователя будут обжалованы.

Чтобы не быть голословным, несколько конкретных примеров. В начальный период следствия следователь Гордеев неоднократно угрожал мне «за героизм» большим сроком, предлагал покаяться, ставил в прямую зависимость суровость наказания и мою позицию на следствии. Поскольку же мне не известно, законны ли действия Гордеева, я не жаловался прокурору. Более того, я ему полностью поверил, что таково положение на самом деле, а на закон ведь не будешь жаловаться хранителю закона! А вот 9 июля 84 года следователь Гордеев по новому делу поставил мне ряд новых вопросов, но ни словом не обмолвился о произведенном у меня дома накануне повторном обыске и не вручил мне копию протокола о новом изъятии моего имущества. Не зная, законен ли такой метод ведения следствия майором Гордеевым, я, пожалуй, только с эстетической стороны почувствовал, что скрывать от меня факт изъятия моего имущества некрасиво. И только доверяя своему художественному вкусу, я, поколебавшись, соответствует ли он закону РСФСР, через три дня отправил Жалобу. Еще через пять дней, т. е. 17 июля, мне была вручена копия протокола повторного обыска. А из ответа исполняющего обязанности прокурора Ленинграда Матвеенко, 18 июля констатировавшего: «копия протокола обыска, произведенного в жилище Митяшина, вручена ему 17 июля 84 года», я так и не понял, нарушил ли следователь закон или нет. И если нарушил, то какой?

Таким образом, совершенно очевидно, что к нормам уголовного судопроизводства, относящимся к моему обвинению и моему положению обвиняемого, непосредственно относятся статьи УПК РСФСР, регламентирующие деятельность органов следствия.

Кроме вышесказанного следует еще отметить, что ст. ст. 46—47 УПК не предусматривают право обвиняемого на отказ от дачи показаний, а ведь это право, говорят, каким-то законом предусмотрено. Очевидно, что и этот закон прямо относится к моему обвинению и моему положению обвиняемого.

Еще следует обнаружить существование закона о презумпции невиновности, который также непосредственно относится к моему обвинению и моему положению обвиняемого.

И, наконец, на основании какого закона я все-таки имею право, как заявлено исполняющим обязанности прокурора города Матвеенко, ознакомиться с нормами уголовного судопроизводства, относящимися к моему обвинению и моему положению обвиняемого? В ст. ст. 46—47 УПК об этом нет речи.

Подводя общий итог, следует сделать вывод, что, знакомя меня с далеко не всеми статьями УПК, относящимися к моему обвинению и моему положению обвиняемого, следственные органы КГБ в лице старшего следователя КГБ по ОВД майора Гордеева В. Е. и попустительствующая Прокуратура в лице пом. прокурора Ленинграда Большакова В. Д., старшего пом. прокурора Ленинграда Катуковой И. В., и. о. прокурора Ленинграда Немченко В. А., и. о. прокурора Ленинграда Матвеенко В. А. препятствуют мне реализовать свое право на защиту, нарушают статью 19 УПК РСФСР. Хотя буквально ст. 19 УПК не обязывает органы следствия и администрацию СИЗО обеспечивать подследственного УК и УПК, однако де-факто наложенный запрет на знакомство с кодексами, а точнее, со всеми нормами уголовного судопроизводства, относящимися к моему обвинению и моему положению обвиняемого, противоречит общему духу ст. 19 УПК РСФСР.

И стоит еще напомнить слова Генсека КПСС Черненко: «К новым положениям в работе с массами следует отнести также требование партии об организации широкой правовой пропаганды, разъяснения среди населения советских законов» [1].

27.07.84 г.

Митяшин

---

[1] Курьезно происхождение этой цитаты. Жалоба писалась мною в карцере, где полное отсутствие источников информации и ничегонеделанье весьма трудно переносится. Поскольку дежурный надзиратель на коридоре меняется каждые два часа, я в каждую смену требовал бумагу для туалета, получал по несколько нарезанных листов газеты «Правда» и с жадностью читал их и перечитывал — что б там ни было написано. И надо же так случиться, что в этот день вертухай дал листок с обрывком какой-то статьи в «Правде» от 25 или 26 июля с полной и замечательно подходящей к случаю цитатой из самого Генерального секретаря товарища Черненко! После того, как я отправил Жалобу, стали мне со следующего дня давать бумагу «на туалет» лишь один раз в сутки, причем чистую, белую! Кому интересно, могу дополнить, что при питании по пониженной карцерной норме бумага требуется раз в пять-шесть суток.

Васильеву. Заявление.

На допросе 10.08.84 г. следователь Гордеев впервые со времени ареста 22.05. предоставил мне УПК для ознакомления со статьями, имеющими отношение к моему положению обвиняемого. Как оказалось, таких статей весьма много, и во время допроса я не успел их все даже бегло прочесть. Кроме того, во время допроса просто невозможно маломальски вникнуть в содержание статей УПК, относящихся к моему положению. С другой стороны, на допросы следователь вызывает меня крайне редко. Например, предыдущий допрос состоялся 9.07.84 года.

Таким образом, я не только не смогу и не успею удовлетворительно ознакомиться с вышеозначенными статьями УПК, но даже поверхностно прочитать, как следствие закончится.

Поэтому я прошу Вас сделать распоряжение следователю Гордееву разрешить мне переписать статьи УПК и УК, относящиеся к моему обвинению и моему положению обвиняемого, если уж нет никакой законной возможности просто выдать мне УК и УПК на оставшийся период следствия [1].

15.08.84 г. *Митяшин*

Васильеву. Жалоба.

Как гласит закон РСФСР (точно процитировать и указать номер статьи не могу, поскольку, как я сообщал в Жалобе от 15.08.84 г., пока что мельком удалось познакомиться с частью статей УПК, относящихся к моему положению обвиняемого), при расследовании уголовного дела следователь обязан собрать и предоставить на рассмотрение суда все материалы, имеющие отношение к делу: как обвинительного, так и оправдательного характера.

Моя Открытая Записка к французскому писателю Сименону была официально признана и Старковым и Вами имеющей отношение к моему уголовному делу. И это очевидный факт, однако, если прокурор города и начальник СИЗО КГБ усмотрели криминальное значение моей Записки, то я, напротив, считаю, что в ней представлены только доказательства моей невиновности в совершении преступления по ст. 70 УК РСФСР. Каково же истинное значение информации, представленной в моей Записке, должен решить суд, а следователь, руководствуясь вышеупомянутым законом РСФСР, обязан приобщить мою перехваченную Открытую Записку к французскому писателю Сименону к материалам дела.

10.08.84 г. следователь Гордеев объявил мне, что не намерен приобщать Записку к материалам дела, как не имеющую отношения к делу!

Кто, извините за литературность, правит бал? Закон РСФСР, надзирающий за его исполнением прокурор Васильев или следователь КГБ Гордеев?

Надеюсь, законность восторжествует и Вы немедленно прикажете следователю КГБ майору Гордееву приобщить к материалам дела мою Открытую Записку к французскому писателю Сименону.

18.08.84 г. *Митяшин*

Старкову. Для объявления арестованному Митяшину Б. О.

На Ваши жалобы от 15, 17 и 18 августа 84 года разъясняю, что изъятые администрацией СИЗО записки, при помощи которых Вы пытались передать своим связям на воле информацию о ходе расследования уголовного дела, будут приобщены к уголовному делу.

Следователь не препятствует Вашему ознакомлению с содержанием статей УК и УПК РСФСР, относящихся к Вашему обвинению и положению обвиняемого, а потому нет необходимости в даче ему каких-либо дополнительных указаний.

Со стороны администрации СИЗО нарушений ведомственных инструкций при отправлении жалоб арестованных, адресованных прокурору, в том числе Ваших, не имеется. Об этом Вам сообщено 3 и 14 августа 84 года.

27.08.84 г. *Васильев*

У кого-нибудь и впрямь может возникнуть впечатление, что нынешние КГБ и Прокуратура скрупулезно чтут хотя бы свои ведомственные параграфы. Да, чтут, но только один: право на произвол. Вот еще более показательная история. В марте 1985 года — уже после суда,— написав Кассационную жалобу, я был переведен к черному, как сажа, доброжелательному парню из экваториальной Гвинеи, бывшему студенту 4 курса ЛГУ. Его имя Аббáс Силá. Он со своим земляком и сокурсником пытался с помощью двух советских проводников провезти нелегально из Западного Берлина сто пар джинсов. Пограничники распотрошили вагон, взяли товар, и все четверо контрабандистов тут же «чистосердечно признались». Затем состоялся суд. Проводникам нашим дали семь и восемь,

[1] Ясное дело, УК и УПК мне были на фиг не нужны. Просто игра есть игра.

семь и восемь дали и гвинейцам. Отсюда начинается самое интересное. После суда, когда Аббас вознамерился писать Кассационную жалобу, вызвал его Валерий Дмитриевич Большаков и сказал, что он советует не писать Жалобу в вышестоящий суд, а обратиться в Президиум Верховного Совета СССР с прошением о помиловании. Заверил, что у нас гуманное общество, и высказал уверенность, что к его обращению там отнесутся с пониманием. (Вообще у нас существует практика рассматривать ходатайства о помиловании не ранее, чем с половины срока.) Аббас написал «помиловку» и ждал ответа, когда мы пересеклись. Приговор у него «вступил в силу». По Правилам исправительно-трудового законодательства ему теперь полагалось получить первую продуктовую пятикилограммовую передачу с половины срока, т. е. года через три. Тем не менее, он при мне получал такие передачи раз в неделю! Одновременно я — пока мой приговор не вступил в силу — продолжал получать одну передачу в месяц. По Правилам. (Любопытно, что Правила эти, как скрижали, одновременно висят на стенке в каждой камере.) С одной стороны, можно сказать, мне было выгодно сидеть вместе с Аббасом: по неписаным зэковским правилам в следственных камерах — «общак» (общий котел), а с другой, я почувствовал унизительность положения. Я понял, что не должен сам соглашаться на такую жизнь. И накатал Жалобу председателю Ленгорсуда Полуднякову (я числился в это время «за судом») о расовой дискриминации, осуществляемой в Большом Доме по отношению ко мне. Как и следовало ожидать, на следующий день меня перевели в другую камеру... Осталось сказать, что нашим проводникам никто не препятствовал писать свои кассации. Они получили отказ и отправились «тю-тю на Воркуту» — сидеть свои семь и восемь. Фамилия одного из них, кажется, Ворожбитов. Ну, а Аббас Сила с товарищем — в соответствии с гуманностью нашего общества — были помилованы и высланы из страны.

Т. 3, л. д. 161. 6 сентября 1984 года. Заместителю начальника След. отдела УКГБ ЛО Лепетунову А. С.

Сообщаю, что 4.09.84 года арестованный Митяшин Б. О., 1949 г. р., во время рентгеновского обследования оставил на полу кабинета записку для передачи своим связям в городе, о чем сообщил врачу-рентгенологу. Записка исполнена очень мелким почерком на листе бумаги размером 15 × 6 см. Врачом Бугаковой Л. Е. записка вместе с рапортом передана в следственный изолятор.

6.09.84 года во время вывода на прогулку перебросил через забор во двор Спецприемника ГУВД записку, исполненную очень мелким почерком на листе бумаги размером 10 × 5,7 см. Записка обнаружена и изъята контролерами изолятора.

23.07. и 12.08.84 года Митяшин также пытался нелегально передать записки, за что два раза водворялся в карцер по 10 суток.

На предложение объяснить свои поступки пустился в пространное рассуждение о том, что не считает для себя обязательным выполнять Правила содержания, и заявил, что «если вы считаете, что карцер на меня не оказывает воздействия, можете вогнать мне под ногти иголки»[1].

Приложение: две записки, рапорт об изъятии записок.

Начальник След. изолятора УКГБ СССР по ЛО

капитан Старков

Распоряжение.

З/к Митяшина Б. О., 1949 г. р., за нарушение дисциплины, выразившееся в том, что 15.09.84 г., находясь в карцере, Митяшин Б. О. пытался через щель в дверной форточке передать записку, связанную с производством по уголовному делу, осужденным хоз. обслуги, работающим на уборке корпуса, чем нарушил пункт 15 Правил содержания з/к в СИЗО КГБ, наказать.

Митяшина Б. О., 1949 г. р., лишить права в течение месяца покупать продукты питания и получать очередную посылку или передачу.

21.09.84 г.

Старков

После кнута за несколько дней до конца следствия мне вдруг показали и пряник. Состоялось личное знакомство и в два дня «дружеское общение» с самим начальником оперативного отдела КГБ Ленинграда подполковником Александром Николаевичем Чухониным. Этот человек представляет собой достойное дополнение, пару, так сказать, Катуковой. Уже недобрых полтора-два десятка лет именно Чухонин подглядывает и подслушивает за всеми жителями города на Неве. Вместе с полковником В. И. Полозюком он самый главный начальник в этом деле. Если ГБ проводит обыски — это по наводке Александра Николаевича. Если совершается арест — это по материалам Александра Николаевича. Если жертва в результате нравственного кульбита освобождается из зала суда — это

[1] Надо сказать, что одна Записка к Сименону (см. Последнее слово) до моих друзей дошла! Пришла по почте. Однако есть сомнение, что ее могли отослать сами гебисты — для провокации. Так, по крайней мере, рассудили мои друзья и перед судом не опубликовали ее на Западе.

тоже Александр Николаевич. (Следственный отдел самостоятельно даже шнурков не выплюнет.) Короче говоря, Чухонин — это профессиональный Бес, уловляющий и растлевающий по возможности человеческие души... Наше личное знакомство предварительно было обставлено. Приводят меня за каким-то пустяком к Старкову, а у него парень в штатском. Разрешили мы со Старковым наши проблемы, а он говорит, обращаясь к Старкову: «Это Митяшин?» — «Да, это Митяшин».— «О, Борис Олегович, у меня для вас письмо от вашей подруги. Можно я ему,— обращаясь к Старкову,— дам прочитать?» Старков с серьезным лицом отвечает: «Нет. Вы — оперативный отдел, а Митяшин числится за следственным. Получите разрешение у начальника следственного отдела, а Митяшин тоже пусть напишет на его имя заявление о желании встретиться с оперативным работником. Вот тогда — пожалуйста!» Оперативник ко мне: «Напишите, Борис Олегович!» Я, конечно, сообразил, что письмо — повод со мной хотят «потолковать», при этом сохраняя себе «алиби» на случай скандала с моей стороны. Мгновенно решаюсь: «Давайте бумагу». Кажется, это было 26 октября 84 года. Вечером того же дня меня приводят в просторный кабинет. С диванчика встает Александр Николаевич, представляется, представляет «заместителя Володю» — утрешнего парня, приглашает садиться. «Борис Олегович! Вот хотим с вами поговорить, но и сами еще не знаем, о чем... Кофе будете?» Все это полуразвязно и похохатывая. На столе — электрочайник, банка бразильского растворимого кофе, сахар. «Давайте!» — сказал я решительно. «Борис Олегович, давайте поговорим свободно. И не стесняйтесь в выражениях, мы не в дамском обществе». У Чухонина грузная фигура, низкий голос, сине-стальные глаза, грубое широкое лицо с коротким носом. «Борис Олегович! Я уважаю ваши принципы. Наши фамилии мне не нужны — я их сам найду. У меня есть для вас очень хорошее предложение. У нас возник один сюжет, если вы сумеете вписаться в него, то можете рассчитывать на самый благоприятный исход дела, который предусматривает 70-я статья. Но предварительно вы должны признать себя виновным по делу — это условие следственного отдела». Во весь разговор я слушал Чухонина с возрастающим изумлением: с чего это они пошли на такие предложения, ведь, кажется, я никогда не давал повода, ведь это грубый прокол! И решил: посмотрим, что будет дальше. И начал «торговаться». «А нельзя ли, Александр Николаевич, переквалифицировать 70-ю статью на 190-ю?» — «А какая вам разница, если результат один?» — «Да,— признаю,— действительно. А что за „сюжет"?» К сожалению, за отсутствием таланта я сокращаю здесь постоянное интонационное понимание Чухониным значительности и равенства «договаривающихся сторон», т. е. то, на что попался Штрум в «Жизни и судьбе» Гроссмана. Чухонин: «Нас интересует человек, которому вы вреда не можете принести. Это иностранный дипломат, с которым вы знакомы. Вы должны подтвердить, что у нас не пустой разговор. Вы должны сами назвать его имя, вы знаете, о ком я говорю». Я, конечно, знал, кого он имеет в виду.

В мае 1983 года на процессе представителя «Фонда помощи политзаключенным» в Ленинграде Валерия Репина в суде прозвучало об участии американской подданной в «антисоветских делах» Репина. В тот день около здания суда стояла американская консульская машина. Я был в суде зрителем, и мне «посчастливилось» присутствовать на прямых разоблачениях Репиным не только американской гражданки, но и меня самого как источников его «антисоветской литературы». Выйдя после вон и увидев машину, я обратился к двум пассажирам, предложил объяснить ситуацию и сел внутрь. За рулем — мужчина, офицер безопасности, рядом — женщина, атташе по культурным и общественным связям. Мы тронулись. Тут же за нами пристроилась «Волга», набитая широкомордыми мужиками. И тогда я открыто пригласил американцев к себе. Это было самое безопасное. Под чай я рассказал, что мог, по делу, и затем очаровательная Норма Хармс пригласила меня в ближайшее воскресенье «на обед». Придя, я познакомился с ее мужем Рональдом Хармсом, вице-консулом. Мое положение в свете показаний Репина нам всем казалось очень непрочным. Хармсы выразили такое участие, наш разговор получил настолько не светский, не дипломатический вид, что, судя по доверию, по сердечному отношению, очевидно было стать нам друзьями. Они показывали мне свои «досоветские» фотографии, Норма сказала, что на свой счет они из-за меня не беспокоятся, их не пугает, если вышлют из страны. На прощание трогательно подарила мне маленький шейный золотой перец — «от злых духов». Очень милые, замечательные люди, мои ровесники. Когда я вышел от них, сел в автобус в среднюю дверь, то обнаружил неотводимый взгляд двух лбов с задней площадки. Повернулся вперед — и оттуда пара глаз в упор. Меня пугали. Демонстративные «хвосты» ходили с неделю. Я не хотел отказываться от отношений с Хармсами, но со стороны, да и сам, признаюсь, «рассудил», что это — дразнить гусей. Если не взяли меня до сих пор, может, и обойдется... Виноват. Раскаиваюсь. Но не потому, конечно, что ровно через год за мной все-таки пришли...

«Ясное дело, Александр Николаевич! Вы имеете в виду Рональда Хармса?» — «Я же говорил, что Митяшин — умный человек!» — отреагировал Чухонин, обращаясь к «Володе». Тот в разговоре участвовал как статист, он шестерил за столом. «Однако, чем же я могу вам помочь, ведь я же Хармса видел только один раз в жизни?» — «Борис Олегович! Не делайте наивный вид. Вы прекрасно знаете, что Хармс занимался деятельностью, не совместимой со статусом дипломата».— «Да с чего вы взяли?» — «А какие, скажите, материалы вы собирались ему передать?»

Я вспомнил наш разговор с Хармсами, когда я рассказал о своих планах работы над своей «Структурной гипотезой», что хотелось бы поработать над ней в безопасном месте и передать к публикации, что это беспокоит меня сейчас больше всего.

«Да вы, Александр Николаевич, слышали звон, да не знаете, где он! Ваши прослушки, что ли, дребезжат?» — «А вы держали их в руках?» — сразу насторожился Чухонин. В воздухе мгно-

венно похолодало, в глазах Александра Николаевича отчетливо замаячила 64-я статья уголовного кодекса. Я «раскололся»: «Нет, увы, не держал, а что, действительно дребезжат?» — «Не говорите, чего не знаете! — веско отрезал Чухонин.— Итак, вы знаете, что Хармс проводит нелегальные встречи с отказниками, собирает списки. Он говорил вам это. От вас, Борис Олегович, требуется всего лишь сделать заявление, что Рональд Хармс занимается деятельностью, не совместимой со статусом дипломата. Всего несколько слов. Решайте, Борис Олегович. Мы раскрыли все наши карты. И повторяю: вы можете рассчитывать на самый благоприятный исход, что предусматривает 70-я статья».— «А нельзя ли поточнее?» — «Конкретно мы ничего не обещаем, но вы не будете в обиде... Вы помните дело Марамзина?» Я кивнул. «Так вот, я принимал в нем самое непосредственное участие». (Владимир Марамзин — ленинградский писатель, публиковал на Западе художественную прозу, диссидентские статьи. Его взяли. На Западе поднялась кампания в его защиту. Со следствия Марамзин через «органы» опубликовал в «Монд» требование «прекратить мышиную возню вокруг его имени». На суде покаялся, отказался от литературы, освобожден из зала суда. Через месяц уехал на Запад.)

«А разве вы с ним заранее не договорились, что отпустите его на Запад?» — «Нет. Через несколько дней после суда он позвонил мне, сказал, что не вписывается в жизнь, попросил отпустить. Мы не стали возражать... Думайте, Борис Олегович. Здесь нет подвоха, но решать нужно сегодня или, самое позднее, завтра. Конец следствия. Если вы примете наше предложение, будет нужно получить ордер у прокурора республики продлить следствие еще на три месяца, переписать протоколы допросов». Пора было «отходить»: «Александр Николаевич! Я очень хотел бы вам помочь, но вы же не хотите неправды? Все-таки мне неизвестна какая-либо противозаконная деятельность Хармса, поэтому весьма сожалею, но вынужден отклонить ваше предложение».— «Не торопитесь, Борис Олегович, подумайте до завтра. Осознайте, какой счастливый случай вы упускаете. Теперь прочтите письмо, которое передала для вас ваша подруга. Вы уж извините, мы прочли — таков порядок. Отдать совсем, тоже извините, не можем. Если захотите, до завтра напишите ответ — мы передадим независимо от того, сумеем ли договориться».

В письме подруги кроме личного было: «Обещаю тебе, что никогда не осужу, если ты в чем-либо признаешь себя виновным».

Меня отвели в камеру, и тут я вспомнил! В начале следствия Гордеев, нажимая, но и поигрывая, допек меня фразой: «Поезд может уйти. Вы упускаете время, а закон суров, но справедлив!» Без задней мысли я съязвил, всего лишь продлевая метафору следователей и генеральных секретарей: «Валерий Евгеньевич, неужели нельзя будет вскочить на подножку в последний момент?» Гордеев не ответил, и я начисто забыл этот диалог. А Валерий Евгеньевич, надо думать, доложил Александру Николаевичу, а тот, очевидно, воскликнул: «Митяшин — умный человек, дешево себя не продаст!» Других объяснений я не вижу до сих пор.

Утром следующего дня Чухонин бросил передо мной на стол около десяти листов на машинке: «Вот, Борис Олегович, прочтите. Это черновой еще текст официального документа о незаконной деятельности Рональда Хармса. Вы убедитесь, что с вами ведут честные переговоры. Читайте». Я взял стопку. Это действительно был сырой текст, в частности, в предложениях кое-где не были согласованы окончания. После преамбулы о противозаконной деятельности приводилось подтверждение, состоящее из ряда свидетельств лиц с еврейскими фамилиями, которые по очереди сами рассказывают, как Хармс встречался с ними в подворотнях, в квартирах, собирая «очернительские» материалы об СССР, о преследовании евреев. Составлял списки отказников. Как только я прочел текст, Чухонин обиженно произнес: «Подумайте, взвесьте все снова. Осознайте же, от какого шанса вы отказываетесь. Потом передумаете, а будет поздно! В конце концов мы обойдемся и без вас, а вы перечеркиваете собственную жизнь». Я повторил отказ. «Ну не хотите — и не надо. Письмо принесли?» — «Принес».— «Извините, мы прочитаем и не отдадим адресату насовсем».

Я думал, этим все кончилось, но через день Гордеев у себя в кабинете дал мне прочесть второе письмо от подруги, в котором была приписка: «Дались тебе эти американцы!»

Я так подробно рассказал всю историю, чтобы показать, как «крутит бес» и как стряпаются чекистские провокации. Читателю, который, может быть, еще не догадался, укажу, что, очевидно, текст на машинке сочинили в оперативном отделе за ночь.

В настоящее время «мой лучший друг» Александр Николаевич Чухонин осуществляет в Большом Доме кардинальную перестройку в свете нового мышления Генерального секретаря...

И последнее: мой золотой перец сохранился!

Т. 3, л. д. 4—8.

Заключение

амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы на испытуемого Митяшина Б. О., 1949 г. р., обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Судебно-психиатрическое освидетельствование произвела судебно-психиатрическая экспертная комиссия в составе: председателя — доктора медицинских наук, профессора Случевского Ф. И., членов комиссии — эксперта-психиатра Макаровой Л. А., докладчика — эксперта-психиатра Рутышевой Т. И., на основании постановления следователя Следственного отдела УКГБ СССР по ЛО от 4. IX. 84 года в связи с сомнением в психической полноценности. (...)

Комиссия познакомилась с текстами «теорий» [1] и «открытых записок», написанных Митяшиным в СИЗО. Представленные в уголовном деле тексты «теорий» Митяшина носят характер попыток человека, не обладающего должными знаниями, в целях самоутверждения построить собственную теорию. Эти попытки не завершаются и являются несостоятельными. Однотипные записки Митяшина, которые он пытался посылать из СИЗО, внешне напоминающие несвязные тексты, являются формой демонстративного протеста и создания для себя искусственной ситуации «страдальца», чем, по-видимому, впоследствии Митяшин собирается воспользоваться. (...)

Психическое состояние: правильно ориентирован. Начал беседу с экспертами с признаками заметного адекватного волнения (вегетативная реакция). В процессе беседы успокоился. На вопросы отвечает правильно, развернуто. В ряде случаев избыточно обстоятелен. Начав отвечать на вопрос, настаивает на том, чтобы закончить ответ. Во всех ответах отчетливо присутствует стремление представить себя в наиболее выгодном свете, каждый факт предъявляя в удобном для него варианте. В длинных и обстоятельных ответах не выявляется патологической витиеватости или каких-либо других структурных расстройств мыслительной деятельности.

В беседе несколько манерен, подчеркивает свои «особые» способности, пытается излагать «теорию», однако на первых же фразах показывает фактически свою полную несостоятельность и неосведомленность. Пытается несколько «загадочно» намекать на свои жизненные задачи, которые не исчерпываются теорией. Мог назвать только стремление оказывать свою помощь «страдающим» (некоторым женщинам), однако конкретно не расшифровывает, давая понять, что об этом не хочет говорить.

Эмоциональные реакции живые, адекватные. Живо и негативно реагирует на неприятные для него вопросы, однако сдерживается и грубых формулировок в ответах не допускает.

Бред, галлюцинации, психические автоматизмы у испытуемого не выявляются и категорически отрицаются и в прошлом. Считает себя психически здоровым человеком.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что Митяшин Б. О. психическим заболеванием не страдает, обнаруживает признаки психопатии истерического типа со склонностью к самоутверждению, рисовке, позерству, стремлению обратить на себя внимание, вызвать сочувствие, подчеркнуть свою личную значимость, что не соответствует реальной действительности.

Психопатические черты характера не лишают Митяшина способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. В период времени, относящийся к совершению инкриминируемого ему деяния, Митяшин не находился и в состоянии какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности.

Поэтому Митяшина Б. О. в отношении инкриминируемого ему деяния следует считать вменяемым.

В применении принудительных мер медицинского характера Митяшин Б. О. не нуждается.

Доктор мед. наук профессор *Ф. И. Случевский*,
Эксперт-психиатр *Л. А. Макарова*,
Эксперт-психиатр *Т. И. Рутышева*

Судебное заседание 11—19 февраля 1985 года. 4-й том дела.

1. Свидетель Макаров полностью подтверждает свои показания, данные во время следствия.

2. Свидетель Репин: «Я отказываюсь отвечать на любые вопросы суда».

3. Свидетель Манжосова полностью подтверждает свои показания, данные во время следствия.

4. Свидетель Долинин: «(...) Я предполагаю, что книги Авторханова „Загадка смерти Сталина" и „Польский диалог: церковь — левые" я брал у Митяшина, но утверждать это не могу. Книгу Вышеславцева „Философская нищета марксизма" я получил от Митяшина. Я допускаю это, но не утверждаю. Эта книга является не антисоветской, а антикоммунистической. Мне не было вменено распространение этой книги, поэтому я считаю, что из обвинения Митяшина ее следует исключить. Книгу Войновича „Претендент на престол" я получил в 1980 году от Горичевой. Я ее передал для прочтения Митяшину, а затем обратно ее у него забрал. (...) Свои показания на следствии я помню. От сегодняшних они принципиально не отличаются».

Оглашаются показания свидетеля Долинина на листах дела 171—174, т. 1 от 8.08.84 года.

Свидетель Долинин: «Я подтверждаю оглашенные показания, кроме показаний в отношении книги Войновича „Претендент на престол"». (...)

[1] Первоначальные наброски «Структурной гипотезы», взятые после обыска при аресте.

Оглашаются показания свидетеля Долинина на листах дела 175—178, т. 1 от 9.08.84 года.

Свидетель Долинин: «(...) Брошюру „Солидарность" я получил от Митяшина».

Оглашаются показания свидетеля Долинина на листах дела 179—183, т. 1 от 13.08.84 года.

Свидетель Долинин: «Я допускаю возможность получения от Митяшина перечисленных в оглашенном протоколе допроса книг. Возможно, я брал у Митяшина книгу „Загадка смерти Сталина", а возможно, и не брал. Антисоветских высказываний от Митяшина я не слышал. У нас с ним были разные интересы. Митяшин больше увлекался естественными науками, а я — гуманитарными. Митяшин был мне не интересен. Я говорил, что книга „Претендент на престол" принадлежит не мне. Я говорил, что эта книга принадлежит мне. Я говорил правду тогда и сейчас. Эта книга принадлежала Горичевой до ее отъезда из СССР. Потом книга перешла ко мне. Поэтому я считаю, что книга принадлежит мне. Когда Горичева передавала мне книгу, то она попросила дать ее почитать Митяшину. Я так и сделал, а потом забрал ее у него».

Оглашается л. д. 72—73, т. 1 — Объяснение свидетеля Долинина от 20.07.83 года.

Свидетель Долинин: «(...) Я отказываюсь от своих показаний, данных на следствии, т. к. на меня был оказан нажим. Об отказе от своих показаний я писал в Заявлении прокурору, и поэтому мои показания суд должен истолковать в пользу Митяшина. Я припоминаю, что некоторые книги я получал от Митяшина, но на следствии нам не дали очной ставки, поэтому те показания и не точны. (...) Я предполагал, что книги Митяшину давала Шмидт, т. к. от феминисток слышал, что она привозила книги. Сама Шмидт не говорила, что давала книги Митяшину. С Артюховым я познакомился в камере, он был ко мне подсажен [1]. На свободе я с ним знаком не был. В журнале „Континент" было произведение Фазиля Искандера „Кролики и удавы". Этот журнал я получил не от Митяшина. Я это совершенно точно помню. В Заявлении на имя прокурора я отказывался от показаний, данных мною на следствии».

Оглашается Заявление Долинина на имя прокурора от 25.10.84 года.

Свидетель Долинин: «Я помню оглашенное Заявление. Я не исключаю, что журнал „Континент" я получал от Митяшина, но утверждать это не берусь. (...) На следствии я говорил неправду. Я не оговаривал Митяшина в отношении получения от него книг, я заблуждался. (...) Я запутался в большом количестве книг, поэтому и дал неправильные показания в отношении Митяшина. Я отказываюсь от всех предыдущих показаний как неправдивых» [2].

5. Председательствующий оглашает Справку о нахождении на излечении в больнице им. Куйбышева свидетеля Грачевой. Оглашаются показания свидетеля Грачевой, данные во время следствия на листах дела 210—212, т. 1.

6. Свидетель Артюхов полностью подтверждает свои показания, данные им во время следствия по делу.

7. Председательствующий объявляет, что поступила телеграмма из Коми АССР о том, что свидетель Репина не может выехать на суд. Телеграмма заверена врачом. Оглашаются показания свидетеля Репиной на л. д. 43—46 и л. д. 167—170, т. 1.

---

[1] Когда по окончании следствия я прочел в деле, что у Артюхова книгу Мандельштама изъяла милиция на проходной в общежитии «химиков», тогда я понял, кто этот Артюхов. (Официально это оформлено через милицию.) И мне, сидючи в камере в ожидании суда, удалось получить доказательства! Конечно, мне повезло. Меня посадили со стукачом по фамилии Шунин, который годом раньше сидел в камере с Долининым. В свою очередь, Долинин рассказывал Шунину о некоем Артюхове и его невероятных лагерных историях. Шунин, бывавший на зоне, разоблачал как перед Долининым, так и передо мной артюховские небылицы. Я вспомнил «своего» Артюхова, и все встало на место. Ответ Долинина в суде на мой вопрос, знает ли он Евгения Петровича Артюхова, красноречив. Поистине наша жизнь невероятнее вымысла! Дополнительные факты. Артюхов 10 июня 1981 года был осужден по статье 147 ч. 3 УК РСФСР к 5 с половиной годам лишения свободы (за мошенничество в крупных размерах). Он имеет высшее математическое образование, владеет английским и французским языками. И вот вместо лагеря в 1982 году он сидит в следственных камерах Большого Дома! В феврале 1983 года он льготно освобожден «на химию» в пределах Ленинграда. В апреле 1984 года он «случайно» знакомится в бане с Макаровым... В следственных камерах широко используются «наседками» осужденные именно за мошенничество, т. е. люди, обладающие природными способностями втираться в доверие и «вешать лапшу на уши». Некоторые, «зарекомендовав себя», весь срок находятся «под следствием». Насколько я понял, между «Крестами» и Большим Домом существует карусель «наседок». Есть среди них даже всесоюзные гастролеры. Таков, например, поп-расстрига из черноморского Лазаревского Анатолий Кондратюк. С ним кроме меня в разные годы сидели под следствием люди и в Москве, и в Киеве...

[2] Несчастный как будто человек... Однако на недавних выборах Долинин выставил свою кандидатуру в районный совет народных депутатов, прошел даже первый тур... Репин, к примеру, полностью отошел от политической деятельности, и это как-то примиряет меня с ним.

Последнее слово подсудимого Митяшина

Странно, что суд не придает должного значения моей Записке к французскому писателю Жоржу Сименону — в то время, как, во-первых, она имеет непосредственное отношение к делу; во-вторых, она — Открытая и, таким образом, обращена и к суду; и в-третьих, она — единственный в распоряжении суда мой авторский текст по делу [1]. Это полностью оправдывающий меня документ:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи на десять шагов не слышны...

Осип Мандельштам. 1933 год

Г-н Сименон! Ситуация, определенным образом сравнимая с замысловатыми положениями в Ваших всемирно известных романах, побуждает меня обратиться к Вам с Открытой Запиской. Но прежде, чем стать открытой, она должна выйти отсюда предельно тайной. Я пишу к Вам, находясь в следственной камере тюрьмы КГБ в Ленинграде. Сюда через глазок в двери каждые 20—30 секунд проникает рыбий взгляд надзирателя, и я рассчитываю, можно сказать, на чудо в надежде переслать ее Вам.

22 мая сего года я был арестован и обвинен в «антисоветской агитации и пропаганде с целью подрыва существующего строя». Следователь, плотный, коренастый мужчина, напирая на «особую опасность» совершенного преступления, угрожает большим сроком и предлагает покаяться. Слушая его уверенные фразы, я невольно задался вопросом: «Господи! Да что же это такое ужасное я совершил?»

Г-н Сименон! Зная Вас по Вашим произведениям как писателя-гуманиста, а по материалам советской прессы — за друга советской страны, я склонен думать, что за вышеозначенной формулой обвинения Вы предположите либо организацию дезинформации советского и мирового общественного мнения об СССР, либо прямые призывы к свержению режима. Думаю, даже Ваш знаменитый альтер эго смог бы предположить здесь лишь что-нибудь подобное.

Представьте себе, я был арестован по доносу моего знакомого, получившего от меня накануне в чтение том стихотворений великого русского поэта Осипа Мандельштама, изданный Международным Литературным Содружеством! А все обвинение составлено из показаний о получении книг плюс еще двух свидетелей, один из которых полностью отказался от своих показаний [2], а другой — бывший Представитель Фонда помощи политзаключенным в Ленинграде — морально сломленный человек, лжесвидетель, показавший на суде над самим собой, что Фонд помощи, созданный Александром Солженицыным на свои средства, якобы — вывеска ЦРУ США!

Улики? Доказательства?? Вот, разве том стихотворений Мандельштама, на котором имеется дарственная надпись ко мне моего друга, ахматоведа из Великобритании. И все!

Г-н Сименон! Если Вы согласны с утверждением, что потребность делить интеллектуальные и эмоциональные впечатления является одной из самых глубоких в природе человека, то Вы согласитесь, что человек, передавший книгу другому,— невиновен в преступлении.

Уинстону в фантастическом «1984» году за любовь к женщине грозило фантастическое же по жестокости наказание.

Мне — в реальном 1984 году — за передачу в чтение книги поэта, за свои стихи погибшего в концлагере, угрожают самые реальные семь лет пытки в концлагере и еще пять — в ссылке!

Не верите? Тогда я приглашаю Вас на предстоящий суд. В тридцатые годы уже были прецеденты, когда западноевропейские писатели приезжали на политические процессы в Советский Союз. Да, вероятно, и Вы, как и великий Стендаль, имеете обыкновение познавать жизнь в судебных залах.

Кстати. В некоторых своих произведениях Вы проводите мысль, что корни преступности кроются в самих условиях буржуазного общества. А вот я как подумаю, вышагивая от железной двери до окна под потолком, забранного решеткой и «намордником», и обратно, что в мире существуют такие замечательные социальные системы, в условиях которых можно открыто, без опасных для себя последствий передать приятелю или жене книгу, например, во Франции — о позоре французского коллаборационизма, так во мне крепнет вера в себя, в человечество, в ценность духовной свободы.

А уж жить в такой стране, как Ваша,— в 1984 году — по-моему, счастье!

Июнь 1984 года. *Борис Митяшин.* Камера 202. Тюрьма КГБ, Ленинград. СССР.

---

[1] Комбинация с Сименоном родилась во мне почти сразу после ареста. Когда прошло шоковое переосмысление предстоящей жизни, стало во мне расти бешенство, желание «врезать». Вся эта розовая сволочь на Западе, все эти брандты меня всегда раздражали — вот и выразилось.

[2] Еще до моего ареста, так мне передал из зоны про себя Долинин, что не соответствовало действительности. Однако к моменту Последнего слова ложь превратилась в правду.

P. S. 24 июля сего года за попытку переслать к Вам эту Записку я был на 10 суток подвергнут пытке карцером. Но я снова попытаюсь докричаться. Б. М.

К сожалению, мне не удалось переслать это приглашение, но, я думаю, Сименон заинтересуется делом № 44 постфактум, узнав, как своеобразно приглашение было оплачено.

Показательно, что с июня 1984 года, т. е. со времени написания Записки, за последующие шесть месяцев кропотливой работы следствие так и не сумело что-либо прибавить к обвинению. Мало того, даже сломленный Репин — один из главных свидетелей обвинения — нашел в себе силы отказаться от дачи показаний в суде. То, что Макаров признал получение от меня кроме стихов Мандельштама ряда других книг, не меняет сути дела. Теперь зловещий мир Орвелла в моем обвинении проступает еще отчетливее.

Приобретение следствия — показания Манжосовой о моих планах создания антисоветской организации «по системе троек» — так убоги и абсурдны, что, по всей видимости, их решились воткнуть в дело из-за катастрофического отсутствия материалов. Я не считаю за труд дать суду историческую справку. Политическая организация «по системе троек» была изобретена уже 150 лет назад французским социалистом Огюстом Луи Бланки и показала полную несостоятельность в решении своих задач. Кроме того, конспиративная структура такой организации продиктована антидемократическими способами и целями политической борьбы. В бланкизме, ставившем целью диктатуру именем пролетариата путем захвата власти группой заговорщиков, обвиняли Ленина. Совершенно очевидно, что я ни с какой стороны не принадлежу к этой компании.

Вместе с тем со своими политическими убеждениями и нравственными ценностями я не выходил на площадь. Но теперь — на этом лобном месте — я вынужден сообщить, что не вижу в этом необходимости, т. к., на мой взгляд, только подсознательная деятельность всего населения, выражающаяся в том, что оно не хочет творчески трудиться в существующих условиях, неизбежно приведет наше общество к отказу от коммунизма. Но — при исчерпании запасов стратегических природных ресурсов.

Таким образом, для непредубежденного суда представлены достаточные аргументы и объяснения, чтобы можно было полностью отвергнуть предъявленное мне обвинение в совершении преступления.

При этом я должен предостеречь: если почему-либо предъявленное мне обвинение будет вами признано обоснованным — вы сами совершите преступление, преступление против человеческого духа.

Приговор

Ленинград. 19 февраля 1985 года

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Ленинградский городской суд в составе председательствующего Волженкиной Н. С., народных заседателей Зубашвили Г. М., Стрельниковой А. Г., при секретаре Бобровой Н. А., с участием прокурора Мозякова В. В. и адвоката Островского В. А. [1] 19 февраля 1985 года в г. Ленинграде рассмотрел в открытом судебном заседании дело по обвинению: Митяшина Бориса Олеговича (...) в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 70 УК РСФСР.

Проверив материалы дела, исследовав все доказательства по делу, суд вину Митяшина установил в том, что он, несмотря на объявленное в 1977 году официальное предостережение о недопустимости совершения антиобщественных действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР, в период с 1979 по 1984 год в Ленинграде умышленно в целях подрыва и ослабления Советской власти проводил антисоветскую агитацию и пропаганду: распространял, а также хранил с целью распространения изданные за границей на русском языке печатные произведения, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

---

[1] Сперва об адвокате Владиславе Антоновиче Островском я услышал одобрительные интонации в голосе у Гордеева. Гордеев высоко поставил его профессионализм. Как оказалось, Островский действительно «профессионал». С одной стороны, он охотно помогал по части бытовых вопросов, а с другой, во все время работы со мной аккуратно старался меня обезвредить. Сразу предложил хотя бы частично признать вину, затем — выступить в суде от своего имени с ходатайством о направлении меня на повторную стационарную психиатрическую экспертизу в Москву, сообщил, что по этому варианту я впоследствии попаду в вольную, открытую больницу и, конечно, на меньший срок, чем в лагерь. (А это, надо сказать, отработанный прием.) Мне пришлось ему специально заявить, что если он не будет поддерживать мою позицию, я буду вынужден от него отказаться. Он принял условия, но и в суде накануне Последнего слова бросился уговаривать меня не произносить Обращения к Сименону. Уж он-то знал, что само последовательное мое Последнее слово срока мне не прибавит, но может увеличить общественный резонанс.

(...) На предварительном следствии подсудимый Митяшин от дачи показаний отказался.

В судебном заседании Митяшин вину в предъявленном ему обвинении не признал и давать показания по существу предъявленного обвинения также отказался.

Суд считает, что вина Митяшина в предъявленном ему обвинении установлена и доказана в полном объеме.

Свидетель Макаров показал, что на протяжении 1979—1984 гг. он неоднократно получал от Митяшина антисоветскую литературу, которую после прочтения возвращал ему. (...)

Также судом установлено и доказано, что Митяшин в период 1980—1981 годов передавал антисоветскую литературу свидетелю Репину В. Т.

В судебном заседании свидетель Репин безмотивно отказался давать какие-либо показания по обстоятельствам данного дела. При этом Репин не сделал никаких заявлений о ложности показаний, которые он давал ранее в отношении Митяшина.

Суд, проанализировав показания свидетеля Репина на предварительном следствии как по его делу, так и по делу Митяшина, оценив их в совокупности с другими доказательствами, считает, что они являются правдивыми, т. к. давались в разное время, были последовательны и объективно подтверждены другими материалами дела. (...)

Суд расценивает показания Репина В. Т. и Репиной Е. Ю. на предварительном следствии по делу по обвинению Репина и по настоящему делу как правдивые и считает, что вина Митяшина по эпизоду передачи книг антисоветского содержания Репину установлена и доказана.

Вина Митяшина в передаче антисоветской литературы Долинину подтверждена показаниями Долинина на предварительном следствии и частично в судебном заседании 12 февраля 1985 года. (...)

В судебном заседании на следующий день 13 февраля 1985 года Долинин заявил, что он отказывается от всех показаний, данных им ранее, по причинам, изложенным им в заявлениях на имя Генерального прокурора СССР от 24 октября 1983 года, на имя прокурора Ленинграда от 25 октября 1985 года.

Проанализировав показания, заявления Долинина, касающиеся Митяшина, исследовав их в совокупности с другими доказательствами, суд считает, что его заявления и показания, сделанные и данные им в процессе расследования уголовного дела в отношении него и Митяшина, являются правдивыми. Заявление на имя Генерального прокурора СССР вызвано не отказом им от ранее данных показаний, а несогласием с передачей по Ленинградскому телевидению от 9 февраля 1983 года, составленной по материалам уголовного дела по обвинению Долинина и Евдокимова. (...) Из письма прокурора города, приобщенного к делу, следует, что при проверке заявления Долинина от 24 октября 1983 года на имя Генерального прокурора СССР установлено, что никакого давления во время предварительного расследования на Долинина не оказывалось.

Таким образом, исходя из изложенного выше, суд считает, что на предварительном следствии, как по своему делу, так и по настоящему делу Долинин давал в отношении Митяшина правдивые показания и их изменение в судебном заседании, а затем и полный отказ от них обусловлен лишь желанием смягчить вину подсудимого Митяшина.

О правдивости показаний Долинина свидетельствуют и некоторые уточняющие детали в его показаниях в подтверждение эпизодов, связанных с получением им от Митяшина антисоветской литературы. (...)

Таким образом, из всего изложенного выше следует, что вина Митяшина в передаче антисоветских книг в период 1979—1984 гг. Макарову, Репину, Долинину установлена и доказана. (...)

Проанализировав содержание всех произведений, которые распространял и хранил с целью распространения Митяшин, обозрев в судебном заседании протоколы осмотров этих произведений (...) суд считает, что все эти произведения являются антисоветскими, так как содержат клеветнические измышления, порочащие государственный и общественный строй СССР.

Так, в произведении А. Авторханова «Загадка смерти Сталина» возводится клевета на советский государственный и общественный строй, руководящую и направляющую роль КПСС. В книге Шапиро «Коммунистическая партия Советского Союза» содержатся заведомо ложные утверждения по вопросам истории коммунистической партии и Советского государства. В книге Валентинова «Встречи с Лениным» развивается ложный тезис о «тоталитарности» Советского государства. В книге Буковского «И возвращается ветер...» возводится клевета на советскую действительность, коммунистическую партию, внутреннюю и внешнюю политику Советского государства. В сочинении Л. Чуковской «Процесс исключения» содержится клевета на советскую действительность, а в брошюре В. Чалидзе «Иностранец в Советском Союзе» клеветнически излагаются вопросы правовой политики Советского государства, Конституция СССР именуется «красивым фасадом» и при этом утверждается, что провозглашенные в ней права существенно ограничены.

В томе 1 собрания сочинений О. Мандельштама имеются вступительные статьи Г. Струве и Э. Райса, в которых возводится клевета на историю СССР и советскую действительность. В произведении Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» в трех томах содержатся клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, марксистско-ленинское учение, историю Советского государства. В антисоветских сборниках «Хроника текущих событий» (выпуски 1—15, 16—27) содержатся клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, и утверждается об отсутствии в СССР демократических прав и свобод. В брошюре «Вестник русского христианского движения» № 128 возводится клевета на политику КПСС по отношению к церкви, порочится Великая Октябрьская революция. В брошюре «Солидарность» возводится клевета на положение трудящихся в СССР, Советскую власть, профсоюзы СССР, с клеветнических позиций дается оценка событиям в Польше в 1980 году.

В журналах «Континент» № 22—23 за 1980 год содержатся клеветнические измышления о национальной политике Советского государства, извращается роль КПСС в строительстве коммунистического общества. В произведении А. Михника «Польский диалог: церковь — левые» СССР обвиняется автором в «тоталитарности», а существующий в нашей стране государственный и общественный строй приравнивается к фашистскому строю. В книге Войновича «Претендент на престол» извращается практическая деятельность советских государственных и общественных органов, дискредитируется советская демократия. В произведении Б. Вышеславцева «Философская нищета марксизма» извращена сущность марксистско-ленинской философии, теории и практики коммунистического строительства в СССР, возведена клевета на советский государственный и общественный строй.

В сборнике «Стихи и проза» Ю. Одарченко в предисловии К. Померанцева порочится имя Основателя Советского Государства.

Распространяя и храня указанную выше антисоветскую литературу, распространяя антисоветские идеи, Митяшин действовал умышленно, сознавая характер своих действий, направленных на подрыв и ослабление Советской власти, и желая этого.

Объективно умышленная вина Митяшина в совершении преступления, направленного на подрыв и ослабление Советской власти, установлена следующими обстоятельствами:

Из приговора Ленинградского городского суда от 12.02.70 года (л. д. 85—90 тома 1) следует, что Митяшин был осужден за длительное и систематическое распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй [1].

Отбывая наказание, Митяшин на путь исправления не встал и не отказался от антисоветской деятельности.

Свидетельница Манжосова (...) показала, что в октябре-ноябре 1973 года, находясь в гостях у Ляхова А. вместе с Митяшиным, слышала, что они говорили о создании конспиративной организации по борьбе с существующим в СССР строем. (...) В 1977 году за совершение антиобщественных действий, противоречащих интересам государственной безопасности СССР, Митяшину было объявлено официальное предостережение от имени органов КГБ СССР (т. 1, л. д. 13—21). Однако и после этого Митяшин никаких выводов не сделал, а, наоборот, упорно придерживаясь антисоветских взглядов, перешел к активным действиям, направленным на подрыв и ослабление Советской власти путем распространения литературы, по своему содержанию враждебной по отношению к Советской власти, содержащей прямые призывы к борьбе с существующим в СССР государственным и общественным строем [2]. (...)

---

[1] 5 ноября 1969 года я был арестован по статье 190-1 УК РСФСР «за клевету на советскую действительность» и по статье 206 ч. 2 — «за злостное хулиганство». По 190-й я не признал себя виновным, а по 206-й — признал. По отдельности и совокупно мне дали 3 года заключения. Дело вел старший следователь прокуратуры Поруков Г. Н., ныне главный прокурор Ленинградской области. Работать ему со мной было легко: «Борис Олегович, скажите, пожалуйста, как вы относитесь к братской помощи Чехословакии пяти стран Варшавского договора?» — «Пожалуйста. Я считаю, что это — оккупация, нарушение всех международных норм».— «Распишитесь».— «Пожалуйста». Между прочим, ордер на арест тогда подписал после личной со мной беседы прокурор города Соловьев С. Е. И где-то через 10 лет у меня с ним вышла невероятная история. В начале 80-х друзья сказали мне, что у третьего лица попросил что-нибудь «такое» почитать бывший прокурор города, почетный пенсионер С. Е. Соловьев! Мне понравилась ситуация, и поэтому я дал для него лондонский том «Колымских рассказов». Потом по цепочке мне передали, что они ему не понравились, однако затем Соловьев попросил «Архипелаг». Вся прелесть положения была исчерпана, и пришлось ему обойтись...

[2] Пожалуй, раскрою теперь еще одно мое «преступление». В 80-м году мне повезло передать на мордовскую женскую политзону в Барашево три тамиздатовские книги: «Факультет ненужных вещей» Юрия Домбровского, «Жизнь и судьбу» Гроссмана и посевовский сборник стихов и прозы Окуджавы. Напомню, в лагеря и тюрьмы СССР запрещены к передаче от частных лиц любые книги. Единственный источник там: «Книга — почтой»... Чтобы у сидевших в то время в лагере Татьяны

На основании всего изложенного выше суд считает вину Митяшина в антисоветской агитации и пропаганде с целью подрыва и ослабления Советской власти установленной и доказанной.

Преступные действия Митяшина следует квалифицировать по части 1 ст. 70 УК РСФСР.

Назначая Митяшину наказание, суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, данные о личности и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

Так, суд учитывает, что Митяшин совершил особо опасное государственное преступление, представляющее повышенную опасность; привлекался ранее к уголовной ответственности и отбывал наказание за преступление против порядка управления; имел официальное предостережение за совершение антиобщественных действий, противоречащих государственной безопасности СССР. Однако выводов для себя не сделал. Суд также учитывает, что, занимаясь общественно полезным трудом, Митяшин допускал нарушения трудовой дисциплины (появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии во время работы в Проектно-конструкторском бюро Главленстройматериалов); нерадивое отношение к исполнению своих обязанностей, как следует из характеристики прядильно-ткацкой фабрики «Рабочий».

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 301—303 УПК РСФСР, суд приговорил Митяшина Бориса Олеговича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 70 УК РСФСР, и назначить ему наказание в виде 5 (пяти) лет лишения свободы с отбытием в исправительно-трудовой колонии строгого режима, со ссылкой на 3 (три) года, исчисляя срок отбытия наказания с 22 мая 1984 года. (...)

Председательствующий *Н. С. Волженкина*[1].

Народные заседатели *Г. М. Зубашвили, А. Г. Стрельникова.*

Кассационная жалоба

Довожу до сведения, что я не совершал преступления против существующего строя в СССР, если он не стоит на подавлении глубокой духовной потребности человека сопереживать с ближним интеллектуальные и эмоциональные впечатления.

Требую полного оправдания, если не стоит.

Дополнительно будет мною заявлено после ознакомления с протоколом судебного заседания.

12.03.85 г. *Митяшин*

Определение

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в составе: председательствующего Гаврилина К. Е., членов суда Грачева В. Г. и Полетаева О. П. рассмотрела в судебном заседании от 17 мая 1985 года дело по кассационной жалобе осужденного Митяшина на приговор Ленинградского городского суда от 19 февраля 1985 года. (...)

Заслушав доклад члена суда Гаврилина, заключение прокурора Яковлева об оставлении приговора без изменения, судебная коллегия (...) определила:

Приговор Ленинградского городского суда от 19 февраля 1985 года в отношении

Великановой, Татьяны Осиповой, Галины Силивончик и других не могло возникнуть нового уголовного преследования, я книги соответствующим образом подготовил: вместо «Посев» появилось «Прогресс», появились советские выходные данные, проставлена цена на обложке и прочее. На зоне книги были благополучно прочитаны всеми женщинами. Впоследствии они благополучно вышли из зоны... Эта история имеет и курьезный оттенок. Дело в том, что в наших лагерях ЧК, оперчасть регулярно берут у заключенных на проверку книги, тетради. Также перед этапом и освобождением ищут в них тайные записи и тому подобное. И мне изысканное удовольствие представить, как чекист зоны дотошно старался обнаружить криминал между строк «Факультета...». Теперь мне приятно сообщить, что в оформлении книг неоценимую помощь оказал ленинградский инженер Никита Линдрот. И можно теперь назвать мой источник литературы. В течение не одного года я получал книги из Парижа от Анны Рутченко, ныне Почетного директора русского книжного магазина. Низкий поклон ей от имени всех благодарных читателей и от меня лично. А вот каким способом получал я книги? — это и сегодня еще секрет.

[1] Из ныне действующих судей в городе Волженкина — самая опытная исполнительница чекистских дел. Сомневаться в ее независимости дает основание мое дело как нельзя лучше. По отсутствию доказательств даже по тем временам она обязана была меня оправдать или, на худой конец, отправить дело на доследование. Скажу больше: перед закрытием дела я уже узнал свой будущий срок! Гордеев, реагируя на мою Записку к Сименону, пренебрежительно сказал: «Что вы, Б. О., все пишете: „семь плюс пять, семь плюс пять"? Я думаю, что пять плюс три». Волженкина уже много лет — заместитель председателя Ленгорсуда.

Митяшина Бориса Олеговича оставить без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения.

Председательствующий *Гаврилин К. Е.*, члены суда *Грачев В. Г.* и *Полетаев О. П.*

Верно: член Верховного Суда РСФСР К. Е. Гаврилин.

II. Лагерь ВС 389/37. Пермская область

Е. О. Пудовкиной. Письмо [1].

(...) Моя теперешняя жизнь в свободное время — чтение книг и писем. Писем пока не густо. Художественная литература, что под руками, никакая не читается. Не то чтобы дрянь,— нет, но до моих чувств не дотягивает. С интересом читаю статьи о литературе в журналах, какие попадаются. (...)

Бунин не создал картины мира, что дает, должен давать роман. У Чехова и Шаламова нет романа, но их рассказы вкупе — мозаичная законченная Вселенная. Произведения же Бунина — совершенные по письму — фрагменты мира. «Жизнь Арсеньева» — это все-таки юность Арсеньева. Весь мир — это человек во всех стихиях. Иван Алексеевич духа не объял, не испытал. В его «парчовой прозе» коллизии ограничены. Но я бы сказал, что Бунин — великий поэт в прозе. Он закристаллизовал жизнь. Его сверкающий язык — это и оковы. Мироздание сложнее.

Но я люблю его, как Вы знаете. Его рассказы — «рисунок пером». Воспоминания — литературные скрижали. Его женщины — отдельная Тема. Его стихотворение «Набегает впотьмах...» я читаю на память, когда тяжело, как молитву. И мне как-то обидно за него перед Набоковым. Ведь этот молодец, как известно, не отнесся к нему при встрече как к мэтру. А впрочем, я вру! Т. е. не объективны мои чувства. Покажи он великодушие — это было бы утверждение обратного неравенства. Набоков отнесся к нему как к равному. С одной стороны, российский академик, лауреат Нобелевской премии, почти семидесятилетний Мастер, а с другой — уже сорока лет муж с великими романами, но в весьма узком кругу оцененными. Признание — великая вещь для человека. Гений, думаю, всегда знает себе цену и примеряется — на человечество. Набоков был не удовлетворен еще, и ему — с признанным Буниным — в отношениях требовалось — равенство. А Бунин законно ждал пиетета — как патриарх. Поди разбери их теперь. Кстати, «парчовая проза Бунина» — набоковские слова. И в одном из ранних стихотворений он называет Бунина мерой для себя. Т. е. этим я хочу сказать, что набоковский «модернизм» не играл здесь роли. Живи они в родной языковой культуре, имей соответствующие претензиям славу и аудиторию,— думаю, они бы поладили при встрече. Для полноты картины следует упомянуть, что сам Бунин заглазно отзывался о Набокове с восхищением: «Это чудовище! Но как пишет!» (...) Я сейчас работаю «дневальным», т. е. шнырем.

25.12.85 г.

А. Б. Рогинскому. Письмо.

(...) Вот так познакомился с эссе С. Лурье в «Авроре». Свободный, ясный и разнообразный русский язык (даже зависть берет — я бы очень хотел уметь так разнообразно выражать свои мысли); стиль, включающий чувства автора — письмо к читателю — форма, в которой проводится изящное исследование; и все становится искусством. Неудовлетворительность работы я вижу во взгляде на человека. Нынче я не считаю справедливым, когда «маленького человека» презирают за растительность интересов, когда тянут его за волосы любить непременно самое возвышенное.

Если мы согласимся с утверждением, что люди по рождению не равны по высоте и направленности своих творческих и потребительских способностей, то не предоставить ли Акакию Акакиевичу право на его удел копировальщика? И пусть себе осмысляет жизнь также новой шинелью! Человек на своем месте — в этом-то правы его сослуживцы.

Ведь еще когда было сказано — емко и точно: «трудящийся достоин пропитания». Т. е. не важно, какой труд, сколько в нем пользы; и «пропитание» здесь — право на жизнь. Но если человек хоронит в себе искру Божью — и доволен! — то, стало быть, мало в ней

[1] Все мои письма из 37-й зоны — результат большого терпения... Владимир Иванович Ченцов, в то время чекист 37-й зоны, если кого хотел дрочить «культурно», конфисковывал переписку. Если отбиралось входящее заказное письмо, цензорша вызывала в кабинет и, улыбаясь, произносила: «На ваше имя поступило письмо от такого-то. Оно конфисковано за условности в тексте. До свидания». (Про простые не объявлялось никогда.) Если забиралось ваше собственное, цензорша повторяла эту же сакраментальную фразу про «условности в тексте» и возвращала пустой конверт. Возмущаться, протестовать бессмысленно. С одной стороны, это путь в карцер, а с другой, почувствовав ваше уязвимое место, гебист будет вас охаживать по нему еще интенсивнее. Это вообще закон. Я получал в среднем одно из трех. Еще хуже обстояло с отправлением. Бывало так, что пустой конверт столько раз возвращался, что приходил в негодность. Мои письма уходили не раньше, чем с седьмой, с десятой попытки.

карцера. Т. е. у администрации единственная возможность сохранить мне жизнь — это отступить. И я выбором такого способа самоубийства — предоставляю ей эту возможность.

Если по отношению ко мне будет применено насилие, то я ответственно заявляю, что тогда вынужден буду покончить жизнь другим способом. Но ответственность за мою смерть я возлагаю на коммунистическое правление в стране.

Продолжая сравнение между собой и Уинстоном, я хочу еще отметить, что моя смерть — в отличие от оставшегося в живых героя Орвелла — будет внушать людям веру в себя, т. к. я остаюсь — свободным! [1]

30.10.86 г. *Митяшин*

И. А. Алексееву. Письмо.

(...) Сообщаю на твой вопрос, что режим содержания у меня — наиболее мягкий из тех, что предусмотрены для моего контингента. Да ты не тужи, брат! Жизнь продолжается везде, а главное, чтобы она была осмыслена. Да и погода у нас все лето и осень стояла как раз, чтоб сидеть — сплошные дожди. А теперь сплошные снега да морозы. (Последние 3—4 дня назад доходили до 40.) И еще согласись: какое удовольствие в моем положении убеждаться в надежности своих друзей и близких! Вот и ты у меня какой замечательный! — я не нарадуюсь. А какая у нас мама! — говорящая за песнями Высоцкого: «Пусть бы он лучше за меня пожил».

А со мной ничего не случится. И нет худа без добра. (...)

16.12.86 г.

III. Лагерь ВС 389/35. Пермская область

Е. О. Пудовкиной. Письмо [2].

Дорогая Лена! Вот уже третье письмо от Вас на эту зону получил, а вообще уже так много Ваших писем мне «вопиют» неотвеченных и так необъятны в них поставленные вопросы, что заранее вижу: и одним «бо-о-ольшим» письмом даже по поверхности не высказаться. Но попытаюсь. Может, впереди все-таки просветлеет. Этим я не хочу сказать: буду мол-де квит — это уже никогда невозможно, но что, отвечая и про жизнь, и про искусство, и даже про эволюцию, я, слава Богу, достаточно ограничен умом иметь уверенность, что управлюсь в конце концов со всеми вопросами. Но там, где мною объявлена коллизия, м. б., буду нелицеприятен, т. к. по размышлении понял, что не смогу, не сумею оставаться близким Вам, если в принципиальных вопросах не буду «резать по живому». Впрочем, я вношу терминологическую путаницу, т. к. к Вам я всегда настроен по Искандеру: «Чтоб из глаза соринку извлечь, Нужен дружеский глаз, а не меч». Простонапросто я понимаю дружбу по пословице: «Люби встречника, а не потаковщика».

Итак, я должен признать, что Вы были недостаточно вдумчивы, анализируя и отвергая определение хорошего, т. е. нравственного человека и плохого (безнравственного). Пока «душа человека не готова увидеть всю глубину падения», пока оправдывает себя правдами и неправдами, человек этот называется безнравственным. На данный момент времени. И нет в нем никакого внутреннего тормоза (высокой веры) против нового падения, т. к. «падения» при падении его душа не чувствует. Если Вы этого не понимаете, давайте рассудим. (Что нельзя людей судить — вздор. Не рвите фразу из контекста, как это обычно многие делают. Точный смысл всего предложения таков: если не хотите, чтобы судили вас, не судите сами. Вы идете за Ефремом Сириным, но не за Христом. Разве не обличал Он фарисеев и книжников? — разумеется, не лишая их надежды на спасение. Да и нельзя, невозможно в жизни так или иначе не судить людей, не оценивать их нравственное состояние в определенные моменты их жизни. Для чего же люди осознают в себе данные им природой и воспитанием нравственные Мерила? Если только для самих себя, то прекратится же общественная жизнь. Да Вы сами ведь не только утопический христианин, отрицая право общественного мнения, судов, тюрем, но и художник — должны бы понимать. Но, пользуясь Вашим языком, окончательный Суд каждому из нас — на небесах.)

---

[1] Поразительно, насколько меняются в заключении представления о ценах. Сейчас с недоверием читаешь собственные строки такого рода. Кажется, что явный перебор, красивость. А между тем, тогда в карцере я уже и кусок бечевки под плинтусом заготовил... Но они отступили, уже на пятые сутки голодовки увезли «на больничку». В лагере единственное, что человек может класть на весы для ограждения суверенитета, — это собственная жизнь. К этой ставке привыкаешь, и она не кажется из ряда вон. А донекли меня карцерами потому, что они не были ничем спровоцированы с моей стороны. Когда сажают тебя абсолютно ни за что, даже по их бесчеловечным правилам, когда ситуацию не контролируешь, тогда надо что-то делать. А что еще тут можно сделать?

[2] Это письмо написано в БУРе в двух-трехсуточных перерывах между карцерами, в которых меня стали постоянно морить за отказ от работы.

А все очень просто: безнравственный человек — это мировоззрение, человекозрение, а именно: подспудное или осознанное неверие в альтруизм людей. У безнравственного человека есть душа: потенции веры в себя и в людей, потребность и необходимость их Мерила, но это Мерило — эгоизм, он сам. При этом у одних — при независимости и прямоте ума — это осознанный цинизм, откровенное неверие в альтруизм. Такие люди признают свои мотивы и представления о жизни, но у них все люди таковы, поэтому каяться — притворяться. Соответственно, культура — одни условности. У других, когда ум несамостоятелен и лжив, нравственные Критерии — самые высшие в своем кругу, но они мираж. И даже выведенный трижды и четырежды на чистую воду проверкой «на пробу», он не признает низости падения, но всегда ищет и находит себе оправдание, причем, в подразумевании, утверждении низости других душ, на которых и ответственность. И собственная душа не в угрызениях, а во власти страха перед внешним осуждением, наказанием, наиболее неприятным в каждый настоящий момент. Угрызения совести в сущности и есть внутреннее признание низости своего поведения относительно своего, м. б., даже подсознательного, альтруистического Мерила, Мерил человеческого поведения. Вот Раскольников, убив, сразу осознал себя подлецом, почувствовал пропасть между собой и сестрой с матерью. И поэтому это нравственный человек, совершивший преступление против своего собственного подсознательного истинного Мерила нравственности людей. И поэтому была вполне рациональная, от его природы Надежда спастись ему, вернуться на круги своя. Требовалось подтвердить полное внутреннее покаяние выходом на публичный позор и добровольным принятием «вериг». И то, сколько трудов ему это стоило. И Сонечке. (Спасибо, кстати, за совет — я тогда же выписал из «Дома книги» «Комментарии к „Преступлению и наказанию"» С. Белова. Работа хорошая.) А вот у Льва Толстого есть поздний рассказ, кажется, «Фальшивый купон», там мужик режет людей, как мух давит, а в тюрьме узнал грамоту, прочитал Евангелие и вдруг уверовал в Бога, открылись у него глаза на себя, на людей, и весь он преобразился. Чудо! И не по-сектантски как-нибудь уверовал темный мужик, а «правильно», если так можно выразиться. (В жизни я встречал таких уверовавших-образованных, что только в голове чесать.) И очень реалистично показано. Но чудо потому и чудо, что крайне редко случается. И в «Анне Карениной» показано, как Левин уверовал, но для меня неубедительно. Но у него и до веры в Бога Живого человекозрение было альтруистическим. Как я наблюдаю в жизни, только во младенчестве легко можно внушить человеку в подсознание альтруистическое нравственное Мерило, если собственные гены «тухлые». А во взрослом человеке если и есть что самое стойкое, так это его реальное нравственное Мерило, Мерила — в зависимости от природы, воспитания и развития, содержательно находящие форму между крайними точками: эгоист — альтруист. Но легко стать Раскольниковым. Если в человеке по преимуществу Мерило: эгоизм, «я», то воспитание его примерами жертвенности к людям, примерами самоотдачи к нему и верой в его жертвенность к людям, т. е. любовью, может рождать в нем иллюзии на свой счет, но до первой проверки его на альтруизм. Именно на таких людях культурная оболочка — шелуха, спадающая без больших усилий, причем для них и не очень болезненных. Трус начнет борьбу с собой и может перебороть себя, но при условии, что Мерило в нем себя и людей по данной ситуации — альтруистическое. А если он не переборет себя, то это — хороший (нравственный) человек, но слабый, который всю жизнь трясется и угрызается. А читали ли Вы в «Новом мире» еще при Твардовском (год и номер не помню) рассказ Войновича «Два товарища»? Там два приятеля, выпускники школы, летом в парке попадают в руки к урке с компанией. Один из друзей то ли заюлил, то ли затрясся, и бандит, решив позабавиться, говорит ему: «Бей давай друга, а не то мы сами и тебя изувечим!» И когда угроза стала совсем реальной, он стал бить, но вполсилы. Ему говорят: «Так не считается! Бей по-настоящему!» И он бьет. И теперь уже сам проявляет старание, инициативу. (Все как в жизни!) Насладившись сценой, бандиты уходят, после чего бивший говорит «другу»: «Это лучше, что я бил, они бы избили тебя во много раз сильнее, а я старался для вида». Избитый видел, что это было не так, и они расстались. Далее рассказ, кроме прочего, продолжен их случайной встречей через несколько, кажется, лет. Вспомнили эпизод, но предатель остался невозмутимо уверенным в своей правоте. Вы понимаете, Лена, суть? Не в том дело, что струсил парень, но что подсознательное Мерило его отношения к людям — эгоизм. Все трусят и все совершают эгоистические поступки, предательства — особенно мелкие, но каков человек? — зависит от его Мерила, Мерил нравственности. (Между прочим, сказанное относится не только к человеку современной культуры. Например, суровые ассирийцы, превращавшие пленных женщин, стариков и детей в кровавую кашу — «дабы возрадовались боги»,— были нравственны. Таков исторический подход.) В фильме «Чужие письма» девочка-десятиклассница совершает дома подлость по отношению к вернувшейся из заключения матери. Старший брат девочки, вырастивший ее самостоятельно без запретов, тут впервые срывается и гонит ее из дома. Она не хочет возвращаться домой — «унижаться» и притворно-жалобно плачет (т. е. как раз унижается) в виду

парадной дома молодой своей учительницы. Та, утопически воспитанная, думает, что всех людей без исключения следует воспитывать одной добротой и жертвенностью, а осуждать нельзя. И вместо того, чтобы, разобравшись, выгнать девицу из своего дома, она оставляет ее жить у себя. Далее эксперимент последовательного великодушия, жертвенности, доверия приводит к тому, что постепенно юное это существо наглеет и уже «хочет быть владычицей морскою и иметь золотую рыбку на посылках». (Как хороша и кстати сказка.) Здесь учительница не выдерживает метода и требует, наконец, границ. Девица устраивает отвратительную сцену и получает уже и пощечину. Здесь малютка «вошла в рамки» и переселяется, надо думать, к брату с матерью. Учительница продолжает наблюдать за этим странным для нее созданием природы, а ученица — это тонко показано — какой была, такой и осталась, хотя долго в школе тупилась молча глазками перед учительницей, «виноватилась», при этом педалируя жалость своим завязанным простуженным горлом... А в середине еще эксперимента, видя свои неудачи в способе воспитания, учительница идет в гости к своим собственным учителям, стареньким супругам, пенсионерам, живущим во вросшей в землю избе с деревянными ящиками от посуды вместо табуретов, но битком набитой роскошными книгами. Она спрашивает их: «Как быть? — девочка не понимает, что нельзя читать чужие письма». (Та тайком читала письма к учительнице ее любимого человека, и это открылось.) И тогда старушка отвечает: «Если человек сам не понимает, что нельзя читать чужие письма, то вся премудрость человеческая бессильна помочь ему в этом случае». И символично с письменного стола падает в замедленной съемке большая стопка золоченых фолиантов. Как вы уже понимаете, Лена, беда школьницы — ее подсознательное нравственное Мерило. Фильм поставил Илья Авербах. Ученица сыграна гениально. Я думаю, это «киностихотворение» на уровне «Осенней сонаты» Бергмана. (...) Уверен вслед за Пушкиным: единственное средство держать в узде «кувшинное рыло», если уж оно социально состоялось,— это осуждение, бичи, темницы, топоры. И христиане между другими вселившихся в человека бесов изгоняют не верою одною, но и требованием: «Изыди, Сатана!» И если чуда не происходит, добрые люди очерчивают круг. А грешник, ежели он «горит желанием» спастись или хотя бы проявляет «слабые попытки очищения», должен, условно говоря, размазываться по стенам и вериги на себя вешать, а не рыбку золотую запрягать, чтоб вынесла его, слабого, больного, несчастного, одинокого и неприспособленного.

Конечно, я показал схему, крайние положения нравственного Мерила в человеке по шкале: эгоизм — альтруизм (Сатана — Бог). «Мотылек», конечно, есть в каждом мерзавце. Однако, развивая замечательную рильковскую метафору [1], я не только не хочу сказать, что метаморфоз бабочки, скажем, в аиста при помощи одного самопожертвования и близорукой веры невероятен, но также еще то, что и гибелен для верящего. И опасен для тех, кто верит верящему. Полюбя бабочку, по-моему, безнравственно, оберегая ее, сознательно игнорировать скалы, в которых одни, следуя за ее прыжками, уже поблуждали впустую, а другие даже получили ссадины и синяки, причем кто на теле, а кто и на душе. (...) И я хочу недвусмысленно сказать, что осудить грешника — нравственная обязанность как по отношению к людям, так и по отношению к себе. И по отношению к нераскаявшемуся грешнику, хотя «мотыльки» меня в жизни, честно говоря, не заботят [2]. Вот — для Вас — цитата из авторского Предисловия к чудесному роману Шодерло де Лакло «Опасные связи»: «...истина состоит в том, что каждая женщина, соглашающаяся вести знакомство с безнравственным мужчиной, становится его жертвой... Молодые люди обоего пола могут также узнать из этой Книги, что дружба, которую, по-видимому, так легко дарят им люди дурных нравов, всегда является лишь опасной западней, роковой для добродетели их и для счастья» [3]. Я и на себе это прочувствовал в последние годы. Знакомство, общение с заведомо безнравственной личностью, чем бы оно ни оправдывалось, воистину — «опасные связи». Это «поджигать дом, чтобы поджарить яичницу», как выражаются практичные американцы. (...) До второго Вашего письма сюда Ваши постоянные проповеди прощения были на мой слух в границах Надежды и Любви,

[1] Стихотворение Р. М. Рильке в переводе С. Петрова:

«Море скал передо мной,
кустики вросли в каменья.
Дремлет небо в онемеиьи
над смертельной тишиной.
Залетел лишь мотылек
в край недужный и тревожный
и, как в голове безбожной
мысль о Боге, одинок».

[2] В самом деле, как можно тратить силы, жизнь на «мотылька», скажем, в Ульянове, в Бронштейне или в каком-нибудь Гидаспове? Возьмем шире: в тартюфе, в самооправдывающемся иуде? Нет, не могу я любить эту публику и другим не советую.

[3] Какое, однако, удовольствие приносила зэкам служба «Книга — почтой»! Удовлетворялась не только любовь к чтению, но и подсознательная потребность в собственности у бесправного человека.

т. е. лояльны. Но что Вы теперь мне внушаете, цитирую: «Сколько же, Боря, Вы там еще пробудете? „Прямиковая душа — аж в разгонку пошла"? (Это из Даля.) Или так: „В короб не иду, из короба не лезу и короба не отдаю"? В тех же пословицах и поговорках говорится: „милость — подпора правосудию", „гневаться — дело человеческое, а зло помнить — дьявольское". Я к тому, что, может быть, в Вашей ситуации возможно сменить гнев на милость — во всех смыслах?». Конец цитаты. Это, Лена, знаете ли, мне как удар в спину. Да Вы просто не верите в меня! Да и язык, которым Вы тут продолжаете тему, вывернутый, бесовский... Изыди, Сатана!

Дорогая Лена! Когда в свое время получил Ваше письмо с квалифицированным конспектом книги критики палеонтологических доказательств эволюции живого, я был поочередно и удивлен, и тронут, и восхищен. Неужели Вам было интересно читать об этом? Трудно поверить, но отвечу Вам серьезно. (...) Представляю Вам эволюционную гипотезу в самом общем виде как гипотезу философии биологии. Она целиком была изложена в книге Пригожина «От существующего к возникающему» [1]. (...) У человека вера в себя и в людей взаимосвязаны в потенциях Надежды и Любви. Любовь — вера в творческую сущность и значение конкретных людей и вера в собственную жертвенность по отношению к ним. Надежда — вера в собственную творческую природу и значение и вера в жертвенность людей по отношению к себе. Религиозность — потребность Критерия Надежды и Любви. При этом если творческие критерии в науке, в искусстве, в организаторстве — произведения — абстрагируются от их творцов, то Мерила нравственные (отношение к труду, к людям, к себе и ко всему живому) в потенциях Надежды и Любви — произведение — может быть только сам человек или Некто, определяющий или определяющие человеку Надежду и Любовь, т. е. его Бытие и быт. И чем совершеннее, адекватнее высшей нравственной природе человека по содержанию принятые людьми на веру Мерила нравственности, тем эффективнее их управление собственными начальными условиями. (...) Свидания меня лишили, но наплевать [2]. (...)

IV. Тюрьма УЭ 148/ст 4, г. Чистополь

В Отдел писем при ЦК КПСС. Заявление. Копия — в Прокуратуру СССР.

Ура! Содержание моих заворачиваемых обратно Жалоб в ЦК КПСС не на шутку напугало местный троцкистский Центр! Только мое скорое освобождение и связанное с ним неминуемое разоблачение заставило лавировать, идти на хитроумные маневры сброд этих недобитых, но еще оч-чень опасных последышей IV Интернационала!

Т. е., чтобы все прогрессивное человечество и, конечно, в первую очередь ЦК КПСС не ужаснулись от информации, что в СССР кроме официально провозглашенного законодательства существует и практикуется еще и секретное, тайное,— они начали заметать следы.

Не про-хан-же! — как любил в таких случаях говорить полковник КГБ по кличке «Рука» из одноименного вдохновенного произведения Юза Алешковского.

Их коварная группировка после 15 суток злостного сокрытия от меня почты от моих близких дрогнула, хотя ранее не собиралась. Они вывели меня 27 апреля на полчаса из карцера познакомить с почтой и вернули обратно на новые 15 суток. Это их явная уступка, отступление. Еще свежи в памяти их обещания не выпускать меня из карцера до тех пор, пока не подорвется мое здоровье (см. мое Заявление от 14.04.88 г.). Впрочем, от этой цели они и теперь не отказались. И в дальнейшем в течение долгих недель по своим секретным законам они намерены не пропускать ко мне в карцер почту от моих пожилых и больных родственников! [3]

Я требую, чтобы с каждым письмом на мое имя в соответствии с провозглашенными официально советскими законами меня в карцере знакомили немедленно по поступлении в тюрьму!

Если вредительская по своему существу деятельность местных партийных сектантов

---

[1] В окончательном виде Гипотеза представлена в Приложении. Это оригинальная работа. Указание на Пригожина — «чернуха». Это чтобы ЧК не конфисковала письмо.

[2] Ни в лагерях, ни в чистопольской тюрьме не дали мне ни одного свидания.

[3] По Правилам внутреннего распорядка ИТУ в карцере заключенным запрещается отправление частных писем. Про получение — умолчание. Практика же в лагерях и тюрьмах в этом вопросе отличается. Так, в лагерях в карцере ежесуточно, кроме воскресенья, предоставляется так называемый «личный час», в который дают прочесть поступившие личные письма, а также бумагу и ручку для жалоб и заявлений. А в тюрьмах — это и в Большом Доме, и в Чистополе — бумагу-ручку для официальных обращений дают от подъема до отбоя, зато поступившие личные письма лежат до вашего выхода из карцера. Очевидно, это регламентировано ведомственными инструкциями. На основании такого рода «различий» карцер в лагере официально называется иначе: ШИЗО, т. е. штрафной изолятор. Я различий не делаю.

Бога! Пусть опрощается малодуховным накопительством и потребительством. И потрудится за эти ценности.

А что до того, исполнительскую или творческую работу человек делает, то, строго говоря, сугубо исполнительской работы не существует. Творчество в исполнительском труде — это инициатива качества. Те, кто понимают почти всякий труд именно как исполнительский, как «товар рынка»,— вульгарны. Прав Бродский: «Труд — это цель бытия и форма. Деньги — как бы его платформа. Нечто помимо путей прокорма». Собственно, нельзя людей разделить на исполнителей, т. е. рабов и творцов (предпринимателей). Граница проходит через сердце человека и в этом случае [1]. Лучшая иллюстрация творческого исполнителя — наш Башмачкин. И автор эссе сам приводит из «Шинели» тому достаточные подтверждения.

Поэтому самое печальное в повести Гоголя не то, что герой доволен своим местом, и не то, конечно, что «низкая оплата канцелярского труда при Николае I, а то, что есть в каждом из нас дочеловеческое — унижать не умеющего за себя постоять человека (собрата), хоть бы и самого при этом ничтожного. (Другой вопрос, много ли найдется беззащитных и одновременно ничтожных?)

Разумеется, незаслуженно и противоположное к нему отношение, придыхание, во что серьезно впадала послегоголевская литература, через беззащитность возвысившая и ничтожность. А дайте герою новую шинель или прибавку к жалованью — и нет более у него трагедии.

Трагедия ведающих духовные коллизии значительнее и, конечно, печальнее.

А для «кувшинных рыл» должен быть писан Закон, предусматривающий «бичи, темницы, топоры» — произволу и свободу — творчеству (на земле, в промышленности, в сфере услуг и т. д.). Герои «Мертвых душ», в основном, мухоморы, поганки и сморчки, ставшие деревьями — на вырожденной социальной почве. Ныне не только Костанжоглами, но Собакевичами и Чичиковыми мир построен. И очень даже качественно. И разве не Гоголь осознал «запрячь подлеца»?

Именно так «медная мелочь» интересов оборачивается золотым тиснением на переплетах томов Н. В. И даже более драгоценным, чем настоящее золото, хлебом в голодное время. (Очень нравится мне эта история, как в гражданскую войну в одном ресторане, давно закрытом из-за отсутствия продуктов, его содержатели, узнав в Иване Шмелеве автора «Человека из ресторана», снабдили его съестным. Полагаю, у этих людей лицо больше напоминало форму кувшина или, скажем, чайника, нежели одухотворенный абрис Моцарта или да Винчи.)

Автор же развернул позицию, присущую, как он показывает, юному Гоголю, но не осмыслил для себя ее эволюцию. (...) Только в нравственной плоскости критерии могут быть общечеловеческими (не по форме, но по содержанию). И если не собственная природа, то хорошее воспитание на высоком нравственном Мериле себя и других способно каждому человеку внушить такие критерии. (Отдельный разговор, насколько воспитанная не в соответствии с собственной природой вера в высокую нравственную сущность человека — доброта — способна выдерживать давление отрицательным знанием.)

Думается, у С. Лурье есть умение самому поиграть с читателем: экстремистскую — не его собственную — позицию на духовные способности, увы, маленьких людей привязать исключительно к молодому Гению, но захватывая в ловушку и читателя, а затем — «потаенными местами гоголевского письма» — отшатнуться самому от псевдоаристократизма читателя.

Под ранее упомянутым произволом, на пути которого должен стоять Закон, только и следует понимать действия против нравственности, т. е. Любви (веры в людей) и Надежды (веры в себя). И под Законом, конечно, не только меры пресечения, но и условия для спасения, а эти пути хорошо разработаны (через покаяние и жертву).

Не слишком ли я занудлив? (...)

31.07.86 г.

Генсеку КПСС. Протест.

Ставлю Вас в известность, гражданин Генсек, что у меня — воплощенного в советской действительности героя орвелловского романа «1984» — больше нет сил терпеть пытки карцером, беспричинно чинимые мне администрацией учреждения, в котором я изолирован от общества.

Последний раз я был приговорен к 10 суткам карцера 20 октября сего года за «неприветствие» начальника.

Сегодня — «за невыполнение нормы выработки» в карцере — срок пребывания в карцере продлен еще на 10 суток. Это уже 115 суток со времени моего ареста.

Теперь я заявляю Протест и объявляю сухую голодовку — до освобождения из

[1] Здесь философский «осиновый кол» в могилу классовой идеологии, однако сказать об этом напрямую я, понятно, не мог из-за цензуры.

не будет немедленно пресечена, то вся ответственность за применение в стране секретного законодательства целиком и полностью ляжет на центральные органы управления.

28.04.88 г. *Митяшин*

В Прокуратуру СССР. Заявление.

Мне тут, да и в других «местах лишения свободы», все уши прожужжали всевозможные начальники о законности в СССР: что, мол-де, закон превыше всего в нашей стране, что его исполнение и соблюдение — святая и неукоснительная обязанность правоохранительных и исполнительных органов.

Как обстоит дело в действительности? — не мне вам рассказывать, но для иллюстрации будущему историку советского права, как вы обходитесь со своими параграфами, стоит, я думаю, задать вам вопрос: почему законоблюдящие органы не возбуждают против меня уголовное дело по обвинению в нарушении существующей рабовладельческой 188 статьи УК РСФСР? Ведь уже больше года я отказываюсь работать с объявления забастовки 25 апреля 1987 года!

Разумеется, ни в одном законодательстве демократических стран такое уголовное преследование не предусмотрено и наличие ст. 188 в УК РСФСР — дикость, которая в далеком прошлом практиковалась в мире только по отношению к рабам. Очевидно, что существование и применение в СССР такого Закона может вызывать у всех цивилизованных людей только справедливое возмущение.

Однако сейчас речь не о том, согласны или не согласны мы с существованием и применением данного Закона, а о якобы строгом соблюдении законов в СССР. Почему, в самом деле, бдительные прокуроры «не замечают» здесь нарушения закона?

Не приказано? — хотите сказать? Вот именно! И ничего не поделаешь! — ливрея-то по определению лакейская.

Впрочем, не будем недооценивать собственные способности и возможности нашей доблестной прокурорской службы. На мно-о-огое способны наши граждане прокуроры. Лично я палец в рот им не положил бы!

Хотите сказать, что сам кладу голову? Так ее-то откусывать как раз и не велено! А то вы давно бы уже клацнули зубками сквозь мое открытое горло.

А, впрочем, можно еще незаметно мышьяка или стрихнина в баланду всыпать...

Или это не по закону?

3 мая 1988 года. *Митяшин*

Генеральному прокурору. Жалоба.

Ставлю Вас в известность, что обнаружилась противозаконная деятельность Пермской прокуратуры!

Так, 20.02.88 г. еще из лагеря ВС 389/35 мною были направлены два Заявления на Ваше имя. Как оказалось, Пермская прокуратура самовольно возвратила их «для разбирательства» начальнику зоны ВС 389/35, который переслал их вслед за мной в тюрьму г. Чистополя. Теперь администрация тюрьмы находится в затруднительном положении, т. к. не имеет возможности решить вопросы, касающиеся моего положения в лагере ВС 389/35.

В одном Заявлении я сообщал Вам, что 19.02.88 г. ко мне в ПКТ[1] сразу после непрерывных 50 суток содержания в карцере приходил сотрудник КГБ Захаров Александр Николаевич — для беседы. Он вручил для меня и моего сокамерника в ПКТ Михаила Федотова стограммовую пачку чая и пачку сигарет «Ява». Затем стал уговаривать написать в Президиум Верховного Совета прошение об освобождении. Я отказался, и он после разговора санкционировал мне новые 12 суток карцера.

Далее в Заявлении я поставил Вас в известность, что предварительно объявленную мной голодовку я начинать не буду, чтобы таким образом рассчитаться с Захаровым за контрабандный в ПКТ чай и сигареты. (Открыто на глазах администрации ВС 389/35 мы с Мишей Федотовым в камере ПКТ заварили и с удовольствием выпили чайку за удивительные советские законы.)

Во втором Заявлении я сообщил следующее.

Во время вышеупомянутого разговора КГБист Захаров неожиданно для меня задал вопрос: как я отношусь к гомосексуализму? Я, сообразив смысл его вопроса, подумал,

[1] ПКТ — «помещение камерного типа» — это то, что в постсталинский период именовалось официально: БУР — «барак усиленного режима», что в постленинский период называлось: РУР — «рота усиленного режима». А попросту, это все — внутрилагерная тюрьма, куда из зоны помещают нарушителей режима на разовый срок до полугода. В камере БУРа, как и в карцере, нары при подъеме пристегиваются к стене, но есть стол, тумбочка, скамья. На ночь выдается матрас с подушкой, одеяло и белье. Разрешены книги (одновременно до пяти), газеты, тетради, ручки, карандаши, личные вещи.

что это очередная, рядовая чекистская гадость, и буквально ответил: «Вы что? — хотите, чтобы я вас послал?» На это он поспешно и одобрительно воскликнул: «Вот это по-мужски, это правильно!» И я переключил внимание на дальнейшие повороты разговора, поскольку вполне можно было ожидать новых гадостей, а окончательное осмысление сказанного, что называется, терпит. На следующий день, продумывая в карцере слова Захарова, я сообразил, что все известные в 35-й зоне заключенные-педерасты регулярно с ним уединяются, но, может быть, не для осведомительства? И чай, и сигареты, и многое другое от него получают! Да не гомик ли сам Захаров? В самом деле, такие совпадения слишком подозрительны. А то, что у него есть жена и сын,— не алиби! Далее в своем Заявлении я рассказал Вам, что мне известно по этому поводу о США. Там открытые педерасты из-за отрицательного отношения к ним общества не могут занимать высокое общественное положение, поэтому те из них, которые могут и хотят делать карьеру, вынуждены маскироваться. И известны примеры, когда «для алиби» они имеют жен и детей. При этом продолжают подпольную жизнь в соответствии со своими истинными наклонностями. Вот и с Захаровым слишком много подозрительного. Конечно,— писал я,— прямыми доказательствами я не располагаю, но было бы странно надеяться их получить, находясь постоянно в карцерах. И предложил Вам установить за ним тайное наблюдение. Но в Пермской прокуратуре у Захарова оказалось все «схвачено», и мои Заявления до Вас не дошли.

Требую самовольную незаконную деятельность Пермской прокуратуры расследовать и виновных наказать.

А мои два Заявления от 20.02.88 г. прошу истребовать из тюрьмы г. Чистополя, где не знают, что с ними делать.

Митяшин

6.05.88 г.

Министру здравоохранения СССР Чазову. Заявление. Копия — в Прокуратуру СССР.

Имею честь сообщить сенсационную, но, самое главное, приятную для Вас новость из тюрьмы г. Чистополя!

Считаю, что коротенькое сообщение, которое я намерен сделать, должно облететь страницы мировой печати!

Смело и, я бы сказал, дерзновенно творит человек в условиях социализма! И в ряд к профессору Илизарову, буквально выращивающему людям руки и ноги, к замечательной плеяде наших офтальмологов, буквально возвращающей людям солнце, небо, деревья, траву и весь мир, не придется ли нам поставить еще и врача-кудесника из чистопольской тюрьмы?! Воистину нет границ человеческому, а в данном случае и профессиональному подвигу!

Представьте себе: Вы находитесь в каменном подвальном карцере тюрьмы. Отопление отключено. На улице весенняя холодина градусов 10 по Цельсию и порывистый, завывающий ветер, который, проникая в карцер сквозь щели в палец толщиной в единственной раме высокого оконца, создает у Вас представление об экваториальных островах Тихого океана как о самой прекрасной сказке, какая только может вообразиться уму человека.

Вы зовете тюремную администрацию измерить температуру в карцере, которая, как известно, не должна опускаться ниже 18 °С.

Измерениями здесь занимаются жрецы не простые, а давшие клятву Гиппократа. Поскольку Вы — человек не последний, можно сказать, в обществе, то и врач приходит не последний, а самый главный что ни на есть в тюрьме. И приносит с собой термометр, который и водружает на сидение. При этом врач, как интеллигентный человек, настолько уверен в Вашей честности и в результатах своего искусства, что смело оставляет Вас условно минут на пять в карцере наедине с термометром. Затем вы не без удивления отмечаете, что стрелка начала свое путешествие по кругу с деления плюс 30 по Цельсию. Но, с другой стороны, мало ли какая температура бывает в кабинетах главных врачей!

Итак, Вы непрерывно ходите по камере (иначе «гусиная кожа» и все такое прочее) и с интервалами коситесь на стрелку: 29... 28... 27... 26,5 градуса! Вы продолжаете бегать минуту, другую, третью, но на 26 и 5 десятых стрелка встала, как политработник под огнем вражеского пулемета! Вы перестаете бегать, приседаете на корточки, зачарованно глядя на прибор. Время потеряло счет. Врач великодушно позволяет Вам упиваться чудом в одиночестве. Да и то надо иметь в виду, что в тюрьме страждущих много, кому оказать помощь — святая обязанность и, разумеется, внутренний порыв всякого рядового советского врача, не говоря уж о главных...

Не правда ли, глядя на двадцать шесть и пять десятых, Вы незаметно для себя сообразили, что и холода уже не ощущаете?! И уже как живые, можно сказать, закачались у Вас перед глазами стройные пальмы, густо увешанные орехами, и дикие маленькие поросята — уже почему-то зажаренные — начинают тыкаться Вам в ноги... Господи! Райская земля! Кущи!

И это все сразу в нашем советском карцере! Вы, конечно, хватаетесь за перо, чтобы засвидетельствовать наше социалистическое волшебство и его творца, умеющего миражи делать более реальными, чем сама действительность...

Что ж, ваше время обязательно наступит, а пока я сам не упущу возможность восславить Родину в ее сыновьях.

Чудотворец, вооруженный сугубо материалистическим марксистско-ленинским мировоззрением, носит фамилию Альмеев [1].

...Вкусив от поросенка, запив кокосовым молоком и понежась бархатным тропическим зноем, я забарабанил в дверь карцера, призывая к себе главврача убедиться, не сон ли я вижу. Он не заставил себя ждать, но 26 целых и 5 десятых градуса продолжало дарить людям счастье!

Как и следовало ожидать, представитель нашей замечательно вооруженной медицины, антагонист всевозможных убийц в белых халатах в Чили, ЮАР, Израиле, Южной Корее и на Тайване, заверил меня, что термометр в полном порядке.

Сами понимаете, я был бы рад возвратиться к прелестям райской жизни, но... почему-то уже не получалось, хотя стрелка неумолимым штыком была направлена в самое сердце капиталистической пенитенциарной системы, где нет ни политзаключенных, ни райских карцеров для них.

Не получалось, может быть, потому, что уже давно не бегал я по камере? Трудно сказать. Как бы там ни было, чистопольский феномен требует к себе самого пристального внимания отечественной и мировой науки. В наше вдохновляющее время, как говорится, каждая щепка — удар по зиме!

Впрочем, я догадываюсь, что сверхинициативные, но скромные работники нашего ГУЛага, пардон, ГУИТУ тихо уже внедрили чистопольский гуманный феномен в тюрьмах и лагерях, пардон, учреждениях, что имеются во всех уголках нашей необъятной Родины.

И как знать, в результате строгого экспериментального изучения феномена не ждут ли, наконец, и советскую медицину лавры Нобелевской премии?!

И, стало быть, не поднимется ли на еще более недосягаемую высоту престиж нашего материалистического марксистско-ленинского мировоззрения и нашего социалистического образа жизни?!!

Помнится, в 1966 году по очень похожему поводу наш бывший советский гражданин, тогда только что оттянувший у нас «за тунеядство», а ныне лауреат Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский спросил в стихотворении «Остановка в пустыне»: «...Не ждет ли нас теперь другая эра?..»

Теперь легко сказать, что ожидаемая им тогда эра уже длилась, и легко добавить, что близится к концу. Как тот фокус, что мне продемонстрировали в чистопольском карцере.

12.05.1988 г. *Митяшин*

Друзьям. Письмо.

Дорогие мои! Ваши самоотверженные — год уже совершенно односторонние дружеские знаки так были не напрасны для меня! Наряду со светлым духом любимых книг и стихов они мне часто — единственная, но такая могучая подъемная сила, что не чувствую уз. Как необходимо человеку, чтобы его любили! Причина стрессов — недостаток любви, а не тяготы. (...)

Настроение у меня веселое. Я серьезно считаю, что моя теперешняя жизнь мне во многом на пользу. Хотя не исключаю, что другие ее варианты могли бы оказаться более полезными. Я тут многое понял про жизнь, про себя, разобрался в прошлых ошибках, неудачах. Почему не радоваться? С другой стороны, мне бы таким, сегодняшним, надо было быть сразу после первого срока, т. е. на 24-м году жизни. А мне через год уже 40! Мать честная! — уж скоро попросят со двора. Да, жаль, кое-что уже не переживешь сначала. «Поезд ушел» по многим важным колеям. Например, не повезло мне — хоть бы и незаслуженно для своего времени — удачно жениться, обрасти семьей. Теперь начинать — трудно вообразить. Точно сказано: всему свое время. А все-таки таков человек, что вера его слепая в себе и во все живое заставляет его радоваться жизни в любых обстоятельствах. А уж мне почему не радоваться? У меня для такой веры, думаю, достаточно объективных оснований. (...)

Периодику за прошлый год практически не читал — было некогда. Но всем публикациям радуюсь. Безвременье кончилось. С удовлетворением наблюдаю слепые надежды и расчеты одних и невольные растерянность и саморазоблачение других. (...)

4.06.88 г.

---

[1] Под наблюдением этого доктора в чистопольской тюрьме в декабре 1986 года погиб Анатолий Марченко.

В Прокуратуру СССР. Заявление.

Видимо, никогда я не перестану удивляться вашей системе. Конечно, на сегодняшний день я признаю, что начата серьезная перестройка ее структуры и что можно надеяться на более светлые времена для нашего общества, однако настоящее пока еще демонстрирует нам свои гримасы.

Вот, полюбуйтесь, пожалуйста, какими кадрами вы еще располагаете на местах. Представляю: надзирающий прокурор Нижнекамской прокуратуры Генрих Сергеевич Акташев. Этот прокурор оказался замечателен, как я убедился, не какой-то там особой жестокостью, кровожадностью — с этой стороны они все на подбор замечательные,— нет, Генрих Сергеевич любопытен иными гранями своих дарований.

Так, он приехал в тюрьму «разбирать» мои жалобы в Прокуратуру СССР, которые оттуда все подряд поступают на рассмотрение к нему.

В кабинете, куда меня пригласили, еще находились: начальник отряда капитан Емельянов В. М., врач Никитин[1] и зам. начальника тюрьмы по режиму капитан Буренков. Генрих Сергеевич взял в руку пачку моих заявлений и жалоб, потряс ею в воздухе и откровенно заявил: «Я прочитал их, но ничего не понял! При чем тут какие-то „троцкисты" и „пальмы"?»

Конечно, вырванные из контекста слова: «троцкисты», «пальмы» производят странное впечатление, поэтому я предложил Генхиру Сергеевичу огласить полностью текст Заявлений и Жалоб.

И вот при чтении Генрихом Сергеевичем первой Жалобы, которое он прерывал своими замечаниями, вдруг обнаружилось, что он не знает значения слова «антагонист»! (В этой Жалобе главврача тюрьмы Альмеева я назвал «антагонистом убийц в белых халатах в Чили... и в Израиле».) Генрих Сергеевич серьезно возмутился тем, что я нашего советского доктора «объединил с врачами в Чили и в Израиле»!

Я подивился и в присутствии вышеназванных свидетелей дал пояснение, что Генрих Сергеевич путает два противоположных понятия: антагонист — протагонист, что я сам ни в коей мере не считаю возможным объединять Альмеева с врачами из вышеперечисленных стран.

Он стал читать дальше, а мы сделаем маленькое отступление. Подумайте, какая произошла курьезная ситуация! Я сам только по возвращении в камеру после «разбирательства» сообразил, что если Генрих Сергеевич не знает понятия антагонист, то как же он состоит в вашей партии, в которой, как известно, все должны верить в классовый антагонизм?!

Дочитав эту Жалобу до конца, он снова искренне заявил, что не видит в ней «никакого смысла», что «в самом деле» не понимает, на что я жалуюсь.

Я резонно заметил ему, что свои проблемы он должен решать сам; если у него не получается, то я советую идти на пенсию.

Он, однако, не согласился, сказал: «Я сам знаю, когда мне идти на пенсию». Здесь на помощь Генриху Сергеевичу пришел капитан Буренков. Он сказал: «Митяшин имеет в виду, что Альмеев подсунул ему для измерения температуры в карцере испорченный термометр». И заявил, уже мне, что температура в карцере — в норме.

Взявшись затем читать мои Жалобы про то, что по неким секретным инструкциям местные троцкисты-сталинисты не пропускают ко мне в карцер для ознакомления письма близких и родственников, Генрих Сергеевич еще выказал незнание Правил внутреннего распорядка ИТУ. Он поначалу думал и высказал это вслух, что ПВР ИТУ запрещают не только отправление, но и получение в карцере частных писем. Вновь выручил капитан Буренков. Он показал Генриху Сергеевичу пункт ПВР ИТУ, который запрещает лишь отправление из карцера частных писем. Но дополнительно Буренков заявил, снова мне, что с инструкцией, которая специально запрещает заключенным получение писем в карцере, администрация тюрьмы знакомить меня не собирается.

Генрих Сергеевич, получив новый ориентир, сразу заявил: «Все делается так, как надо. Больше объяснять вам ничего не буду».

На этом «разбирательство» моих Заявлений и Жалоб закончилось. На остальные, видимо, не хватило сил у Генриха Сергеевича. Да и в этих он так ничего и не понял — по собственному признанию.

Прокурор Акташев Г. С. действительно предпенсионного возраста. И так вот всю жизнь, ничего не зная и ничего не делая, сидит себе на шее народа.

Как это могло случиться? Очень просто. При всем своем профессиональном невежестве он хорошо усвоил для жизни в этой системе одну, но основополагающую истину: все, что ни делается от имени государства,— делается правильно. Только одобряй и можешь уже ни во что не вникать.

Вот такой вот заслуженный и политически подкованный прокурор здесь работает. Не обойдет его, конечно, и заслуженная пенсия. Но задумаемся: так ли уж он

[1] Как мне известно, до смерти Анатолия Марченко Никитин занимал должность главврача, Альмеев был заместителем. После трагедии их поменяли местами.

одиозен? В дремучей некомпетентности — может быть. Но в своем слепом исполнительстве — в силу специфики нашей прокурорской службы — он норма, слепок системы. Все 70 лет какова у нас была система — таковы были и прокуроры. Не будем лезть в далекое прошлое. Для недавнего времени «застоя» очень показателен Узбекистан. Ведь Жалобы оттуда в Прокуратуру СССР поступали, но... возвращались все тем же бандитам, на которых они приносились. Ведь, поди, эти «товарищи» у вас там еще, так сказать, надзирают?

Что ж, перед угрозой экономического краха сверху начали, слава Богу, демократизировать систему. И уже видно, что не остановить этот процесс. Поэтому я выражаю надежду, что со временем вслед за рекунковыми не только акташевых попрут с работы, но и самым радикальным образом почистят и перестроят ваши авгиевы конюшни.

Думаю также, что найдутся среди вас достойные занять скамью подсудимых.

20.06.88 г.

Митяшин

В Прокуратуру СССР. Протест.

Нет слов, чтобы выразить возмущение, какими помоями кормят заключенных в чистопольской тюрьме! Это корм разве для свиней!

В первых блюдах ежедневно нечищенная сушеная картошка с гнилью, гнилой лук, отвратительный вкус и запах «бульона».

Только острое чувство голода заставляет в этой бурде под названием «суп» или «щи» выискивать какой-нибудь сравнительно съедобный кусочек. Остальное приходится почти всегда выливать.

Мало того, в этом вареве регулярно попадаются разные насекомые: тараканы, жучки, мухи. Вот и сегодня я обнаружил в миске на дне большую комнатную муху. Показал дежурному по корпусу, контролерам, но никого это не тронуло. Обычное явление.

И надобно отметить, в некоторых случаях подобное происходит с ведома медицинской службы тюрьмы!

Так, 3 апреля сего года — это на следующий день после моего приезда в тюрьму — мне подали «суп», в котором плавали если не сотни, то, по крайней мере, десятки одних только ног без тушек неизвестных насекомых! Я немедленно обратился к заключенному раздатчику. Он заявил, что раздает с ведома администрации. Я потребовал подойти дежурного фельдшера (как и сегодня, это было воскресенье, и врачи отсутствовали). Фельдшер, не глядя в мою миску, предложил мне другую порцию, но из этого же бака! На мой вопрос: откуда эти ноги? — он не ответил ничего. (Надо думать, была употреблена потравленная крупа: «Не пропадать же добру!»)

Я тогда собрался писать протест, как появился начальник отряда Кокалин и предложил мне вместо первого порцию второго, т. е. каши. Я согласился. И по мягкости характера решил тогда протест не составлять — это был мой первый «обед» в тюрьме, и я не предполагал, что такое положение дел с питанием здесь — норма.

Может быть, на ваш манер по отношению к заключенным и не должно быть иначе? Посмотрим. Лично мне очень хотелось бы убедиться, что это не так, хотелось бы увидеть медицинскую комиссию, члены которой на моих бы глазах съели-таки нашего супчику. Что касается каш, то, когда в них не попадается насекомых, они съедобны, хотя и невкусны.

17.07.88 г.

Митяшин

В Прокуратуру СССР. Заявление.

Я подтверждаю, что в продолжение забастовки от 25.04.87 г. я отказываюсь выполнять какую бы то ни было работу в тюрьме вплоть до конца моего заключения.

Принуждение меня к труду непрерывными вот уже пятнадцать месяцев мучениями карцером демонстрирует только бессилие этих ваших «культурных» — без щипцов — методов воздействия на человеческий дух.

Впрочем, и такую «цивилизованность» не стоит торопиться вам приписывать. Помнится, 1 сентября 1987 года меня пытались сломить, применив именно щипцы. Чешутся, так сказать, еще ручки.

Сегодня всем уже ясно, как убога и бесперспективна идеология, которая пытается подчинить себе дух человека, воздействуя на его тело.

Гиблое ваше дело, ребята!

24.07.88 г.

Митяшин

Здесь необходимы пояснения. 25.04.87 года на 35-й зоне состоялась коллективная забастовка заключенных и меня посадили в карцер «с выводом на работу». (Существует еще посадка «без вывода».) Работа в карцере для зэка обычно желательна — быстрее летит время, но я оказался в положении «невольника чести» и отказался от работы и там — «до выхода на зону». Однако

чекисты предусмотрели эту ситуацию как благоприятную возможность меня сломать. За отказ от работы в карцере перевели в БУР, где труд обязателен. Я последовательно пошел в отказ и там. Так и потекли у меня бесконечные секунды, минуты, часы, дни, недели и месяцы в карцерах порциями по 10—15 суток с перерывами по 2—4 в БУРе. При этом в БУРе, пока не посадят в карцер, меня ежедневно на 8 часов запирали в рабочую камеру, принуждая к труду. Это одна из соседних камер со швейными машинками. А я еще отказался ходить в рабочую камеру и обратно собственными ногами. И меня всякий раз туда и обратно под мышки таскал надзиратель. Соответственно я перед этим ложился на пол... Поскольку первая серия карцеров не принесла успеха, чекисты решились на более привычное для них средство воздействия — на прямую пытку. Вечером 1 сентября начальник смены надзирателей (ДПНК) Волков Вячеслав Иванович пришел в БУР лично вывести меня на работу в ночную смену. Как обычно, я отказался идти, и Волков пригрозил: «В таком случае я буду вынужден применить наручники». Я с пола протянул ему руки. Он сказал дать их за спиной. Я сел на полу и предоставил ему руки, как он хотел. Волков достал из кармана «наручники» и надел их мне на запястья. Это «наручники» не совсем обычные. Правильнее сказать, это пыточные кольца. Они устроены таким образом, что от малейшего давления на внутренний обод они самозажимаются. Внутри них еще имеются шипы... Надев кольца, Волков за соединительную цепь между ними сзади приподнял меня над полом и поволок в рабочую камеру. От веса тела кольца сжались так сильно, что в какой-то момент я потерял сознание. Пришел в себя, лежа ничком на полу в рабочей камере, руки были освобождены, но двигаться не было сил. Перед моим лицом поднимались начищенные сапоги Волкова, который зачитывал какой-то официальный текст. Затем он повелительно повторил: «Приступайте к работе! Приступайте к работе!» Я собрался ответить, но звук голоса неожиданно для меня получился такой слабый, что пришлось повторить, напрягая связки: «Вы — садист и палач». (Свидетелем всей этой картины был находившийся тогда со мной в БУРе, тоже из Питера, бывший солдат-«изменник Родины» Миша Федотов. Ныне полностью реабилитирован. Для предстоящего суда над КПСС, над ее преступными исполнителями приобщатся и его показания.) Затем Волков ушел. Видимо, от болевого шока все последующие 8 часов меня лихорадило с ознобом. Кожа на обоих запястьях была порвана, в ней шипами были продавлены долго сохранявшиеся глубокие, без крови дырки, кожа на тыльной стороне левой кисти на полгода потеряла чувствительность. И все же это был не самый страшный результат «опыта». Ожидая на полу конца «рабочего времени», я знал, что утром придет Волков, и в какой-то момент я вдруг поймал себя на подлой мысли: «А может быть, обратно мне пойти своими ногами? — это ведь не на работу». Т. е. мозг, боясь повторения экзекуции, искал для меня убедительное оправдание для компромисса. Признаюсь, когда пришел Волков, внутреннее напряжение у меня ощущалось. «Митяшин, выходите!» — «Я отказываюсь»,— отвечаю. Он: «Я применю наручники!» Я: «Как хотите». И вдруг он картинно ударил себя по карману, скорчил фальшивую рожу и воскликнул: «Ох, я же забыл взять наручники!» И повернулся к дежурному надзирателю: «Оттащи его». Облегчение, которое тогда испытал, я запомнил, думаю, на всю жизнь, однако, конечно, виду не подал. Эта акция — не Волкова инициатива. Как-то в другой раз я сказал ему: «Волков, вы не свою фамилию носите. Вам больше подходит какой-нибудь Овчаркин, так как вы знаете в жизни лишь две команды: „фас" и „фу"». Команду «фас» Волков получил от чекиста 35-й зоны Александра Николаевича Захарова. Я отправил Жалобу в Прокуратуру СССР, но сделать микрокопию был не в состоянии. Ответа не получил. В настоящее время член КПСС Волков уже капитан и продолжает служить своим хозяевам на 35-й зоне.

В Прокуратуру СССР. Протест. Копия — в Мед. отдел МВД СССР.

Заявляю протест против санкции главврача тюрьмы Альмеева продолжать пытки карцером, применяемые по отношению ко мне администрацией тюрьмы!

Так, Альмеев по моему Заявлению от 19.09.88 г. о необходимости моей госпитализации в связи с истощением моего организма от голода и расстройства нервной системы сегодня пришел ко мне в карцер «проверять мое здоровье». Он всего лишь послушал мое сердце и, отказавшись измерить мой вес, стал уговаривать меня принимать в карцере полный рацион питания. Т. е. свои врачебные обязанности он стал подменять оперативной работой администрации тюрьмы!

Что это, как не саморазоблачение фактического назначения медицинской службы в тюрьме г. Чистополя!

Разумеется, я потребовал у Альмеева прекратить издеваться над профессией врача.

В заключение этого замечательного медосмотра в карцере Альмеев, заявил, правда, запинаясь, что состояние моего организма позволяет и впредь содержать меня в карцере, что за мной «будут теперь наблюдать». Степень моего физического истощения и расстройства нервной системы Альмеев определил «на глаз».

А между тем я крайне физически истощен. По-видимому, медчасть, будучи под полным контролем КГБ, намерена просто закрывать глаза на истязания здесь больных людей.

Меня держат в так называемом «подвешенном», т. е. полузадушенном состоянии,

давая в среднем после каждых пятнадцати суток карцера 6—7 суток отдыха в камере. Таким образом они длят процесс постоянного ухудшения и разрушения моего здоровья.

Теперь моему терпению наступил предел. Впредь и в карцере и в камере я буду принимать в пищу только суточную норму хлеба (450 грамм) — вплоть до моей госпитализации для полного восстановления утраченного здоровья.

Деятельность медчасти тюрьмы г. Чистополя можно без преувеличения сравнивать с имевшей место в сталинских лагерях смерти.

20.09.88 г. *Митяшин*

В лагерях и тюрьмах СССР в функции врача кроме прямых обязанностей входит роль консультанта при администрации в случаях, когда кого-то длительно истязают в карцерах. Врач наблюдает, до какого момента это можно продолжать без летального исхода. (Так, на 35-й зоне, когда в карцерах я был доведен до крайнего истощения, а стопы и щиколотки ног по-слоновьи распухли, главврач Игорь Юрьевич Лысенко стал сам регулярно приходить слушать мое сердце.) В связи с этим следует сказать определенно: то, что Анатолий Марченко умер в голодовке,— свидетельство его преднамеренного убийства. Чекисты воспользовались удобным случаем. В СССР, когда заключенный держит длительную голодовку, его подвергают насильственному кормлению — чтобы не умер. Это делают врачи. Марченко не объявлял смертельной голодовки, но лишь на время очередной пустой Международной конференции по правам человека. Это около двух месяцев. Зная советские порядки, он понимал, что его будут насильственно кормить. Мы не знаем, как часто его кормили. Во время голодовки его держали в камере одного. Возможно, и совсем не кормили, поставив перед ним жесткий выбор: умереть или сдаться. Для Марченко же такой выбор никогда не существовал...

Подожди, Толя, эти суки еще ответят.

Я сам, чтобы не кормили насильственно, избегал полного отказа от пищи. Обычно в карцерах — «в протест против кормления горячей пищей через день» — я принимал только суточную норму хлеба, и месяца через 4 наступало истощение, отеки ног и т. д. Вслед за этим я начинал официально нагружать ответственностью за свое положение не только палачей по определению, но и «медицинскую» структуру ГУЛАГа. Именно таким путем я дважды переводился «на больничку» после серий полугодовых карцеров. Иначе на 450 граммах хлеба они могли без летального исхода пытать меня подольше.

Кокалину С. А. Совершенно секретно!

Дорогой Сергей Андреич! Поздравляю с удачной находкой! Далеко пойдете! Я знаю, что мое так называемое л/д з/к [1] настолько уже распухло от копий всевозможных моих Заявлений, что в настоящее время далеко не каждая сочиненная мной бумага удостаивается попасть туда скопированной. Поэтому, с одной стороны, руководясь желанием сохранить для истории следы моего пребывания в Ваших пыточных застенках (это необходимо для неумолимо приближающегося нашего родного, домашнего Нюрнбергского процесса), с другой, желая доставить Вам маленькую радость обнаружения клада, а с третьей, думая, как бы еще убить это бесконечное карцерное время, я и решил приготовить сюрприз, который Вы с чекистом уж обязательно воткнете в мое л/д. А не найдете? — что ж, тогда я возьму на себя труд донести до истории отражения моих мгновений бытия под Вашей опекой.

До скорой встречи на родном процессе.

Борис Митяшин

Капитан Кокалин в разговоре краснеет как девица. Когда в Чистополе дали мне первые 15 суток карцера, то при подъеме там потребовали поднять нары к стене, чтобы затем надзиратель запер их на замок. Я отказался. Позже пришел в карцер Кокалин и участливо так говорит: «Борис Олегович! Нака-ажут!» И краснеет! Я даже засомневался: неужели сочувствует? «Сергей Андреич,— говорю,— самому поднимать нары — это все равно что самому от себя кровать выносить. Этого не будет. Да и куда вы денетесь? — все равно выпустите».— «Борис Олегович! В ПВР нет ограничений для продолжительности пребывания в карцере, а у нас здесь через месяц все начинают вянуть». И краснеет! Как он произнес «вянуть», так я перестал реагировать на его чувствительность. Прошло 15 суток, и за отказ поднимать нары добавили еще 15, а потом за то же еще 15! После 45 — выпустили. При встрече с Кокалиным говорю: «Ну что? — выпустили!» Он покраснел и сострадательно так отвечает: «Но ведь ненадолго, Борис Олегович». Увы, это была правда, однако за нары уже не напрягали.

Друзьям. Письмо.

Братцы! Размышляя, отчего это все перестали мне писать, я осознал вдруг, что некоторые мои настоящие культурные установки не мало отличаются от прежних и, главное,

[1] Личное дело заключенного.

общепринятых. Здесь-то, кажется, и зарыта собака. Под воздействием того, «как дышит почва и судьба», я и не заметил, как вылущил, отбросил совсем тонкости, своеобразие индивидуальных отношений с друзьями, которые складываются, в частности, из разного уровня и спектра откровенностей, открытости. Я же, живя, как в романах Достоевского, в обнаженности мыслей и чувств, начистоту, и пиша общие для всех письма, всех для всех пооткрывал, что может быть хорошо для романа, но не для нормальных взаимоотношений. Право на защищенность души, право каждого на избирательное доверие — я позабыл эти ценности. Простите, пожалуйста, кого коснулось.

И по крайним срокам мне уже пора готовиться на волю. Изнутри, по-видимому, в первую очередь. Впрочем, и социальная жизнь у вас, судя по газетам, изменилась настолько, что тоже потребуется привыкать. (...)

В свое время на меня очень сильное впечатление произвела книга Гроссмана «Жизнь и судьба». Помню, было в ней покорившее меня рассуждение о дружбе, т. е. помню из него лишь общую мысль, что дружба многообразна и что не может быть найдено обобщающее ее начало или определение. Помню, на многих примерах это убедительно было доказано для меня, но сегодня с этой мыслью я уже не согласен. На удивление все очень просто: дружба — это естественно самоограниченный кусочек, кусок, кусище взаимной Любви-Надежды ее участников. (Любовь к человеку противоположного пола — это у личности неограниченное включение соединенных потенций Любви и Надежды. Т. е. это вера в осуществление в единстве с любимым человеком всего спектра жертвенных, эгоистических, творческих и исполнительских интересов. Широта и акценты в спектре веры зависят от исповедуемых личностью Авторитетов нравственности и природных наклонностей.)

А вообще эмоции — это направленное психо-физическое проявление веры-неверия с совмещенной шкалы трилистника Души.

Как могли заметить, я вошел во вкус доморощенных определений. Могу еще предложить. Совесть — в личности психо-физическое состояние Доброты (веры в человека как предпринимателя в труде и жертвователя собой ради людей), не оправданной: а) собственным трудом, б) поведением с людьми. Подчеркнем: состояние Доброты, но не Любви [1]. Ибо если вера личности в человека как предпринимателя в труде и жертвователя собой осознана ею в отношении не всех людей, но по какому-либо принципу ограничена на конкретных людей, их объединения, то собственное свободное предпринимательство личности в труде неизбежно превращается в исполнительство ограниченных объектов веры и жертвователь собой ради ограниченных объектов веры обрачивается абсолютным эгоизмом в отношении остальных людей, а совесть молчит. В случае переосознания себя личностью, обретения Доброты через замену Авторитетов нравственности (например, обретение Любви-Надежды в образе объективно Идеального Человека, ставшего для личности Авторитетом истинного, объективного отношения к труду и к миру), следует ждать и проявления Совести на: а) прежнее собственное исполнительство в деятельности, б) эгоизм к людям, т. е. ждать покаяния.

Отношение личности к труду по шкале: предприниматель — исполнитель и отношение к миру по шкале: жертвователь — эгоист внеисторичны. Историчны Авторитеты предпринимательства-исполнительства в труде и жертвовательства-эгоизма в жизни, представления об их форме и содержании. Религиозность — потребность и стойкость в личности Мерил Надежды и Любви (веры в них). (...)

28 октября 88 года.

СССР. МВД. Учреждение УЭ-148/ст-4
3 декабря 1988 г.

СПРАВКА № 096492

Выдана гражданину Митяшину Борису Олеговичу (...) в том, что он отбывал наказание в местах лишения свободы с 22 мая 1984 года по 3 декабря 1988 года, откуда освобожден по Указу ПВС СССР № 9848 XI от 30.XI. 88 г. «О помиловании». Освобожден от дальнейшего отбывания наказания.

Начальник учреждения *М. Н. Ахмадеев*

И все-таки меня «помиловали»! Причем по своей инициативе! По предложению начальника тюрьмы Ахмадеева «мой друг» Кокалин отвез меня на аэродром. Я принял предложение, поскольку был слаб, а у меня два тяжелых рюкзака с книгами. На аэродроме Сергей Андреич сбегал в кассу, купил мне билет на самолет до Казани и, покраснев, протянул руку на прощание. Я спохватился и отомстил: «Нет, Сергей Андреич. Вы меня пытали, и я вам руки не подам». Подхватил рюкзаки и поковылял к самолету... Теперь все-таки прощаю его за себя.

[1] Любовь — вера в конкретных людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Структурная гипотеза

Противопоставление категорий свободы и необходимости некорректно. Необходимость — это способ или условие всякого существования в природе. Свобода от необходимости в существовании структуры и систем материи во Вселенной невозможна. Свобода — это вариантность необходимости.

Возникновение и развитие нашей Вселенной мы рассматриваем как путь от Хаоса — через случайность конструктивных начальных условий нашей Вселенной — к последовательному структурированию материи (необходимости) с одновременным возрастанием вариантности (свободы) порядка.

Высшим уровнем структурной организации материи (необходимости и свободы) мы представляем устойчивую структуру неустойчивых систем материи неограниченно направленного управления их собственными начальными условиями, что мы понимаем как неограниченную свободу воли.

Соответственно, структуру материи нашей Вселенной в ее развитии мы предлагаем классифицировать на четыре уровня организации — по качественному значению свободы необходимости:

1. ~~Вакуумный~~ Отрешный уровень — возникновение и развитие пространственной структуры материи; структура полностью детерминирована начальными условиями Вселенной; свобода необходимости отсутствует.

2. ~~Косный~~ Периодический уровень — элементарно-элементная устойчивая структура неустойчивых систем материи; структура полностью детерминирована начальными условиями Вселенной; детерминированность систем материи ограничена случайными, ненаправленными флуктуациями; флуктуации — это случайная, ненаправленная свобода необходимости.

3. Видовой уровень — разноструктурные устойчивые виды, состоящие из одноструктурных неустойчивых, но репродуцирующихся систем (организмов); обладают устойчивыми структурами ограниченно направленного (т. е. ограниченно свободного и неслучайного) управления собственными начальными условиями. Т. е. обладают свободой необходимости на уровне ограниченной свободы воли.

4. Индивидовый уровень — единственный вид, состоящий из индивидов (личностей), обладает неограниченной свободой воли; индивиды обладают единой устойчивой структурой неограниченно направленного (неслучайного) управления собственными начальными условиями.

Некоторый начальный период своего развития от возникновения Вселенная находилась в состоянии первичного или «ложного» вакуума.

Затем часть пространственной структуры материи в результате детерминированных начальными условиями тех или иных процессов организовалась-объединилась (структурировалась) в новый — элементарно-элементный порядок, разделившись при этом на множество неустойчивых систем.

В дальнейшем в единственно наблюдаемой точке Вселенной — в Солнечной системе на Земле — часть материи организовалась-объединилась в устойчивые структуры следующего качественно нового уровня необходимости и свободы — в биовиды. Биовиды, представляя собой устойчивые структуры неустойчивых, но репродуцирующихся организмов, стали по отдельности и совокупно направленно изменять, направленно управлять собственными начальными условиями. Так, с одной стороны, в результате последующей дискретной организации-объединения структур первых биовидов стало происходить направленное возникновение новых структурно устойчивых видов организмов, а с другой — биовиды стали направленно изменять геохимическую эволюцию Земли. Их видовое и совокупное управление собственными начальными условиями ограничено в масштабе планеты. Одновидовые организмы Видового уровня организации материи обладают единой устойчивой структурой специфически ограниченно направленного (ограниченно свободного) управления собственными начальными условиями и, вместе с тем, между собой обладают изменчивыми ограниченными возможностями (потенциями) в их ограниченной видовой направленности. Эти различающиеся творческие потенции одновидовых организмов Видового уровня обладают между собой лишь количественными различиями в их управлении собственными начальными условиями.

В процессе направленного дискретного возникновения биовидов Видового уровня организации материи стволовая линия эволюции завершилась появлением одного вида Индивидового уровня организации. Индивиды этого уровня также обладают различными, изменчивыми потенциями в их видовой устойчивой структуре неограниченной направленности творческих потенций. Однако каждый индивид относительно других индивидов индивидуальными значениями своих неограниченно направленных потенций в управлении начальными условиями обладает не количественными, а качественными различиями и аналогичен в этом смысле целому виду Видового уровня относительно других видов.

Со времени возникновения жизни на Земле виды организмов управлением собственными начальными условиями, т. е. гидросферой, атмосферой, литосферой, взаимоуправлением и самоуправлением, стали их изменять.

При этом управление, направленное на антагонизм, обособление, вело: в филогенезе — к структурному ограничению свободы направленного управления, к специализации, а в онтогенезе — к ограничению управления начальными условиями вплоть до полного прекращения управления, т. е. вымирания вида.

А управление собственными начальными условиями, направленное к объединению, кооперации, взаимопользе, вело: в филогенезе к видам с подорганизменной и надорганизменной структурой взаимоуправления, т. е. к увеличению свободы направленного управления видов своими начальными условиями, а в онтогенезе — результатами направленной жизнедеятельности прародителей в эволюционных цепях — к преобразованию собственных внешних начальных условий благоприятно для возможных по всем линиям видов-потомков со структурами наибольшей свободы воли.

Переходные виды в процессе дискретной эволюции — виды, чьи сопряженные начальные условия в биосфере исключают возможность сопряженность начальных условий биовида высшего — Индивидового уровня, т. е. человека.

В результате направленной эволюции начальных условий первых биовидов на Земле последовательно возникавшие новые начальные условия биовидов-эволюционных потомков уничтожали прародителей, чьи внешние начальные условия полностью исчезали. Непреобразованные абиотические начальные условия на Земле закрыли, вероятно, эволюционные пути видам, ограниченным по этим параметрам. Во всех случаях это видоубивающий отбор. Отбор — это ограничение начальных условий биосистем. Путь от любой первоклетки до любого современного вида

состоит из звеньев начальных условий прародителей, с максимально широким диапазоном, т. е. наиболее благоприятных для дискретной организации-объединения биовидов с новой устойчивой, репродуцирующейся структурой управления новыми начальными условиями.

Видообразование — это макроэволюция, дискретное образование биовидов с новой устойчивой, репродуцирующейся структурой свободы и необходимости.

Вид (Видового уровня организации материи) — репродуцирующиеся организмы, обладающие единой устойчивой структурой специфически ограниченно направленного управления собственными начальными условиями.

Расообразование — микроэволюция, отбор определенных, изменчивых значений потенций в устойчивой структуре свободы и необходимости вида.

Очевидно, не для всех возможных биовидов благоприятные начальные условия состоялись на Земле, тем не менее, можно сказать, что с момента возникновения первые биовиды, дискретно эволюционируя своей структурой свободы и необходимости по всем возможным направлениям изменения и одновременно монотонно направленно преобразуя внешние начальные условия, эволюционно увенчались последовательным возникновением всех видов современной биосферы и биовида следующего — Индивидового уровня организации материи с параллельным созданием и поддержанием на Земле в замкнутом цикле направленной жизнедеятельности благоприятных внешних начальных условий — Геи — для этого биовида. Но не в качестве окончательной цели эволюции, а создавая таким образом начальные условия для нового этапа эволюции Видового уровня организации материи на естественных и искусственных планетных системах через посредство неограниченной свободы воли человека. И вновь, в свою очередь, для создания на них и поддержания — результатами направленной жизнедеятельности и соответствующего филогенеза (результатами совокупной свободы воли) биосферы — Геи для человека на всем пути его неограниченного распространения во Вселенной. В этом суть и парадокс свободы воли: при той или иной свободе направленного управления биовидов своими начальными условиями — начальным условием этой их свободы направленности управления является управление, направленное ко взаимопользе.

Наблюдаемые во Вселенной процессы эволюции неустойчивых систем материи Косного уровня организации (за исключением наблюдаемой стабильности протона) соответствуют пониманию диалектического принципа развития как единство противоположностей с эволюционным разделением на взаимоисключающие противоположности и создают энтропийную картину ее развития. Однако нам представляется, что это частный — онтогенетический принцип развития для неустойчивых систем материи.

Периодического

Если признать, что начальные условия нашей Вселенной оказались конструктивными для последовательного структурирования материи, и если при этом различить в этом процессе соответственно последовательное качественное возрастание свободы порядка вплоть до неограниченной свободы воли, то анализ этих устойчивых, закономерно возрастающих уровней объединения-организации структуры материи позволяет сформулировать основополагающий — филогенетический диалектический принцип развития: развитие как дискретное устойчивое объединение противоположностей — есть начальное условие для дискретного устойчивого объединения качественно нового уровня противоположностей.

По принципу неограниченности свободы воли Индивидового уровня организации материи у человечества впереди должно быть не ограниченное какое-то количество миллиардов лет существования, но вечность во все более и более управляемом мироздании.

Наша Вселенная, соответственно, должна быть открытой Системой.

Говоря другим языком, «начальные условия Вселенной» — это Творец. Однако «конструктивность начальных условий Вселенной» — это возможность управления Творцом Его «дитятею» — Вселенной.

Ленинград — Пермская область — Чистополь — Ленинград
1983—1989